

Юрий Гиммельфарб

Откат

Посвящаю моей любимой России

Роман

Предисловие	2
Глава 1. Сисадмин.....	3
Глава 2. Хакер.....	12
Глава 3. Доказательства.....	17
Глава 4. Серьезный разговор	24
Глава 5. Увольнение	30
Глава 6. Нападение	35
Глава 7. Интересный поворот	44
Глава 8. Откат.....	52
Глава 9. На самом краю	62
Глава 10. Шпаги к бою	69
Глава 11. Беседа	74
Глава 12. Первые факты	77
Глава 13. Разгадка	84
Глава 14. Тупик	91
Глава 15. Отступление.....	96
Глава 16. Смертельный удар.....	103
Глава 17. Экспертиза	114
Глава 18. Результат	118
Глава 19. Корзинкин	123
Глава 20. Трофимов	134
Глава 21. Стас	143
Глава 22. Штерн	151
Глава 23. Распилы и откаты	155
Послесловие.....	163

Предисловие

Когда я написал этот роман и дал почитать своим знакомым, то на меня посыпались вопросы: было ли то, что описано в романе, на самом деле? Или ты, дружище, все выдумал?

Ну, что ж, на прямо поставленный вопрос, отвечаю так же прямо.

В основу романа положены реальные события, которые происходили на самом деле. И – не скрою – вначале я хотел написать не художественное произведение, а документально-публицистическое произведение, в котором четко были бы названы все фигуранты: конкретно, с фамилиями, цифрами и фактами. Но поскольку у меня, к сожалению, не осталось никаких документов, которыми я мог бы подтвердить все изложенное, то решил написать роман. А так как это роман – не хроника, не протокол, а художественное произведение – в нем есть элементы авторского взгляда на вещи. Кроме того, для завлекательности сюжета в тексте есть и гиперболы, и преувеличения. Поэтому предупреждаю сразу: ***все имена, фамилии, названия – вымышлены и любое совпадение имен, фамилий, событий или названий – случайность.***

Но дело даже не в конкретном событии. Проблема в общероссийской беде: ***в коррупции.***

В романе показан механизм страшной заразы, разъедающей нашу страну: откаты, коррупция, взяточничество. В меру сил я постарался показать – как это все происходит и к чему это может привести.

Прочтите – и задайте сами себе вопрос: разве это написано не о нашей реальной действительности?

Я хочу выразить особую благодарность моим дорогим друзьям – Александру Пузакову, Александру Бочкову, Валерию Купцову, Игорю Сергушову и Владимиру Слонову. Спасибо вам, ребята за то, что вы есть в моей жизни!

Отдельная благодарность моему другу Ирочке Парфеновой за помощь в подготовке рукописи.

И еще один комментарий. Наверняка этот роман будут читать и программисты, и сисадмины, и другие ИТ-специалисты. Они сразу найдут в технических деталях множество несуразиц (с профессиональной точки зрения). Так вот, по этому поводу сразу отмечу, что все технические ляпы в романе введены умышленно. Кое-что для связки и завлекательности сюжета, а некоторые – чтобы доморощенные любители-хакеры даже не пытались повторить описанные в романе хакерские эксперименты: у вас ничего не получится.

Да это и не нужно повторять: деньги следует зарабатывать исключительно честным трудом.

Глава 1. Сисадмин

В породе и в чинах высота хороша:
Но что в ней прибыли, когда низка душа?

И.А. Крылов. 1815

На улице стояло бабье лето.

Была теплая погода, весело чирикали воробьи. Легкий ветерок слегка шевелил опавшую листву.

Сергей с тоской посмотрел в окно.

Он не выспался: безумно хотелось спать. Накануне Леночка Маташова, секретутка генерального, устроила ему сладкую жизнь...

Из-за того, что в проектно-модельном отделе из-за очередной неразберихи образовалась пустота, эту абсолютно нулевую барышню на один день посадили именно туда! Учитывая то, что самый сложный прибор, с которым Леночка имела дело за свою недолгую, но бурную жизнь, был телефон, Сергею пришлось за четверть часа объяснить ей премудрости обращения с компьютером.

Забыв, с кем он имеет дело, Сергей, естественно, показал ей, как правильно давить на мышшь и клавиши, объяснил, что монитор и телевизор – это несколько разные устройства, предупредил, что устройство для чтения компакт-дисков не предназначено для того, чтобы ставить на нее чашку кофе и все такое... Но самое главное, Сергей, на свою беду, строго-настроено наказал Леночке: «Не выключай, подруга, компьютер большой и красивой кнопкой на корпусе! Включать - пожалуйста, но выключать – Боже тебя упаси!».

На свою беду Сергей забыл, что это был единственный компьютер в проектно-модельном отделе, на котором, в силу определенных причин, была установлена старая версия сетевой операционной системы.¹ Эта старушка имела одну особенность: при выключении появлялось окошко с надписью «It's now time to safe turn off Your computer»² и кнопочка «RESTART»³.

Леночка, имевшая об иностранных языках самое смутное представление и умевшая читать по-английски лишь лейблы на импортной косметике и предполагавшая, что «в Штатах все круто», по окончании рабочего дня решила выключить компьютер.

Будучи легкомысленной, но дисциплинированной, Леночка решила сделать все так, как учили.

Start⁴

Shut Down⁵

Shut Down The Computer.⁶

Ждет.

Ждет.

Ждет.

Перед несчастной Леночкой снова появилась ненавистная табличка. О существовании английского языка, на котором говорят янки и где «все круто», Леночка не догадывалась, но,

¹ Речь идет об операционной системе Windows NT WorkStation 4. Имеется в виду английская версия программы. (Примечание автора).

² Сейчас произойдет выключение Вашего компьютера

³ Перезагрузить

⁴ Пуск

⁵ Выключение

⁶ Выключить компьютер

увидев перед собой одинокую кнопочку, она задумалась: что надо сделать? Будучи натуральной блондинкой, она приняла единственно верное решение: ДАВИТЬ!!!

Ждет.

Ждет.

Ждет.

Естественно, Restart отработал корректно и в полном соответствии с тем, что и предусматривали подчиненные Билла Гейтса.

Увидев перед собой знакомую картинку, Леночка обрадовалась: теперь она точно знала, что должна делать дальше. Она приняла смелое решение - повторить все заново.

После восьмой попытки Леночка стала смутно догадываться, что совершает какую-то ошибку, но никак не могла понять: какую именно? Голос предков подсказывал ей, что надо отойти от стандарта и принять то самое нестандартное решение, которое уже однажды привело к эволюции и превращению обезьяны в человека. После пятнадцатиминутного размышления Леночка решила позвонить сисадмину.

Поскольку часы показывали уже почти девять часов вечера, Сергей уже, разумеется, двинул домой. Более того, по дороге он еще решил расслабиться пивком.

Когда Сергей, будучи не совсем трезвым, около полуночи заявился домой, его встретила супруга Людмила, причем взгляд дорогой и любимой подруги жизни не сулил Сергею ничего хорошего. Она смотрела на него как-то искоса и после первых же ее слов Сергей начал смутно догадываться, что поводов для ревности она накопила более чем достаточно. Собрав свои нетрезвые файлы-извилины в одну директорию, Сергей понял, что ему весь вечер постоянно звонила какая-то незнакомая девушка и просила важного разговора, причем, как поняла Людмила, разговора сугубо личного.

Сергею не пришлось долго терзаться в догадках: ровно через десять минут раздался телефонный звонок.

Разумеется, это была Леночка Маташова!

Она совершила подвиг идеального пользователя: просидев на работе почти до полуночи, она перегрузила компьютер более сорока раз. Дождавшись Сергея, она наконец-то узнала от него: что же необходимо делать в такой запутанной и нестандартной ситуации!

Сергей вспомнил все это и улыбнулся. Он хотел расслабиться и покопаться в Интернете, но тут раздался телефонный звонок.

Он снял трубку и поднес к уху.

- Слушаю, - сказал Сергей.

- Сергей Михайлович, - раздался в трубке взволнованный голос начальницы отдела компьютерной графики Галины Геннадьевны Ивкиной. По ее взволнованному голосу чувствовалось, что она на взводе. - Алло, слушай, у меня серьезная проблема, я пытаюсь сделать презентацию, но у меня ничего не получается, я могла это делать на старом компьютере, но сейчас у меня ничего не выходит, я пробую уже два часа и все безрезультатно, а у меня срочное задание генерального директора, если ничего не заработает, то я буду писать докладную, вы должны мне помочь, я пытаюсь а оно не открывается, или открывается но все не то, помогите же мне, это все так сложно...

- Галина Геннадьевна, - Сергей поморщился и отвел руку с телефонной трубкой подальше от уха, потому что Ивкина на том конце провода орала в нее так истошно, что создавалось впечатление, будто ее одновременно насилуют как минимум пятеро пьяных биндюжников. Из-за ее воплей все было слышно и без громкой связи. - Давайте начнем разбираться последовательно.

Вы пытаетесь создать презентацию в MS PowerPoint? На основе имеющихся файлов? Ваши файлы расположены на жестком диске или на СиДи?

- Я не знаю что такое «жесткий диск» и «СиДи», я не компьютерный специалист, - раздраженно кричала Ивкина. - У меня есть такая круглая штука, я ее всовываю слева, выскакивает окошко «создать новую презентацию, открыть существующую», я нажимаю «открыть существующую», и тут оно все вываливается, а того, что мне нужно там нет, зато есть всякое другое, мои картинки, мои документы, я ничего не понимаю, помогите же мне!!!

Галина Геннадьевна Ивкина была старейшим сотрудником института. Это была эдакая шепотная низкорослая семидесятилетняя бабуся с хриплым грубым голосом. В молодости она была очень красива, о чем свидетельствовали многочисленные фотографии пятидесятилетней давности, развешанные у нее в кабинете. Но, как известно, время крайне жестоко по отношению к Божьим созданиям: теперь Ивкина напоминала старую толстую облезлую гориллу, украшенную нелепым начесом на голове. Некогда пухлые румяные щечки теперь обвисли и от этого лицо Ивкиной чем-то неуловимо напоминало морду мастиффа с неясным выражением.

В рабочее время Ивкина гонялась по всем кабинетам института не хуже спринтера и постоянно старалась привлечь к себе внимание разными проблемами – больше частью надуманными. Но с ней старались не спорить, зная ее склочный характер и абсолютно непредсказуемое поведение. Она всегда лебезила перед начальством и старалась спихнуть свои проблемы на подчиненных и коллег из других подразделений института. Именно поэтому кличка «Обезьяна с гранатой» пристало к ней, как приклеенное.

Вот и сейчас Сергей терпеливо выслушивал этот «поток сознания».

- Хорошо, когда вы нажимаете «открыть существующую», у вас появляется это окошко, - вы видите там надпись «диск Д»? – спросил Сергей

- Нет, не вижу, - ответила Ивкина.

- А что вы там видите? – терпеливо и нарочито спокойно спросил Сергей.

- Я тебе русским языком ответила! – закричала Ивкина. Очевидно, она решила, что Сергей над ним издевается. - Я же говорю - там СТОЛЬКО всего!!!! А того, что мне нужно, нет! Ну, ты что, тупой? Как же ты не можешь понять?!!!!

- Хорошо, Галина Геннадьевна, давайте сделаем так, - ответил Сергей. - Вы это все закроете, нажмете на «Мой компьютер». Нажали? Теперь, вы видите «Диск С и Д»?

- Погоди, - сосредоточенно пробормотала Ивкина. – Сейчас... Тут такое синее, и там написано «показать все файлы».

- Вы видите надпись «Диск С и Д»?

- Где я их должна видеть?

- У вас на экране, - с трудом удерживаясь от смеха, сказал Сергей. Ситуация стала его забавлять.

- Ну, я же говорю тебе русским языком - ТАМ ВСЕ ТАКОЕ СИНЕЕ, И НА НЕМ...

Сергей закрыл микрофон телефонной трубки и несколько секунд трясся от беззвучного хохота. Справившись с приступом веселья, он убрал руку с микрофона:

- Посмотрите, пожалуйста, в центр экрана.

- А-а-а-а, во, вижу, - радостно воскликнула Ивкина. - Написано «Диск С», мне его открывать?

- Подождите, не надо, - торопливо произнес Сергей, но Ивкина перебила его:

- Я его уже открыла! А тут опять ничего нету, что мне нужно!!!! Ты можешь толком мне объяснить или ты совсем ничего не знаешь? Если не знаешь, то я тогда напишу докладную и приглашу настоящих специалистов!

- Хорошо, давайте все сначала - закройте все, стараясь быть спокойным, мягким тоном произнес Сергей. – «Мой компьютер», далее смотрите в центр экрана, диск С, его открывать НЕ НАДО, под ним диск Д... Увидели?

- Нету тут ничего больше, - раздраженно сказала Ивкина. - А, стоп, вот, нашла, «Д диск», это оно?

- Да, - радостно ответил Сергей и перевел дух.

- Мне его открыть? – спросила Ивкина.

- Да, пожалуйста! – сказал Сергей.

- Точно? Ты уверен? – подозрительно спросила Ивкина

- ДА!!!! – уже не сдерживаясь, крикнул Сергей. Да, Ивкина достанет кого угодно!

- Открыла, - медленно произнесла Ивкина. - О, вот мои файлы!!! Ура! Я могу теперь с ними работать?

- Да, можете, - ответил Сергей. – Но все-таки лучше их сначала скопировать на диск С, и сделать доступными для записи, потому что...

- Ну ладно, это все мелочи, - перебила Ивкина. Она больше не слушала Сергея. - Раз я могу с ними работать, то ничего переносить не буду

И в трубке раздались короткие гудки.

Но едва Сергей положил трубку на место, как дверь в его кабинет открылась, и в него ворвалась начальница юридического отдела Лескова Людмила Владимировна. Это была худая, как жердь, немолодая женщина, которая всем своим видом всегда показывала, что она ужасно занята и у нее нет времени для беседы с такой мелкой сошкой, как системный администратор.

- Здравствуйте, Людмила Владимировна, - вежливо поздоровался Сергей, изобразив на лице радушие хозяина, к которому пришла в гости приятная женщина. – Какими судьбами? Чем могу быть полезен?

- Сергей Михайлович, - нетерпеливо перебила Лескова, проигнорировав приветствие Сергея. - У вас есть глобальная компьютерная сеть Интернет?

- Конечно, есть, - с недоумением подтвердил Сергей. – Впрочем, он и у вас есть, А что вас интересует?

- Там про юриспруденцию есть? – проигнорировав замечание Сергея, спросила Лескова.

- Разумеется, - ответил Сергей. Он уже привык к тому, что Лескова, которая совершенно не разбиралась в компьютерах, задает вопросы в соответствии с тем сценарием, который составила для себя заранее. Любое отступление от заготовленного сценария сбивал ее с толку и отсекался Лесковой изначально. Теперь Сергей просто ждал завершения мысли собеседницы.

- Сколько страниц? – коротко спросила Лескова.

- Полагаю, что несколько миллионов, - невозмутимо ответил Сергей.

- Ой... Почему? – испуганно произнесла Лескова. - Мне столько не надо. Мне бы страниц тридцать, не более того...

- Вам реферат, что ли, нужен? – спросил Сергей. – Вы подробнее опишите задачу, которая перед вами стоит.

- Да, реферат, - утвердительно кивнула Лескова. - Мне нужна глобальная компьютерная сеть Интернет. И чтобы про юриспруденцию было. Для студентов – ну что вам непонятно?!

- Так, все-таки давайте уточним задачу, - произнес Сергей. – «Глобальная компьютерная сеть Интернет» - это тема реферата?

- Ну, наконец-то, до вас дошло, - саркастически произнесла Лескова. - Только чтобы там ещё про юриспруденцию было... И обязательно чтобы тема была достаточно раскрыта...

- Насколько раскрыта? – спросил Сергей. - Какой уровень?

- Ну, что вам еще непонятно? – раздраженно ответила Лескова. - Для студентов юридического колледжа: что это меняет?

Сергей понял, что любые попытки воззвать к голосу разума собеседницы, бесполезны. Он не стал спорить.

- Вот что, Людмила Владимировна, - решительно произнес Сергей. - Напишите мне все, что вам нужно. Укажите тему реферата, примерный объём, план – ну и тому подобное. И обязательно укажите, что должно превалировать - Интернет или юриспруденция. А я постараюсь вам помочь и подобрать готовые работы.

- Ой, - испуганно произнесла Лескова. - Я так не понимаю... А можно мне самой посмотреть?

- К сожалению, сейчас нельзя, - решительно ответил Сергей. – Все мои ребята сейчас очень заняты и до завтра вряд ли освободятся. Поэтому за их компьютеры я вас пустить не могу. Сам я тоже сейчас занят и не могу вас к себе пустить. Но ведь, насколько я помню, у вас тоже есть доступ в Интернет. Если же с доступом в Интернет у вас есть какие-то проблемы, то я прямо сейчас лично немедленно устраню все проблемы. Вы умеете в Интернете работать?

Сергей ожидал утвердительного ответа, но он ошибся.

- Нет, - через силы процедила Лескова. - Но там же, наверное, написано, какие кнопки нажимать?

- Какие кнопки? – не понял Сергей. - Где написано?

- В Интернете, - глядя на Сергея, как на убогого калеку, снисходительно ответила Лескова. – В Интернете же все написано!

- Ясно, - произнес Сергей. - Видимо, сами вы ничего не найдёте, это я уже понял. Оставьте заявку, а я постараюсь вам помочь.

- Только, вот что, Сергей Михайлович, - властно произнесла Лескова. - Вы могли бы побыстрее? Понимаете, мне надо студентам по этой теме сессионную контрольную дать...

- Какую контрольную? – машинально спросил Сергей.

- Дело в том, что я информатику преподаю в юридическом колледже, - гордо произнесла Лескова. – И мне нужен материал для контрольной.

Услышав такое заявление, Сергей чуть не свалился со стула.

- Хорошо, - с трудом побором оцепенение, пробормотал Сергей. – Я все сделаю.

Но едва Сергей перевел дух, как раздался новый телефонный звонок.

Мысленно чертыхнувшись, Сергей снял трубку.

- Да, слушаю.

- Сергей Михайлович, - раздался в трубке повелительный голос его начальника Сергея Орестовича Корзинкина. – Зайдите ко мне.

- Хорошо, Сергей Орестович, - ответил Сергей.

Положив трубку, он встал и направился к выходу.

Сергей не любил своего начальника, хотя и относился к нему всегда официально-почтительно.

Сергей Орестович Корзинкин относился к разряду людей, которые пробились «из грязи в князи». Он всю жизнь работал мелким клерком в различных организациях, руководил небольшими отделами, но год назад вдруг был назначен заместителем генерального директора научно-исследовательского института, где работал Сергей.

Корзинкин был высокий, слегка сутулый мужчина в возрасте около шестидесяти лет с коротко постриженной козлиной бородкой и дорогими очками в тонкой оправе, которые он носил не столько из-за плохого зрения, сколько с целью придать себе как можно больше значительности. Впрочем, он редко пользовался очками: лишь когда читал мелкий текст. В остальных случаях он с таким же успехом мог вместо очков носить люки от колодцев городской канализации: на собеседника он всегда смотрел поверх очков – видимо считал, что подобный взгляд придает ему больше загадочности и значительности.

Все свои поступки Сергей Орестович оценивал лишь в одной плоскости: как он выглядит? Солиден ли он? Подчеркивают ли его слова высоту и значительность его положения?

Для поддержания собственной значимости, Корзинкин всегда ходил подчеркнуто медленно. Он никогда не здоровался первым и предпочитал общаться с подчиненными лишь в форме коротких приказов.

К Сергею Гильману он относился с плохо скрываемой неприязнью, хотя внешне обращался к нему официально на «вы» и по имени-отчеству. Корзинкина всегда бесил независимый характер Сергея, его профессионализм и тот факт, что по существу производственных вопросов Корзинкин не мог ничего сказать Сергею. Поэтому, опять-таки для придания значительности, он постоянно придирался к Сергею по мелочам.

Вначале Сергей пытался что-то объяснить Корзинкину, доказывал ему, но потом, видя бесполезность любых попыток что-либо добиться, махнул рукой на тупость и самодурство своего непосредственного начальника.

- Разрешите? – спросил Сергей, открыв дверь кабинета Корзинкина.

- Да, заходите, - ответил Корзинкин.

Войдя в кабинет, Сергей подошел к столу шефа, сел напротив него и приготовился слушать.

- Сергей Михайлович, - начал Корзинкин без церемоний и предисловий. – У меня к вам два задания. Первое: мне нужна книжка про Англию.

- Книжка про Англию? – переспросил Сергей. – Какая именно? По истории Англии? По культуре? Или по экономике?

- Какая вам разница? - возмущенно и раздраженно почти крикнул Корзинкин. – Я даю вам элементарное задание, а вы не можете понять простейшие вещи!

- Разница такая, что от конкретной темы зависит, то, что конкретно мне предстоит искать для вас, - спокойно ответил Сергей.

- Я откуда знаю! – Корзинкин даже повысил голос от возмущения. - Мне главное, чтобы про Англию, по-английски. И совершенно не важно, про что! Что тут непонятного?

- Простите, Сергей Орестович, но я все-таки хотел бы уточнить. – произнес Сергей. - Так вам про Англию или по-английски и не важно, про что?

- Мне нужен текст по-английски, на английском языке, - терпеливо, словно убогому, ответил Корзинкин. – Между прочим, вы могли бы и сами сразу спросить.

- Что спросить? – ошалело пробормотал Сергей.

- Какой язык мне нужен, - бросил Корзинкин. – Ох, Сергей Михайлович, как же с вами трудно...

Сергей не нашел, что ответить.

- Хорошо, Сергей Орестович, - выдал из себя Сергей. – Я сегодня же найду все, что вам нужно.

- Ну, вот и славно, - с удовлетворением сказал Корзинкин. – Теперь второе, более важное. Мне нужно, чтобы вы проанализировали, чем занимаются наши сотрудники в то время, когда работают на компьютерах. Сколько времени вам на это нужно?

Сергей удивленно посмотрел на Корзинкина. Это была узнаваемая манера разговора его непосредственного шефа: никакой конкретики, все весьма туманно.

- Боюсь, что я не совсем понял вас, Сергей Орестович, - произнес Сергей. – Что конкретно вас интересует? За какой период нужна информация? В какой форме? И, наконец, самый главный вопрос: для чего это нужно? Что произошло? Чем вызвано такое странное задание? Только после ответа на эти вопросы я смогу...

- Вот что меня всегда раздражает в вас, Сергей Михайлович, так это дух противоречия, - раздраженно перебил Корзинкин. – Почему вы все время со мной спорите? Вот, недавно я ездил в командировку в Гонконг – так там, если начальник отдает приказ подчиненному, то никаких вопросов и пререканий это в принципе не вызывает! В принципе! Я даю вам распоряжение и задаю простой вопрос - сколько вам нужно для этого времени? – что непонятно? Какая вам разница – для чего это надо? Какое ваше дело? Вы думаете, что вы здесь определяете политику организации? Вы ничего здесь не определяете! Так надо сделать – и все!

Сергей терпеливо слушал, когда иссякнет поток красноречия начальника. Он уже давно привык к тому, что, ничего не понимающий в вычислительной технике Корзинкин, часто дает непонятные и неконкретные задания. На приступы раздраженного красноречия и оскорбления Сергей давно уже не обижался, не воспринимал всерьез и относился к ним с тем же вниманием, с которым люди воспринимают шелест листвы или гудки автомобилей за окном. Это был метод руководства Корзинкина: он никогда не хвалил подчиненных, а лишь искал повод сделать очередной выговор. Если же повода не находилось, то он выдумывался на ровном месте. В этом Корзинкин, безусловно, был большим мастером! Считалось, что таким образом подчиненный знает свое место и уважает начальника. Но на самом деле такими методами руководства Корзинкин добивался как раз обратного эффекта: подчиненные просто переставали обращать внимание на ругань и замечания начальника, воспринимая их не более серьезно, нежели тиканье часов.

- Сергей Орестович, - почтительным тоном начал Сергей, когда гнев начальника понемногу утих. – У меня и в мыслях не было оспаривать ваши указания – упаси меня Боже! Мои вопросы вызваны исключительно желанием выполнить их как можно лучше! Даже за один день накапливается громадный объем информации! Я просто о вас беспокоюсь – как же вы будете его анализировать такой огромный массив данных? Понимание конечной цели поможет мне лучше удовлетворить ваши потребности!

Сергей говорил неторопливо, с расстановкой и уважительно, но в глазах у него плясали веселые бесенята. Он уже давно в разговорах с Корзинкиным представлял себя санитаром в сумасшедшем доме, перед которым сидит буйный пациент.

- Пожалуй, вы правы, - снисходительным тоном ответил Корзинкин. Он не уловил иронического тона Сергея и смягчился. Откинувшись на спинку кожаного кресла, он принял важный вид и продолжал:

- Дело в том, Сергей Михайлович, что за последнее время кто-то из сотрудников постоянно читает электронную почту Александра Леопольдовича Штерна – нашего уважаемого генерального директора. Более того: кто-то копирует файлы из закрытой области с компьютера Александра Леопольдовича. А некоторые важные файлы оказались уничтоженными. Вы понимаете, ЧТО это значит? На компьютере ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА какой-то – простите меня за грубое слово: хулиган! – хозяйничает, как в своей квартире! Это же из ряда вон! Там же хранится ТАКАЯ информация, о наличии которой простым смертным и знать не положено! Теперь вы понимаете всю важность и деликатность этого задания?

- А, ну теперь, конечно, понимаю, - сказал Сергей. В его голосе больше не было иронии. – А еще кто-нибудь жаловался на что-либо подобное? Или атаке подвергся только компьютер Александра Леопольдовича?

- Об этом Александр Леопольдович мне ничего не говорил, - ответил Корзинкин, почтительно склонив голову при упоминании имени-отчества генерального директора. Заметив это, Сергей опустил глаза в пол, пряча невольную улыбку. – Он сообщил мне только о том, что его данные кто-то читает. Впрочем, если выяснится, что читают почту еще и других сотрудников, то это тоже будет неплохо!

- Я прошу прощения, Сергей Орестович, - заметил Сергей. – Но для того, чтобы начать расследование и завершить его в разумные сроки – я имею в виду день-два – мне необходима некоторая дополнительная информация.

- Какая именно? – спросил Корзинкин.

Сергей пожал плечами.

- Прежде всего, мне необходимо знать, как и, главное, когда Александр Леопольдович это обнаружил. Во-вторых, для проведения расследования обязательно нужно знать, как долго эта атака продолжается. И самое главное – мне необходимо знать, что за информацию у него похитили.

- Сергей Михайлович, - Корзинкин от раздражения даже снял с носа очки. – Я, конечно, понимаю, что вы технический работник, а не руководитель и не дипломат, но нельзя же быть таким простым, как крестьянин! Как вы себе это мыслите? Как вы себе представляете: я подойду к генеральному директору и попрошу его предъявить мне всю информацию, которую он хранит у себя в компьютере? Вы что, ревизор? Или аудитор? Или распорядитель кредитов? Кто дал вам право задавать такие вопросы САМОМУ Александру Леопольдовичу? Вы что о себе возомнили? Вам необходимо исполнять приказы, а не нести - извините меня за такое грубое выражение, но у меня просто не слов от возмущения! - ахинею!

Обычно Сергей снисходительно выслушивал подобный словесный понос своего начальника. Он понимал, что раздражение Корзинкина вызвано лишь тем, что он не знал предмета разговора и совершенно не представлял, что ответить Сергею.

Но сейчас его терпение лопнуло.

- Сергей Орестович, - неожиданно жестким тоном произнес Сергей. – Вы сейчас дали мне задание и моя профессиональная обязанность выполнить его как можно лучше. Я работаю не техником, а системным администратором. Если вы считаете, что я, как системный администратор способен только нести ахинею, то мне тогда делать здесь больше нечего: разбирайтесь сами, как считаете нужным. Но если вы хоть на минуту готовы предположить, что я хоть немного разбираюсь в системном администрировании и в компьютерах, то поймите простую вещь: я задаю вам вопросы не из праздного любопытства и не потому, что мне делать нечего. Ответы на эти вопросы мне просто необходимы. И тот факт, что взлом произошел на компьютере Штерна, а не

тети Маши, у меня не вызывает священного трепета. Поймите, что технология поиска злоумышленника далеко не так проста, как вам это представляется. Невозможно искать «то – не знаю, что».

- Говорите тише и не кричите, - строго сказал Корзинкин. – Вы как себя ведете? Вы что себе позволяете? Когда вы в моем кабинете, то извольте говорить шепотом! Вы меня поняли? Шепотом!

Сергей пожал плечами: он уже привык к подобным выходкам своего шефа.

- И, тем не менее, Сергей Орестович, мне необходима дополнительная информация, касающаяся этой атаки, - спокойно произнес Сергей и посмотрел Корзинкину прямо в глаза. – Иначе это будут поиски по принципу «пойди туда, не знаю куда, и принеси мне то, не знаю что». И эти поиски могут продолжаться достаточно долго.

- Я вижу, Сергей Михайлович, что споры со мной доставляют вам удовольствие, - Корзинкин даже повысил голос. – Вы отнимаете мое драгоценное время. Поэтому, дальнейший разговор с вами считаю бесполезным. Я дал вам задание и всю информацию, которую мог сообщить. Вам надлежит исполнять. Сроку вам для исполнения – три дня. Через три рабочих дня вам надлежит утром быть у меня в кабинете и доложить результаты вашей работы. Если вы не выполните, то вам будет объявлен выговор. Вы все поняли?

- Понял, Сергей Орестович, - спокойно ответил Сергей. Все понятно, шеф снова не в духе, поэтому любые разговоры сейчас бесполезны. – Разрешите последний вопрос?

- Пожалуйста, - ответил Корзинкин, с трудом скрыв недовольствие.

- В какой форме мне надлежит представить вам результаты?

- А об этом подумайте сами, - с еще большим раздражением ответил Корзинкин. – Вы что же хотите, чтобы я за вас вашу работу делал? Подумайте! Вы затем здесь и работаете, чтобы думать!

- Хорошо, я обязательно подумаю, - произнес Сергей. – Я могу быть приступить к выполнению задания?

- Да, идите, - ответил Корзинкин.

Когда дверь за Сергеем закрылась, Корзинкин посидел минуту, глядя в окно, потом закурил и сделал несколько затяжек. Затушив сигарету, он потянулся к телефонной трубке и набрал номер...

Глава 2. Хакер

Когда таланты судишь ты, -
Считать их слабости трудов не трать напрасно,
Но, чувствуя, что в них и сильно, и прекрасно,
Умей различны их постигнуть высоты.

И.А. Крылов. 1808

Оставив Корзинкина наслаждаться осознанием собственного величия, Сергей вошел в свой кабинет и сел за компьютер.

«Тупорылый идиот, подумал Сергей, ему лучше всего командовать продавцами пива, а не программистами! Чтоб член во лбу вырос у того дегенерата, в чью похмельную голову пришла такая бредовая идея поставить этого клоуна нами руководить!»!

Однако сразу взяться за решение проблемы ему не удалось. Снова зазвонил телефон. Мысленно чертыхнувшись, Сергей взял трубку.

- Слушаю, - вежливым ровным тоном ответил Сергей.

- У меня тут надпись «срок действия пароля истекает через 3 дня. Вы хотите установить новый пароль? да, нет?», - раздался в трубке знакомый голос Ивкиной. – Зачем ты тут так намудрил? Что мне теперь нажимать?

- А вы хотите установить новый пароль? – спросил Сергей. В работе с пользователями он всегда старался добиваться осмысления последними своих действий.

- Откуда я знаю? – возмущенно закричала Ивкина. – Я тебе сто раз говорила, что я не программист.

- Галина, Геннадьевна, - терпеливо ответил Сергей. – Компьютер работает таким образом, чтобы вам удобнее было работать. Вот поэтому...

- Вот ты сам говоришь, чтобы удобнее было работать, - торжествующим тоном перебила Ивкина. – А зачем задаешь мне дурацкие вопросы?

Сергей мысленно уже поминал всех родственников Ивкиной по женской и мужской линии и в мыслях имел с ними со всеми интимные отношения с особой жестокостью и цинизмом.

- Вы меня не дослушали, - растягивая слова, нарочито спокойно ответил Сергей. – Пароль устанавливается для того, чтобы в ваши данные никто, кроме вас не залез. Вот вы, например, выполняете личные задания генерального директора?

- Конечно, выполняю! – гордо произнесла Ивкина.

- Вот, - нравоучительным тоном сказал Сергей. – А вы представляете, какой это будет ужас, если в них кто-нибудь залезет?

- А что, такое может быть? – обеспокоено спросила Ивкина.

- Если у вас пароль установлен, то не сможет, - радостно ответил Сергей и перевел дух. Ну, слава Богу, кажется, эта коза Ивкина успокоилась.

Но он рано радовался.

- А, теперь поняла, - проскрипела Ивкина. – Так что мне нажимать?

- Галина Геннадьевна, вы мне не ответили, - настойчиво произнес Сергей. – Вы раньше установили пароль, теперь прошло некоторое время, его рекомендуется сменить в целях безопасности. Так вы хотите сменить пароль в целях безопасности?

- Наверное, хочу, - неуверенно произнесла Ивкина.

- Ну, вот видите, - произнес Сергей. - Так что вам надо нажать?

- Кнопку «нет»? – спросила Ивкина.

- Почему «нет»? – ошалело спросил Сергей. Тупость Ивкиной привела его в замешательство. - Вы ведь хотите поменять пароль?

-Да, - так же неуверенно пробормотала Ивкина.

- Так что надо нажать? – с надеждой и скрытой мольбой в голосе произнес Сергей. Он мысленно диктовал ей ответ.

- Не знаю, - тупо проворчала Ивкина. - А ты как думаешь?

- Ну, вы хотите установить новый пароль или нет?

- Хочу.

- Так что надо нажать?

- Что вы мне голову морочите, откуда я могу знать, скажите мне, что нажимать! – заорала Ивкина.

- Прочитайте что у вас написано, - четко произнес Сергей. Он решил стоять насмерть, как «панфиловцы» под Москвой. - Ответьте мне вслух.

- «Срок действия пароля истекает через 3 дня. Вы хотите установить новый пароль? да, нет?», - прочитала Ивкина. - Ну, хочу.

-Да или нет?

-Да

-Так что надо нажать?

- Не знаю... наверное «нет»!

Сергей прикрыл трубку ладонью и несколько секунд тихо матерился.

- Галина Геннадьевна, - твердо произнес Сергей. Он мысленно уже сдался. – Жмите, что хотите: хуже уже вы не сделаете.

- Ты мне не хочешь помочь, - обиженно проговорила Ивкина. – Значит, я буду на тебя писать докладную генеральному директору, вот!

- Пишите, что хотите и кому хотите, - коротко со злостью бросил Сергей и швырнул трубку.

Мама дорогая! Наверное, это крест сисадмина: обслуживать таких пользователей! Все, надоели!

«Н-да, подумал Сергей. Тяжела и неказиста жизнь простого программиста».

Но на этом мытарства в этот день Сергея не закончились. Едва он, переведя дух, попытался сосредоточиться, дверь его кабинета открылась и на пороге возникла миловидная девушка.

Это была дочка главного бухгалтера, Оленька Дюжева.

- Я могу выбрать у вас тему дипломной работы? – без предисловий, даже не поздоровавшись, произнесла Оленька.

Сергей уже привык, что к нему обращались с самыми неожиданными просьбами, но подобное требование даже его повергло в изумление. Он знал, что Оленька заочно училась в каком-то университете, поэтому все-таки решил уточнить:

- А почему у нас? Вам что, на кафедре темы дипломной работы не дали?

- На какой кафедре? – с недоумением спросила Оленька. - Я же должна сначала с предметом определиться - по гражданскому праву мне писать или по уголовному.

Работая системным администратором, Сергей подумал, что консультирование студентов по выбору темы дипломного исследования никоим образом не входит даже в самый широко очерченный круг его служебных обязанностей. К тому же, ему надо было срочно выполнять задание Корзинкина. Но, зная склочный и сварливый характер Оленьки и ее мамы, он все же решил быть вежливым.

- Ну, выбирайте, Ольга Николаевна, определяйтесь, - деликатно промолвил Сергей. - Я-то чем могу вам помочь?

- Как это - чем? – удивилась Оленька. - Предоставьте мне список тем дипломных работ, а я выберу.

Сергей встал в тупик.

- Ольга Николаевна, - ответил Сергей, призвав на помощь всю свою выдержку и деликатность, - Вы явно не по адресу обратились. Вы где учитесь?

- В университете, - гордо ответила Оленька. - На юридическом факультете.

- Ну, вот, - обрадовался Сергей. - Идите в университет. На юридическом факультете, на вашей кафедре есть преподаватель, который является вашим научным руководителем. Поговорите с ним и спросите у него: какие они вам темы предлагают для дипломных работ.

Но Оленька не дослушала Сергея.

- Нам сказали самим выбрать, - перебила она. – Именно так. Что вам еще непонятно?

Сергей почувствовал, что тупеет. На какое-то мгновение ему показалось, что он находится в сумасшедшем доме и что сейчас он тоже сойдет с ума, как уже сошла та, которая в данный момент стояла перед ним. Он хотел выругаться, но понимал, что это невозможно. Поэтому Сергей вынужден был молчать, так как совершенно не понимал, о чем идет речь.

- Тем более, - стараясь говорить спокойно, произнес Сергей. - Что вы от меня-то хотите, Господи? Думайте, выбирайте, а я-то тут при чем?

- Так вы мне список дадите или нет? – решительно спросила Оленька.

- Мама дорогая! – Сергей уже терял остатки выдержки. - Да откуда у меня этот список может взяться, по-вашему?

Оленька тоже начала заметно нервничать.

- У меня брат в позапрошлом году закончил юридический факультет! Что вы на меня, как на дурочку смотрите? Ему тоже наш системный администратор тему дипломной работы подбирал, вот!

- Слушайте, Ольга Николаевна – решительно ответил Сергей. – Послушайте меня. Если студент подбирает себе тему дипломной работы в «где-то» или ему «кто-то» подбирает эту тему, то это вовсе не значит, что ему в некоем месте ДАЮТ какой-то список... И потом, почему вы обратились с этой загадочной просьбой именно ко мне?

- Потому что мой брат именно у вас этот список смотрел! – объяснила Оленька. От обиды глаза у нее наполнились слезами.

- Я не понимаю, чего вы от меня хотите, - с огорчением развел руками Сергей.

В ответ на это Оленька развернулась и громко хлопнула дверью, предварительно обиженно и заявив:

- От вас никогда не дождешься помощи! Ладно! Пойду в другое место!

«Где еще, в каком «другом месте» эта малахольная собралась требовать себе некий мифический список тем дипломных работ, подумал Сергей».

Вероятно, она хотела посмотреть в долбанных интернет-коллекциях рефератов, готовые работы на какие темы там уже есть, чтобы выбрать себе кафедру и «научного руководителя», исходя из этих реалий, и самой диплом не писать, взять готовый.

«Если я угадал, то я не виноват, подумал Сергей. Заканчивая юридический факультет, эта молодая особа – будущий адвокат! - не научилась понятно изъясняться... Впрочем, она не научилась этому в любом случае - даже если хотела чего-то другого».

Однако надо приступать к выполнению задания. Надо обнаружить несанкционированное вторжение в систему.

Конечно, этот баран Корзинкин не дал ему никакой информации – ну и хрен с ним! Он и так разберется! Для начала надо понять: откуда появился тот, кто влез в почту Штерна? Что это было: внешнее вторжение – или инсайдерские⁷ фокусы?

Вообще по сути дела обнаружение вторжений – это самая главная задача, выполняемая сотрудником, ответственным за безопасность информации в организации, при обеспечении защиты от атак. Обнаружение вторжений - это активный процесс, при котором происходит обнаружение хакера при его попытках проникнуть в систему. В идеальном случае, при самой попытке проникновения такая система лишь выдаст сигнал тревоги сразу же. Но на практике такое бывает редко: чаще всего факт несанкционированного вторжения в локальную сеть удастся обнаружить лишь после того, как сам факт вторжения уже был и преступник собрал или собирает интересующую его информацию.

По сути, системы обнаружения вторжений появились очень давно. Первыми из них можно считать ночной дозор и сторожевых собак. Дозорные и сторожевые собаки выполняли две задачи: они определяли инициированные кем-то подозрительные действия и пресекали дальнейшее проникновение злоумышленника. Как правило, грабители избегали встречи с собаками и, в большинстве случаев, старались обходить стороной здания, охраняемые собаками. То же самое можно сказать и про ночной дозор. Грабители не хотели быть замеченными вооруженными дозорными или охранниками, которые могли вызвать полицию.

Сигнализация в зданиях и в автомобилях фактически тоже разновидность системы обнаружения вторжений. Если система оповещения обнаруживает событие, которое должно быть замечено (например, взлом окна или открытие двери), то выдается сигнал тревоги с зажиганием ламп, включением звуковых сигналов, либо сигнал тревоги передается на пульт полицейского участка. Функция пресечения проникновения выполняется посредством предупреждающей наклейки на окне или знака, установленного перед домом. В автомобилях, как правило, при включенной сигнализации горит красная лампочка, предупреждающая об активном состоянии системы сигнализации.

Примерно то же самое происходит и с компьютерами. Сигнализация, оповещающая о проникновении грабителя, предназначена для обнаружения любых попыток входа в защищаемую область, когда эта область не используется. Система обнаружения вторжений предназначена для разграничения авторизованного входа и несанкционированного проникновения, что реализуется гораздо сложнее. Здесь можно в качестве примера привести ювелирный магазин с сигнализацией против грабителей. Если кто-либо, даже владелец магазина, откроет дверь, то сработает сигнализация. Владелец должен после этого уведомить компанию, обслуживающую сигнализацию, о том, что это он открыл магазин, и что все в порядке. Эту систему, напротив, можно сравнить с охранником, следящим за всем, что происходит в магазине, и выявляющим несанкционированные действия: например, пронос огнестрельного оружия. К сожалению, в виртуальном мире «огнестрельное оружие» очень часто остается незаметным.

⁷ Инсайдерская атака – несанкционированное проникновение в систему, организованное сотрудниками организации, то есть изнутри локальной сети (Прим. Автора).

Для начала, решил Сергей, посмотрим имеющиеся датчики обнаружения вторжений, которые он сам настроил при установке операционной системы на сервере. Начнем с анализа системных журналов.

Сергей просмотрел системные журналы. Все правильно, на компьютер генерального директора были внешние заходы. Так, что там смотрели? Корзинкин оказался прав: смотрели электронную почту генерального директора. Теперь посмотрим дальше. Опаньки, а это что такое? Какая-то странная папка, к которой есть доступ только у самого Александра Леопольдовича и там хранятся гигабайты различных мультимедийных файлов. Наверное, порнуха. Н-да, Александр Леопольдович, да вы, оказывается, шалунишка! Ну, тот факт, что злоумышленник туда залез, как раз объясняет очень многое: наверное, кому-то в институте захотелось в рабочее время поглазеть на крутых теток с большими сиськами и на позы, не описанные в учебнике под названием «Кама-Сутра».

Елки-палки, им что, порносайтов в Интернете не хватает? Или какой-то идиот накачал туда гигабайты порнухи? Хотя, странно: вроде бы, такого увеличения трафика не наблюдалось...

Но зачем этому Штирлицу почта генерального директора? Мама родная, да еще скопированы и списки клиентуры, и некоторые договора. Н-да, а вот это уже посерьезнее: в сети сидит какой-то троян, который ворует сетевые пароли! Неплохо! Видно, что наблюдение за несчастным Штерном этот хакер поставил на широкую ногу!

Ладно, оставим в покое содержимое похищенного – тем более, что уже фактов набралось предостаточно. Посмотрим, кто же это у нас в институте такой умный?

Или, не в институте? Впрочем, ответить на этот вопрос можно сразу же: проверим целостность системы внешней защиты. Нет, внешняя защита не нарушена. Впрочем, этого следовало ожидать: вряд ли кто-то смог незаметно обойти межсетевой экран.

Значит, работали изнутри. И это был кто-то из сотрудников института.

Сергей просмотрел некоторый из отмеченных записей в системном журнале и удовлетворенно хмыкнул.

Теперь все встало на свои места.

Сергей откинулся на спинку кресла и отхлебнул кофе из кружки. Даже не интересно: несложная оказалась задача. Не, сегодня уже поздно, никто никуда до завтра не денется. Но все-таки интересно: на кой ляд этому ушлепку понадобилось за генеральным директором шпионить?

За генеральным директором шпионил подчиненный Сергея техник Стас Лановенко.

Глава 3. Доказательства

Кто посмирней, так тот и виноват.

И.А. Крылов. 1809

Сергей задумался.

Станислав Лановенко... Кстати, как его отчество? Викторович... Нет, по-моему, Валентинович... Вроде, тоже не так... А, вспомнил: Владимирович! Станислав Владимирович. Впрочем, по отчеству его никто не зовет: молодой еще. В просторечии он – Стас, Стасик, Стасян. Тихий худенький молчаливый парнишка двадцати лет. Носит в ухе серьгу, новомодную прическу и едва заметную бородку, которая на его молодом лице смотрится довольно-таки нелепо. Добросовестный, исполнительный... Но как системный администратор слабоват, образования – никакого. Кажется, он учится заочно в каком-то институте...

И зачем же ему понадобилось шпионить за генеральным директором? Простое любопытство? Или за этим стоит какой-то конкретный интерес?

Впрочем, это уже не важно, подумал Сергей. Его это не касается. Он свою задачу выполнил, а дальше пускай Корзинкин сам разбирается со Стасом.

Мысли Сергея прервала Ивкина, влетевшая в кабинет Сергея с такой поспешностью, словно за ней гнался сексуальный маньяк. По пути к Сергею она опрокинула стул, уронила стопку бумаг на пол и, тяжело дыша, уселась напротив.

Сергей с недоумением уставился на Ивкину и приготовился слушать.

- Слушай, Сергей Михайлович, выручай, - затараторила Ивкина, с трудом переводя дух. – Мне срочно надо скинуть с дискеты один файл, а потом результаты на мой компьютер перекинуть. Можно?

- Да какие проблемы, - радушно улыбнулся Сергей. – Для хорошего человека не жалко. Садитесь за мой компьютер и работайте на здоровье.

Он встал со своего места и сделал приглашающий жест рукой. Ивкина села за компьютер Сергея, вставила дискету и нажала несколько клавиш. Сергей стоял рядом и наблюдал за ее манипуляциями, готовясь в любую секунду прийти на помощь.

- У меня всё готово, - через несколько минут произнесла Ивкина. - Как это теперь на мой компьютер перекинуть?

- Сейчас, - ответил Сергей. – Вы только пустите меня на мое рабочее место.

Он сел за компьютер, быстро нашел нужный файл и посмотрел на Ивкину.

- Какое у вашего компьютера имя?

- Имя? – недоуменно переспросила Ивкина. - Какое имя? Ну, кажется, пентиум...

- Нет, - Сергей с трудом сдержал улыбку. – Я имею в виду иное: под каким именем ваш компьютер фигурирует в сети?

- Откуда я знаю? – возмущенно закричала Ивкина. – Я тебе сто раз говорила, что я не программист! Я могу адрес назвать, а дальше ты сам разбирайся!

- Какой адрес? – не понял Сергей. Помолчав немного, он неуверенно добавил. - Ну, ладно, называйте...

- Улица Льва Толстого, - ответила Ивкина. - Дом сто шестьдесят восемь...

- Подождите! – перебил Сергей. - Вы какой адрес мне называете? Это что такое?

- Это мой домашний адрес, - объяснила Ивкина, глядя на Сергея, как на умственно отсталого ребенка, больного синдромом Дауна. – Этот файл лично мне нужен.

От такого заявления Сергей чуть не свалился со стула.

- А разве вы подключены к нашей институтской сети? – машинально спросил Сергей растерянным тоном.

- Понятия не имею, - высокомерно ответила Ивкина. Помолчав немного, она спросила. - А что, наша институтская сеть какая-то особенная?

- Да нет, обычная, - пожал плечами Сергей. – Просто ваш домашний компьютер не подключен к нашей институтской сети. Впрочем, погодите: модем у вас дома есть?

- А что это такое? – спросила Ивкина. – Слушай, я уже устала повторять тебе, что я не программист! Я не обязана знать такие вещи! Я вижу одно: ты мне помочь не хочешь, а это значит, что я буду писать на тебя докладную генеральному директору...

- Да погодите, Галина Геннадьевна, - устало сказал Сергей. Ивкина действительно обладала каким-то особым даром изматывать людей. Тем не менее, он решил довести дело до конца. - Вы в Интернет когда-нибудь из дома выходили?

- Нет, не выходила, - раздраженно ответила Ивкина. - Но я знаю, что информацию с компьютера на компьютер можно передать. Неужели ты таких простых вещей не знаешь?! Перед уходом на работу, я оставила свой компьютер включенным в сеть!

- В какую сеть? – машинально спросил Сергей.

- В электрическую, конечно! – гордо ответила Ивкина.

- Ох, - только и смог вымолвить Сергей. – Галина Геннадьевна, вы возьмите эту дискету, придите с ней к себе домой, и скиньте дома на свой компьютер всю необходимую информацию. А отсюда я не могу сейчас сделать то, о чем вы просите.

- Ты, как всегда, отказываешься мне помочь, - обиженно произнесла Ивкина. – Либо ты настолько некомпетентен, что не можешь сделать элементарных вещей, либо ты постоянно хочешь мне вредить. Ладно, хотя бы скинуть этот файл на мой рабочий компьютер в моем кабинете ты можешь? Чтобы мне туда-сюда с дискетками не бегать!

- Без проблем, - ответил Сергей. – Это сделаю прямо сейчас в вашем присутствии.

Сергей быстро залез в «Сетевое окружение» и просмотрел все компьютеры работающие. Однако рабочей станции Ивкиной среди них не было. Та стояла за спиной Сергея и подозрительно следила за его действиями.

- Странно, - пробормотал Сергей. – Почему же я ваш компьютер не вижу? А он у вас вообще-то сейчас включен?

- А зачем? – спросила Ивкина. - Мне ничего с этим документом сейчас делать не надо. Ты его просто на диск мне скинь. Это понятно?

- Ох, - вздохнул Сергей. – Это-то мне понятно. Но компьютер для этого надо всё-таки включить.

- Нет, ну ничего сделать не может, - раздраженно буркнула себе под нос Ивкина.

Взяв телефонную трубку, она набрала номер и коротко бросила:

- Девочки, включите мой компьютер.

- Ну вот, теперь я вижу ваш компьютер, - сказал Сергей через несколько секунд, пропустив мимо ушей реплику Ивкиной. – Все, Галина Геннадьевна, файл скопирован.

- Ну, наконец-то, - язвительно буркнула Ивкина. – Где он там у меня? Я сама его найду?

- Он в папке «Входящие», - ответил Сергей.

- Так, - решительно произнесла Ивкина. – Пойдем-ка со мной и покажи сам: где у меня этот файл лежит!

- Н-да, - проворчал себе под нос Сергей. – А кто-то наивно полагает, что сеть существует для того, чтобы не бегать с дискетами...

Между тем, рабочий день подошел к концу. Сотрудники института потянулись к выходу. Вернувшись на свое рабочее место и слегка отдышавшись, Сергей снял телефонную трубку и набрал номер своего шефа.

- Слушаю вас, Сергей Михайлович, - раздался в трубке ровный голос Корзинкина.

- Сергей Орестович, - сказал Сергей. – Я выполнил ваше задание и все выяснил. Готов рассказать и предоставить материалы.

- Очень хорошо, - ответил Корзинкин. При этих словах шефа, Сергей не мог сдержать улыбки: похвалу из уст Корзинкина он слышал чрезвычайно редко. - Тогда минут через пять зайдите ко мне со всеми материалами.

- Хорошо, - коротко ответил Сергей и повесил трубку.

Кабинет Корзинкина находился в соседнем корпусе и пяти минут, указанных им было достаточно как раз для того, чтобы еще раз бегло просмотреть все материалы и дойти до кабинета. Открыв дверь, Сергей вошел внутрь.

- Разрешите, Сергей Орестович?

- Да, заходите, - кивнул головой Корзинкин. – Садитесь и рассказывайте, что вы обнаружили.

Сергей подошел к столу и сел напротив Корзинкина.

- Дело обстоит следующим образом, - начал Сергей. – Исследования показали, что за Александром Леопольдовичем шпионил Стас Лановенко. Именно он читал его почту и копировал файлы из его папок.

Несмотря на свою сдержанность, после подобного заявления своего подчиненного Корзинкин не мог сдержать удивления.

- Кто?– с неприятным изумлением пробормотал Корзинкин. – Стас Лановенко? Вот этот худенький мальчик с серьгой в ухе? Если я не ошибаюсь – он у нас техником работает. Я правильно вас понял, вы имеете в виду именно его?

- Вы абсолютно правильно меня поняли, - утвердительно кивнул головой Сергей. – Вы не ослышались: именно Стас. Впрочем, Сергей Орестович, ваша реакция на подобное известие мне хорошо понятна: я и сам, когда все обнаружил и проанализировал, был в таком же шоке, как и вы. Тем более что в подобных действиях пока что лично я не усматриваю никакой логики и конкретной цели. Зачем ему это понадобилось – совершенно непонятно!

Получив такое неожиданное известие, Корзинкин вначале некоторое время бесцельно перекадывал бумаги у себя на столе, потом достал из пачки сигарету, щелкнул зажигалкой и закурил.

Сергей терпеливо ждал вопросов своего шефа.

В кабинете на некоторое время воцарилось молчание.

- И что же, он один этим занимался? – растерянно спросил Корзинкин.

- На этот вопрос я не могу ответить однозначно ни «да» ни «нет», - ответил Сергей.

- То есть как это? – спросил Корзинкин. – Ответ должен быть всегда однозначным. Если вы не можете сказать «да» или «нет», то это означает только одно: вы не до конца выполнили задание. А это означает, что вы снова бесцельно тратите мое время.

Получив повод сделать Сергею внушение, Корзинкин воспрянул духом и вновь принял свой обычный начальственный и важный вид.

– Не все так просто, Сергей Орестович, - терпеливо объяснил Сергей. – То, что все незаконные операции производились под учетной записью Стаса, это сомнений не вызывает. Но дело в том, что некоторые вещи делались анонимно с компьютера нашего сотрудника Андрея Рихтера. Подчеркиваю: компьютер определен точно и без вариантов, но все операции были сделаны анонимно. Следовательно, сказать с абсолютной уверенностью – был ли это сам Рихтер или Стас Лановенко просто воспользовался его учетной записью в нашей локальной сети – невозможно. Впрочем, Стас и Андрей – друзья «не разлей вода». Поэтому, скорее всего, весь этот хакерский балаган сделали они оба.

- Почему вы так в этом уверены? – спросил Корзинкин.

- А потому что Стасик Лановенко имеет весьма слабую подготовку, как системный администратор, - объяснил Сергей. – Он уже два года работает в моем подчинении, поэтому за это время я успел убедиться в его профессиональной квалификации. Да, он неплохой техник. Я бы даже сказал – хороший техник. Но как системный администратор он слаб: знаний маловато! Напротив, Андрей Рихтер, как системный администратор знает гораздо больше Стаса. Поэтому вдвоем они неплохо могут дополнять друг друга. Вот почему я убежден, что они сделали это, скорее всего, вдвоем.

- Это все ваши умозаключения, - нравоучительно произнес Корзинкин. – Но умозаключения и логические выводы – это еще не доказательства. Вам необходимо представить такие факты, от которых невозможно отпереться.

- Позвольте, Сергей Орестович, но какие же это умозаключения? - возразил Сергей. – Это не просто умозаключения и логические выводы, а самые настоящие факты. Я проанализировал системные журналы, из коих следует, что все это – дело рук Стаса. В системных журналах фиксируются абсолютно все действия наших сотрудников. То есть в них отражены все операции, которые они производили в локальной сети. Человек читает электронную почту – это зафиксировано! Человек залезает в чужой компьютер – опять-таки это все фиксируется! Сотрудник копирует чужие файлы – это также находит свое отражение в системных журналах. Причем, делается это с точностью до секунды! И делаю это не я, а серверная операционная система, а я тут ни при чем! Системные журналы – это как отпечатки пальцев: все однозначно идентифицируется. Конечно, не исключено, что кто воспользовался учетной записью Стаса – это как получить нечто по чужому паспорту! – но в данном случае это также исключается. Так что, факты есть, можете не сомневаться!

- Но вы же сами сказали, что некоторые действия производились анонимно! – не согласился Корзинкин. – Значит, не все действия сотрудников фиксируются. Или эти записи в журнале подделаны кем-то!

- Не совсем так, - покачал головой Сергей. – Во-первых, в системном журнале фиксируется не только учетная запись пользователя – то есть фактически его паспортные данные! – но и адрес компьютера в сети, с которого были проведены некие действия. И подделать это невозможно. Вот почему я и определил, что некоторые действия были произведены анонимно с компьютера Андрея Рихтера. А, во-вторых, есть класс программ, которые позволяют проникать на чужие компьютеры, минуя любые защиты. А также программы, позволяющие воровать пароли пользователей в сети. И такие программы были установлены на компьютере Андрея Рихтера и им же запускались. Именно поэтому я и сделал такой однозначный вывод о том, что в этом замешан и Рихтер.

Корзинкин ничего не ответил и задумался.

- А вы говорили со Стасом? – неожиданно спросил Корзинкин. – Или с Рихтером?

- Не совсем понял, Сергей, Орестович, - Сергей с недоумением уставился на своего начальника. – О чем мне с ним говорить? На какой предмет?

- Ну, вы спросили его – зачем он все это делал? – нетерпеливо ответил Корзинкин. – Вы интересовались этим?

- Разумеется, нет, - ответил Сергей. Несмотря на то, что он привык к неожиданным приказам своего шефа, подобное требование повергло его в состояние растерянности. – Вообще-то я технарь, а не следователь. Я определил, что все это сделал Стас Лановенко и могу это неопровержимо доказать: есть записи в системных журналах – это неопровержимое доказательство! Был ли в этом замешан Андрей Рихтер, зачем все это затеял Стас Лановенко – это уже, согласитесь, не мое дело. Извините, Сергей Орестович, но проводить следственные действия – это уже ваше дело, а не мое!

- Вы что же, решили мне указывать – что мне следует делать? – раздраженно спросил Корзинкин. – Мои должностные обязанности – это не ваше дело. Ваше дело – подчиняться и выполнять мои приказы: иначе мы с вами просто-напросто будем расставаться! Я даю вам приказ, а вы, вместо того, чтобы его четко исполнить и доложить, несете какую-то ахинею и указываете мне, что я должен делать! Может быть, вы метите на мое место? Тогда идите к Александру Леопольдовичу и доложите ему, что вы не считаете Сергея Орестовича своим начальником. А может быть, вы метите на место самого Александра Леопольдовича? В таком случае, не понимаю, что вы тут делаете! Если вам не нравится выполнять мои приказания, то дверь вон там!

Произнеся последние слова, Корзинкин повелительно указал пальцем Сергею в сторону двери своего кабинета. Сергей тяжело вздохнул: он понял, что теперь снова предстоит очередное нудное объяснение с шефом. Корзинкин еще что-то говорил, распаясь от собственных слов все больше и больше.

Это была обычная стандартная беседа. Корзинкина с уверенностью можно было назвать «псих-самозавод»: от своих собственных слов и фантазий он распаялся все больше и больше и остановить его при подобных обстоятельствах мог либо взрыв ручной гранаты, либо звонок генерального директора. Вообще Корзинкин в каждом слове подчиненных видел подтекст: он считал, что подчиненные смеются над ним, оспаривают его указания. Впрочем, он был недалек от истины: во всем институте не было, наверное, ни одного человека, который за глаза не называл бы Корзинкина дураком.

Придя в институт и усевшись в удобное кожаное кресло, Корзинкин возглавил целую группу подразделений отнесенных к службам обеспечения, таких как: столовая, секретарши, курьеры, административно-хозяйственные службы ну и, разумеется, информационные технологии. По всем направлениям сразу пошли изменения. Порция в столовке сократилась в два раза, секретарши и курьерши стали резко увольняться, но как любого примитива Корзинкина, манило высокое и загадочное слово: информационно-технологический отдел. В этом таинственном слове он видел немереное поле для своей деятельности и вечный источник личного обогащения. Но на самом деле Корзинкин был действительно крупным специалистом в деле облизывания интимных частей тела у руководства: в этом ему равных не было, наверное, на всем белом свете!

Корзинкин был не просто глупым человеком, а представитель опаснейшего подвида двуногих, ошибочно именуемых себя homo sapiens: дурак с инициативой. Как это чудо стало начальником – да еще заместителем генерального директора по производству! – для Сергея и окружающих оставалось полной загадкой.

Поток красноречия Корзинкина прервал телефонный звонок. Сожалея о том, что он не успел излить весь припасенный запас желчи на Сергея, Корзинкин посмотрел на определитель номера.

Звонил генеральный директор. Изменившись в лице, Корзинкин немедленно снял трубку. Брюзгливую мину он тотчас же сменил на подобострастное выражение.

- Слушаю, Александр Леопольдович! – от избытка чувств Корзинкин даже слегка привстал и прогнулся. При виде этого комичного зрелища Сергей опустил глаза вниз, пряча улыбку.

- Слушай, Сергей Орестович, - послышался голос Штерна. – Ну, как там у тебя успехи по тому делу? Что-нибудь выяснили?

- Выясняем, Александр Леопольдович, - елеиным и почтительным тоном произнес Корзинкин. – Уже кое-что удалось обнаружить. Думаю, не позднее, чем завтра к обеду, я доложу вам результаты расследования.

- Давай, не затягивай с этим, - ответил Штерн. – Завтра в восемнадцать ноль-ноль я жду доклада, фактов и фамилию виновного.

- Слушаюсь, Александр Леопольдович, - от волнения Корзинкин даже снял очки.

- Все, до завтра, - отрезал Штерн и в трубке раздались короткие гудки.

- Вы все слышали? – спросил Корзинкин Сергея, повесив трубку.

Вместо ответа Сергей утвердительно кивнул головой и выжидающе посмотрел на своего начальника.

- Тогда идите и немедленно выясните у Стаса: зачем он перлюстрировал электронную почту генерального директора, - приказал Корзинкин. – И не беспокойте меня по пустякам, не отнимайте у меня время непроверенными фактами. Необходимы неопровержимые улики, бронебойные факты. Такие факты, чтобы выстрел был прямо в «десятку». У Александра Леопольдовича не должно остаться никаких сомнений. Вы меня поняли?

Сергей посопел немного, помолчал, потом, видимо решившись, проговорил:

- Все-таки хотелось бы четко определить мои действия, Сергей Орестович. Позвольте мне все же еще немного злоупотребить вашим временем, но мне просто жизненно необходимо еще кое-что уточнить. Это нужно для того, чтобы максимально точно выполнить это деликатное задание.

- Что вам еще непонятно? – с неудовольствием спросил Корзинкин, с трудом преодолевая раздражение.

- На основании анализа системных журналов можно сделать однозначный вывод, - сказал Сергей. – Почту Александра Леопольдовича читал именно Стас – и никто другой. Файлы из его личных папок копировал тоже он. Списки клиентуры, перечень договоров – тоже его рук дело. Отрицать это бессмысленно. Вопрос: что конкретно мне следует выяснять у Стаса? Какие вопросы мне необходимо ему задать и какие ответы от него вы ожидаете?

- Сергей Михайлович, - Корзинкин водрузил на нос очки и посмотрел на Сергея. – Неужели вы настолько беспомощны, что не можете решить даже такой простой вопрос без моей прямой подсказки? Вы хотите, чтобы я за вас работал? Я вам что: отец родной? Неужели вы даже это не можете решить самостоятельно? Вам нужно выяснить у Стаса: зачем он это делал – что тут сложного? Вам нужно также поговорить с Андреем Рихтером и выяснить у него – как так получилось, что с его компьютера также производились некоторые незаконные действия – что тут непонятного? Вы меня раздражаете своей простотой, Сергей Михайлович, понимаете: РАЗДРАЖАЕТЕ! Короче говоря, либо вы завтра утром докладываете мне все результаты расследования, докладываете, что Стас вам объяснил – либо мы будем с вами расставаться! Надеюсь, хотя бы это вам понятно?

Сергей понял, что дальнейшие разговоры совершенно бесполезны и только вызовут очередной припадок истерического красноречия шефа.

- Хорошо, Сергей Орестович, - примирительным тоном спокойно ответил Сергей. – Я все сделаю так, как вы сказали.

- Когда вы поговорите со Стасом, - спросил Корзинкин.

- Сегодня он уже ушел домой, - рассудительно ответил Сергей. – Значит, завтра с утром, в самом начале рабочего дня я с ним поговорю. Следовательно, к обеду у меня уже будут все результаты.

- Отлично, - удовлетворенно сказал Корзинкин. – Тогда в двенадцать ноль-ноль жду вас у себя в кабинете с докладом.

И он сделал себе пометку на календаре.

Глава 4. Серьезный разговор

К несчастью, то ж бывает у людей:
 Как ни полезна вещь, - цены не зная ей,
 Невежда про нее свой толк все к худу клонит;
 А ежели невежда познатней,
 Так он ее еще и гонит.

И.А. Крылов. 1815

Утром следующего дня, закончив с текущими делами, Сергей посмотрел список сотрудников, которые уже включили свои компьютеры. Среди них был и Стас.

Сергей снял телефонную трубку и набрал номер.

- Стас, - сказал Сергей после ответа. – Загляни ко мне.

Через несколько секунд Стас вошел в кабинет Сергея.

- Дверь прикрой, - сказал Сергей.

Стас закрыл дверь кабинета, сел напротив Сергея и вопросительно посмотрел на него. Лицо парня ничего не выражало. Сергей внимательно смотрел на Стаса. Тот был спокоен.

- Скажи мне, Стас, - начал Сергей, выдержав небольшую паузу. – Ты когда последний раз менял свой пароль входа в локальную сеть?

- Сейчас, пожалуй, я уже и не вспомню, - неуверенно ответил Стас и пожал плечами. – Наверное, месяц назад менял. Или чуть меньше месяца. Сергей Михайлович, точно сейчас я вам не скажу, но это было достаточно давно.

- Точно менял? – спросил Сергей.

- Точно, - утвердительно кивнул головой Стас. – Но когда конкретно – не помню.

- А ты с тех пор говорил кому-нибудь свой новый пароль? – спросил Сергей. – Я имею в виду следующее: кто-нибудь из сотрудников института знает твой текущий пароль входа в локальную сеть?

- Нет, - уверенно помотал головой Стас и вопросительно посмотрел на Сергея. – Вряд ли кто-то его знает: я никому его не сообщал. Теоретически, конечно, могли и подсмотреть, но это вряд ли. А что случилось?

Сергей опустил глаза, помолчал немного, подбирая слова, и повертел в руках карандаш. Потом поднял голову.

- Да понимаешь, дружище, тут вот какое неприятное дело вырисовывается, - спокойно произнес Сергей и посмотрел Стасу прямо в глаза. – Вчера от Александра Леопольдовича поступила претензия. Кто-то смотрит его электронную почту, просматривает его личные файлы. Ну, короче говоря, сует свой нос туда, куда ему не положено совать. Я проверил и получается следующее: да, действительно, такой факт имеет место быть. А информация, полученная на основании анализа системных журналов, указывает на то, что все эти несанкционированные заходы были осуществлены под твоей учетной записью, причем, в рабочее время. Вот такая, брат, загогулина получается. И как ты это объяснишь?

- Понятия не имею, - хмыкнул Стас и пожал плечами, всем своим видом выражая полнейшее недоумение. – Я не знаю, что там у вас показали системные журналы, не знаю, что там у вас отмечается, но я этого не делал.

- Стас, пока что я тебя ни в чем не обвиняю, - заметил Сергей. – А лишь задаю вопросы – не спорю, неприятные! – но это пока всего лишь только вопросы. Ты сам сказал, что регулярно меняешь свой пароль сетевого входа. Версию о том, что твой пароль может быть известен кому-то еще, ты также отвергаешь, как несостоятельную. Следовательно, вариант входа в сеть под твоим

паролем кого-нибудь другого мы с тобой должны исключить. Вот поэтому я и спрашиваю тебя: как в таком случае ты объяснишь тот факт, что системные журналы совершенно однозначно и недвусмысленно указывают на тебя?

- Я уже сказал, что не знаю! – неожиданно резко ответил Стас. – Я техник, а не системный администратор. И что там вы увидели в системных журналах, не знаю – и знать не хочу. Откуда там взялись эти записи – не мое дело. Может быть, они подделаны. Я этого не делал – это единственное, что я могу вам ответить. А кто там что-то делал под моей учетной записью, кто читал почту Александра Леопольдовича, кто копировал и удалял его файлы, что в них было – понятия не имею, и меня это совершенно не интересует. Вам это поручили это расследование – вот вы разбирайтесь и доказывайте: это ваша обязанность, вам за это деньги платят. А мне это не надо, это не мое дело!

Сергей с неподдельным удивлением посмотрел на Стаса. Что-то неуловимо изменилось в поведении этого тихого немногословного и всегда флегматичного парнишки. Его трясло, как в лихорадке, руки тряслись, зубы стучали. Он не говорил, а кричал.

- А откуда ты знаешь, что какие-то файлы были удалены и скопированы? – спокойно спросил Сергей, сделав вид, что не обратил внимания на нервность Стаса. – Я, по-моему, тебе об этом сейчас не говорил. Откуда же у тебя такая информация? Может быть, теперь мы с тобой поговорим спокойно, и ты мне сам обо всем расскажешь?

- Что вы ловите меня за язык? – визгливо закричал Стас. – Кто дал вам право меня допрашивать? Мы не в гестапо, а вы не следователь, чтобы допрашивать меня! Вы не судья, чтобы обвинять меня! Сначала докажите, а потом обвиняйте, понятно? Мне нечего вам сказать, понимаете вы, нечего!

- Во-первых, не ори, - не повышая голоса, заметил Сергей. – Я старше тебя - и по должности, и по возрасту – поэтому, Стас, изволь говорить со мной спокойно и уважительно. Если уж мы заговорили о правах, то тебе никто не давал право повышать на меня голос. Во-вторых, я пока тебя не обвинял, а задавал вопросы. А это разные вещи. И, как твой непосредственный начальник, я вправе задавать тебе любые вопросы – тем более, это вопросы, касающиеся нашей работы. По-моему, гораздо лучше, если эти вопросы тебе буду задавать я, нежели более высокое начальство. Поверь, если эта беседа будет проходить не здесь, а в другом кабинете - например, в кабинете Сергея Орестовича - то будет уже совсем другой разговор: он с тобой церемониться не станет. Стас, ты пойми, что все очень серьезно: кто-то шпионит за генеральным директором нашей организации. Ты вообще-то понимаешь – ЧТО это означает и чем это все пахнет? Вот ты говорил о доказательствах. Есть доказательство: системные журналы. Ты уж поверь мне: эти улики неопровержимы. Невозможно подделать записи в системных журналах, просто немыслимо! И все эти улики против тебя. Если все это сделал ты, то я хочу знать: с какой целью это было сделано, для чего? Чем ты руководствовался? Какие цели преследовал? Пойми, мои вопросы продиктованы, прежде всего, желанием разобраться в произошедшем и, если возможно, помочь тебе. Скажу тебе по секрету, парень, лично я убежден, что это твоих рук дело. Но мотив мне непонятен. Вот поэтому, прежде всего, я хочу услышать твою версию произошедшего. Но если ты и дальше намерен вести себя, как истеричная беременная студентка, то я не знаю, как мы с тобой дальше будем работать!

- Да, пожалуйста! - заорал Стас. – Я уволюсь, на здоровье! Я и сам не собираюсь работать с гестаповцами! Я этого не делал, не делал!!!

Произнеся последние слова, Стас вскочил со стула и, едва не опрокинув книжный шкаф, резким рывком распахнул дверь и пулей выбежал из кабинета, оставив Сергея наблюдать эту нелепую сцену с разинутым от удивления ртом.

- Он что, дихлофоса нанюхался? – пробормотал про себя Сергей. – Интересно: какие тараканы его сегодня искусили с утра пораньше?

Хотя, что он так переживает? Беседа со Стасом – это же простая формальность. Покается этот щегол в своих прегрешениях, или не покается – что от этого изменится? Абсолютно ничего! Записи в системных журналах – улика совершенно неопровержимая. Если при этом Стас снова начнет отпираться и уходить в глухую несознанку – его дело, конечно, но в этом случае он сделает сам себе гораздо хуже.

Ему бы, балбесу, каяться, как еретика перед сожжением: мол, простите засранца, лукавый попутал! Не буду больше, дяденьки, дерите меня, как сидорову козу – только не прогоняйте! И что бы тогда было? Да ничего бы и не было! Ну, лишили бы премии! А еще что? Да ничего!

А этот дурачок попер, как бык на ворота, отрицает очевидные вещи, которые отрицать бессмысленно!

Запись в системном журнале – это как подпись под документом, как отпечаток пальца на вещественном доказательстве. Ее невозможно подделать, нельзя скопировать.

Кстати, этот недоучка даже таких элементарных вещей не понимает!

Ну и шут с ним! Уволится – невелика потеря, пускай катится на все четыре стороны! Как говорится, на его заявлении на увольнение смело можно поставить резолюцию: флаг тебе в руки, барабан на шею, билет на елку и три пера в задницу, чтобы рулить по ветру было удобнее!

- Сергей Михайлович! – голос Ивкиной мгновенно вернул Сергея в реальный мир. – У меня большая проблема! В текстовом редакторе у меня потерялась панелька!

Ивкина стояла перед Сергеем, всем своим видом подчеркивая мелочность всех остальных проблем. Сергей поднялся и прошел в соседнюю комнату.

На компьютере Ивкиной Флажок в соответствующем меню стоял, но панели и правда на экране не было и в помине. Присмотревшись внимательно, Сергей увидел, что из-за левого края экрана выглядывает крохотная полоска шириной не более одного пикселя. Вытянув окно и установив его на место, запикивая на место, Сергей не мог промолчать:

- Как же вы её туда засунули? – поинтересовался Сергей.

- Не знаю, - ответила Ивкина. - Она сама. Ну, ладно, спасибо вам большое!

- Да не за что, - пожал плечами Сергей.

Он направился к выходу, но, не доходя шага до двери, оглянулся.

Ивкина сидела за компьютером. Она взяла мышку и наклонилась над ней. Почти упираясь носом в самый коврик, Ивкина, проводя мышью носом, резко двигала ей по коврику, после чего ещё более резко вскидывала взгляд к экрану. Несколько секунд она смотрела на экран, после чего опять наклонялась над мышкой и двигала ее, внимательно смотря на экран.

Это было похоже на постепенную корректировку огня гаубичной батареи по принципу «недолёт-перелёт». Создавалось ощущение, что Ивкина корректирует систему залпового огня, доводя точность поражения цели до миллиметра, ориентируясь на «артиллерийскую вилку».

При виде такой комичной сцены, с трудом сдерживая хохот, Сергей вышел из комнаты и направился к двери своего кабинета, где надрылся телефон.

Сергей снял трубку.

- Слушаю, - вежливо ответил он.

- Сергей Михайлович, - раздался в трубке голос Корзинкина. – Зайдите ко мне прямо сейчас.

- Хорошо, Сергей Орестович, - ответил Сергей.

Он повесил трубку и посмотрел на часы. Наверняка, Корзинкин хочет побыстрее узнать результаты расследования. Но ведь он назначал Сергею аудиенцию на двенадцать часов! Очень странно: до полудня еще целый час. Почему же Корзинкин торопит?

Впрочем, неудивительно. Небось, Штерн пришел в ярость от того, что кто-то копается в его грязном белье. А Леопольдыч в гневе страшен. Таких кренделей может навешать, что только успевай уворачиваться. Но Сергею-то чего бояться? Все данные у него на руках. Стас повел себя очень глупо: вместо того, чтобы спокойно поговорить, он сорвался, как истеричка. Ну да это его дело: он ему не нянька. Большой мальчик уже, пускай поступает, как хочет!

- Вы сегодня утром беседовали со Стасом? – без предисловий, напрямик спросил Корзинкин, когда Сергей вошел в кабинет и уселся напротив шефа.

- Да, беседовал, - ответил Сергей, - Как вы и говорили...

- Тут вот какое дело, - перебил Сергея Корзинкин. – Сейчас Стас был у Александра Леопольдовича и сказал ему, что собирается увольняться, поскольку не желает работать с вами, ибо вы применяете гестаповские методы допроса. Что вы допросили его в грубой форме, угрожали ему, выдвигали голословные обвинения в его адрес. Это правда?

От подобного неожиданного заявления своего начальника Сергей поперхнулся и чуть не свалился со стула. Он с изумлением, широко раскрыв глаза, посмотрел на Корзинкина и несколько секунд молча переваривал заданный вопрос. Затем ему стало смешно.

- Сергей Орестович, - рассмеялся Сергей. – Я, конечно, всякое слышал на своем веку, и меня во многом обвиняли, но в применении гестаповских методов – еще ни разу. А позвольте узнать: в чем эти методы состояли? Я что: к батарее Стаса приковал? Утюгом его пытал? Бил его? Ни в коем случае: я просто задал ему вопросы. Полностью согласен со Стасом: вопросы были чрезвычайно неприятными. Но это были пока что вопросы, а не обвинения. Не спорю, я действительно предъявил Стасу в качестве фактов системные журналы, из которых неопровержимо следует, что почту Александра Леопольдовича перлюстрировал именно Стас – и никто другой. Но даже в этом случае я не обвинял Стаса, а задавал ему вопросы, просил его объяснить эти факты. Он же вообще не захотел ничего объяснять: сразу началась какая-то непонятная бабья истерика! Сергей Орестович, вы бы слышали – ЧТО он орал! По сути дела Стас ничего мне не ответил и ничего не объяснил. Из ваших слов я делаю вывод, что он просто сразу побежал жаловаться Александру Леопольдовичу, решил, что лучший вид обороны – это наступление. Но, кстати, в данной ситуации он поступает очень глупо, ибо отрицать очевидные факты – согласитесь, Сергей Орестович, дело недостойное и совершенно бесполезное!

- Однако Александр Леопольдович сейчас придерживается иного мнения, - ответил Корзинкин. - Но это еще далеко не все. Далее, Стас сказал, что вы на работе частенько выпиваете. И вас видели в нетрезвом состоянии в институте. Александр Леопольдович поручил мне тщательно с этим разобраться, поэтому я спрашиваю у вас: это правда?

- Что? – изумился Сергей. – Я выпиваю? Что за бред? Кто хоть раз меня видел пьяным в рабочее время? Когда?

- Не знаю, - уклончиво ответил Корзинкин. – Так Стас сказал Александру Леопольдовичу и он поручил мне с этим вопросом разобраться. Я опросил людей и, кстати, многие подтвердили, что от вас иногда пахнет алкоголем.

- Сергей Орестович, - насмешливо сказал Сергей. – А лично вы меня хоть раз видели пьяным? Не какие-то абстрактные «люди», а лично вы?

- Лично я, положим, не видел, - пожал плечами Корзинкин. – Но я и не принохивался. А вот люди – они видели...

- Ну, знаете, Сергей Орестович, - развел руками Сергей. – А если вам завтра скажут, что я молюсь богам Вуду и исповедую культ Вицли-Пуцли – вы тоже этому поверите? Вам не кажется,

что для подобных обвинений нужны доказательства, а не голословные утверждения какого-то соплива-недоучки?

- Да при чем тут доказательства? - раздраженно спросил Корзинкин. – Мы же не в суде, в конце концов! И оргвыводы на основании голословных обвинений никто делать не собирается. Но есть мнение, понимаете, МНЕ-НИ-Е! И, кстати, Александр Леопольдович придерживается того же мнения.

- Честно говоря, Сергей Орестович, на какое-то абстрактное «мнение», не подтвержденное никакими доказательствами, мне глубоко наплевать с высокой колокольни, - заметил Сергей. – Вот лично я, напротив, могу неопровержимо доказать, что Стас перлюстрировал почту Александра Леопольдовича. Могу доказать это с точностью до секунды, показать, какие именно письма он читал и когда. И эти доказательства я могу Александру Леопольдовичу предъявить – хоть в электронном, хоть в печатном виде. В свою очередь, если Стас может доказать, что я пьянствую на работе - пожалуйста, доказательства в студию! А если нет доказательств – пускай Стас заткнется и молчит в тряпочку!

Несмотря на то, что Сергей старался сдерживаться и говорить спокойно, последние слова он выкрикнул.

- Во-первых, Сергей Михайлович, говорите тише, - строго сказал Корзинкин. – Во-вторых, выбирайте выражения: вы не на рынке и не в подворотне, а в кабинете заместителя генерального директора по производству, поэтому извольте держать себя в руках. А, в-третьих, из ваших слов я делаю окончательный вывод, что вы не понимаете текущей ситуации. Если Александру Леопольдовичу говорят про кого-либо, что он плохой, то наш генеральный директор так и будет считать. Он не станет перепроверять полученную информацию, а примет ее к сведению. Хорошо это или плохо – это не мне судить и, тем более, не вам. Но это та реальность, с которой следует считаться. В данном случае вы подставились. И теперь именно вам, а не Стасу необходимо дать соответствующие объяснения. Ибо Александр Леопольдович был просто в бешенстве от этого инцидента! Почему он так решил – не знаю. Может быть, он питает к Стасу какие-то отеческие чувства, а, возможно, Стас предоставил Александру Леопольдовичу убедительные доказательства своей правоты – мне это неизвестно. Поэтому я и прошу вас дать объяснения.

Сергей почувствовал, что тупеет. На секунду ему показалось, что Корзинкин, Штерн, Стас – все они сошли с ума. А если нет – то тогда он сумасшедший, ибо его бедный разум был не в состоянии осмыслить тот театр абсурда, на представлении которого он сейчас присутствует.

Сергей несколько раз открывал рот, чтобы что-то сказать, но каждый раз слова ускользали от него, и он никак не мог подобрать нужную фразу. После нескольких безуспешных попыток что-либо сформулировать, он махнул рукой и угрюмо уставился взглядом в пол.

- И последний вопрос, - Корзинкин помолчал немного и повертел в руках авторучку. – Сергей Михайлович, вы помните, недавно у нас был сбой в сети, который вы исправляли в течение двух часов?

- Да, помню, - с недоумением кивнул головой Сергей. – А это-то событие тут при чем? С какой стати вы тот сбой вспомнили: это ж «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», как писал Пушкин! Мы же еще тогда все давным-давно исправили, теперь сеть работает без сбоев.

- А вспомнил я это вот почему, - тихо ответил Корзинкин. - Дело в том, Сергей Михайлович, что Стас сказал Александру Леопольдовичу, что вы совершенно не разбираетесь в сетях и сетевых проблемах. Он сказал, что на самом деле этот сбой мог быть устранен в течение пятнадцати минут. И еще Стас сказал о вас, что как системный администратор вы имеете весьма слабую подготовку. Что вы на это скажете? Это правда?

Это заявление Корзинкина произвело на Сергея эффект холодного душа. От невероятной наглости и абсурдности подобного обвинения на него вначале нахлынула волна бешенства.

Несколько секунд он осмысливал сказанное. Кто это говорит. Стас? Этот дуралей, который даже не знает, что такое «системный журнал»? Этот неуч, который даже права доступа пользователям настроить не может? Этот невежда, которому все надо разжевывать? Правда, надо отдать Стасу должное: он прекрасно умеет настраивать сотовые телефоны и отлично разбирается в современной музыке. Скорее всего, именно поэтому его так жалует Штерн и прочее начальство: в институте часто проводятся различного рода банкеты, на которых неизменным диджеем всегда выступает именно Стас.

И еще одна деталь: Штерн – большой выпендренщик и любитель красивых и дорогих вещей. И дорогие сотовые телефоны – не исключение. Вот он и зовет Стаса для того, чтобы он их ему настроил.

Вспомнив это, Сергей искренне и от души расхохотался.

- Сергей Орестович, - лукаво ответил Сергей. – Давайте просто произведем чисто арифметический подсчет. Я имею двадцатилетний стаж работы в вычислительной технике, из них два года работаю в нашем институте. До этого я работал во многих организациях, причем, прошу заметить: некоторые из этих фирм были крупнее нашего института. Далее, замечу, что я имею высшее университетское образование и несколько профессиональных сертификатов по специальности. Теперь рассмотрим, что представляет собой Стас. Он имеет два года трудового стажа. И все это время он работал только в нашем институте – и нигде более. Высшего образования у него нет: он учится заочно на втором курсе какого-то третьеразрядного института. Профессиональных сертификатов у него нет. А вот теперь ответьте, прежде всего, самому себе: вам самому не кажется странным, что такое обвинение идет из уст именно Стаса? Вам самому не смешно, когда вы слышите подобную ахинею?

- Вы, пожалуйста, мне вопросов тут не задавайте, - возмутился Корзинкин. – Ваше дело не спрашивать, а отвечать на мои вопросы. В этом кабинете вопросы задаю я. Что мне кажется смешным или грустным – это мое дело. Вас же должно волновать, чтобы ни я, ни Александр Леопольдович не сделали в отношении вас оргвыводов. Пока же Александр Леопольдович придерживается в отношении вас весьма нелестного мнения: что вы слабый руководитель, некомпетентны, как специалист, да к тому же равнодушны к спиртному.

- Знаете, Сергей Орестович, это все уже походит на какой-то театр абсурда, - с силой сказал Сергей. – Если есть какие-то претензии в мой адрес, то давайте мы будем их доказывать. Если меня обвиняют в гестаповских методах, то тогда, будьте любезны, пускай Стас предоставит доказательства и подробное описание того, что же происходило у меня в кабинете. Я утверждаю, что лишь задавал ему вопросы. Почему же его слову верят, а моему – нет? Если кто-то утверждает, что я пьянствую на работе, то тогда, пожалуйста, пускай хотя бы приблизительно назовут день, когда это происходило! Ну, а что же касается обвинения в непрофессионализме, то это вообще ни в какие ворота не лезет! Я всю жизнь занимаюсь вычислительной техникой и программированием. И никто – слышите? – НИКТО не смеет обвинять меня в некомпетентности! Если в этом есть хотя бы самые ничтожные сомнения, то я готов на любую проверку своей профессиональной подготовки в присутствии самой предвзято настроенной по отношению ко мне комиссии! Вы хотите проверки? Я лично не возражаю, а, напротив: только обеими руками «за»! Только уж вы не поленитесь, и Стаса заодно проэкзаменуйте! Пускай Александр Леопольдович воочию убедится, какого неуча он слушает!

Несмотря на то, что Сергей уже не говорил, а почти кричал, Корзинкин, вопреки своему обыкновению не прерывал его. Он слушал, уставившись в какие-то бумаги на своем столе.

Когда Сергей замолчал, Корзинкин не стал спешить с ответом.

- Я не знаю – так это было, как вы сейчас говорите, или все было иначе, - после некоторого раздумья ответил Корзинкин. В его голосе неожиданно послышались нотки усталости и сожаления. – Но в любом случае, мне вас искренне жаль.

Глава 5. Увольнение

У сильного всегда бессильный виноват

И.А. Крылов. 1808

На следующий день Сергей, еще подходя к офису, услышал настойчивый звонок телефона на своем рабочем месте.

- Интересно, - сказал сам себе Сергей. – Кому это я понадобился с утра пораньше?

Впрочем, к телефону он все равно не успеет. Ну и шут с ними! Понадобится – перезвонят еще раз. Тем более, рабочий день еще не начался. Ничего, подождут. Он специально приходит на работу на час раньше: необходимо проверить работоспособность серверов, убедиться, что все в порядке.

Мысли Сергея все время возвращались к вчерашнему разговору со Стасом. Странно он себя вчера повел, очень странно. Вдвойне странно – как это он смог так быстро попасть на прием к Штерну? Сергей знал, что добиться приема у генерального директора института – дело очень непростое. Многие сотрудники – даже некоторые начальники отделов добивались приема у Штерна неделями, подчас вылавливая его в коридоре или дожидаясь момента, когда генеральный директор покидает рабочее место. Но и сам факт встречи не означает того, что Александр Леопольдович станет выслушивать сотрудника.

Кроме того, Штерн последний год значительную часть своего времени проводит в командировках, занят переговорами, поэтому даже застать его на рабочем месте – дело весьма непростое.

А Стасик добился встречи с генеральным директором через двадцать минут после разговора с Сергеем. Интересно, как же ему это удалось?

Мысли Сергея прервал телефонный звонок.

Сергей снял трубку и поднес ее к уху.

- Слушаю, - ответил Сергей.

- Сергей Михайлович, - раздался в трубке голос Корзинкина. В его тоне слышались какие-то странные нотки. – Зайдите ко мне прямо сейчас.

- Хорошо, Сергей Орестович, - коротко ответил Сергей.

Встав с места, он на всякий случай заблокировал компьютер⁸ и направился к шефу.

Корзинкин сидел за столом и перебирал какие-то бумаги. Он вел себя как-то странно: вопреки своему обыкновению, он не старался поддерживать свой величественный вид. Корзинкин сидел, слегка согнувшись, его глаза бегали, не останавливаясь ни на секунду.

На Сергея он старался не смотреть. И вообще, отметил про себя Сергей, в поведении шефа сквозила какая-то старательно прикрываемая неуверенность

- Сергей Михайлович, - начал Корзинкин. – Так складываются обстоятельства, что вам придется освободить должность системного администратора. Есть два варианта: либо вы увольняетесь по собственному желанию, либо переводитесь на должность техника, но, естественно, с понижением в заработной плате. Сейчас меня интересует: какой из предложенных мной вариантов вы выбираете!

Сергей с изумлением уставился на своего начальника.

⁸ Для предотвращения доступа к компьютеру посторонних компьютеры можно заблокировать нажатием комбинации клавиш Ctrl-Alt-Del. На жаргоне программистов такая операция называется «три педали» (Прим. Автора).

- Я видимо чего-то не понимаю, Сергей Орестович, - с трудом подбирая слова, вымолвил Сергей. – А почему, собственно, вы решили меня уволить? За что? На каком основании? Чем я вам не угодил? Объясните, пожалуйста.

- Ну, какая вам разница, - с раздражением ответил Корзинкин. – Достаточно того, что вы меня не устраиваете. Ну, приведу я вам факты того, что вы меня не устраиваете – и что от этого изменится? Вы станете мне возражать, я стану раздражаться... Тот факт, что подчиненный не устраивает начальника, вполне достаточное основание для увольнения!

- Извините, Сергей Орестович, но этого не достаточно, - возразил Сергей. – Я работаю в институте больше двух лет. И за это время не имел ни одного взыскания. Напротив, несколько раз поощрялся премиями за выполнение особо важных заданий. Недавно была аттестация – и на этой аттестации никто – в том числе и вы тоже! - не высказал мне ни единой претензии!

- Да при чем тут аттестация? – с досадой воскликнул Корзинкин. – Это все формальности и они не имеют к делу никакого отношения!

- То есть как это «при чем»? – спросил Сергей. – Как это «просто формальности»? Что же вы месяц назад на аттестации молчали? Высказали бы свои претензии – кто же вам мешал? Зачем же тогда надо было лицемерить и давать мне положительную характеристику? Скажите мне тогда – какие ко мне претензии?

- Объясните мне, Сергей Михайлович, - с силой сказал Корзинкин и с остервенением сорвал с себя очки. – Что изменится от того, если я вам назову причины? Поверьте мне, от вашего ответа на мои аргументы, результат не изменится.

- Это называется простым словом: «беспредел», - возразил Сергей. – На суде обвиняемому выдвигают обвинение, он на них отвечает. И приговор выносится лишь в том случае, если аргументы, выдвинутые обвинением, убедил суд в виновности обвиняемого.

- Здесь не суд, - высокомерно свысока ответил Корзинкин. – Здесь только я – и суд, и прокурор, и адвокат, и присяжные. Все – в моем лице. И только я здесь решаю: соответствуете вы занимаемой должности или же не соответствуете. Вы мне просто не нравитесь – и этого вполне достаточно!

- Даже так, - пробормотал Сергей и покрутил головой. – Неплохое заявление. А вы ничего не перепутали, Сергей Орестович?

- Вы это о чем? – настороженно спросил Корзинкин.

- Вы не перепутали свое местонахождение? - язвительно спросил Сергей. – Мы с вами не в Америке. Где достаточно сказать подчиненному «ты уволен» - и он собирает свои манатки. Мы в России, где существует трудовой кодекс. Поэтому, Сергей Орестович, либо вы мне излагаете причины вашего решения меня уволить – либо давайте разбираться в соответствии с трудовым кодексом!

Корзинкин ничего не ответил на последнюю реплику Сергея. Было видно, что реальных аргументов у него не было, поэтому на его лице была написана мучительная работы мысли: он пытался найти любые аргументы в свою пользу.

- Хорошо, Сергей Михайлович, - начал Корзинкин. – Тогда давайте разбираться. Прежде всего, вы меня не устраиваете потому, что вы – человек весьма и весьма конфликтный.

- Что? – с изумлением спросил Сергей. – Я конфликтный? А с кем же я конфликтую, позвольте узнать?

- А вот посмотрите, - Корзинкин начал загибать пальцы. – Со Стасом Лановенко у вас отношения не сложились. Со мной – не сложились. С Галиной Геннадьевной у вас также не складываются отношения – а ведь она старейший работник института! Александр Леопольдович

также придерживается отрицательного мнения в отношении вас. Какие вам еще нужны доказательства того, что вы – человек конфликтный и не вписываетесь в коллектив института?

- Хорошо, Сергей Орестович, давайте разберемся с этим вопросом до конца и по персоналиям, - Сергей криво усмехнулся. – Начнем с вас. Лично вы, Сергей Орестович, ни с кем из программистов не сработаетесь. То, что я выдержал ваши глупости в течение двух лет, просто говорит о том, что это у меня ангельское терпение и спокойный характер. И тот, кого вы собираетесь поставить на мое место, тоже с вами не сработается – кто бы это ни был.

- А это не ваше дело, - нарочито грубо ответил Корзинкин. – То, кто придет на ваше место, вас совершенно не касается: точно так же, как мне совершенно все равно – кто после меня поедет в купе поезда, в котором я месяцу назад ехал.

- Да мне-то на это наплевать с высокого дерева, - ответил Сергей. – Но все-таки давайте разберемся дальше. В отношении Галины Геннадьевны Ивкиной я ничего комментировать не собираюсь: весь институт знает, что Ивкина – просто старая маразматичка. Ей давно уже пора на пенсию и реагировать на ее выпады – это все равно, что воевать с ветряными мельницами. Что касается Александра Леопольдовича, то за эти два года с «хвостиком», который я работаю в институте, он видел меня один или два раза – да и то мельком. Он ни разу не беседовал со мной. В этом случае ответьте: как он вообще может иметь обо мне какое-либо мнение – неважно, хорошее или плохое?!

- Вы что же, собираетесь обсуждать решения Александра Леопольдовича? – с возмущением спросил Корзинкин. – Кто вообще дал вам на это право?!

- Да ничего я не собираюсь обсуждать, - усмехнулся Сергей. – Но на это ответить вам нечего. Теперь в отношении Стаса. Ведь вы сами - подчеркиваю: сами! – поручили мне побеседовать со Стасом, хотя я вас предупреждал, что это не мое дело и не моя обязанность. А то, что Стас, не ответив абсолютно ничего по сути заданных ему вопросов, побежал жаловаться Александру Леопольдовичу, говорит как раз о том, что ему нечего было мне возразить! А вы со своей стороны даже не попытались разобраться в происходящем! И после этого вы утверждаете, что в ситуации со Стасом я виноват?!

- А кто же? – взвился Корзинкин. – По-вашему я в этом виноват? В таком случае мне больше нечего добавить к тому, что вы меня не устраиваете.

- Знаете, Сергей Орестович, - решительно сказал Сергей. - Я все понимаю - и при этом в то же самое время ничего не понимаю одновременно.

- Что вы имеете в виду? – недоуменно спросил Корзинкин.

- А вот что, - ответил Сергей. - Я понимаю, что сисадмин – то есть я - всего лишь обслуживающий персонал, но я не понимаю, почему труд уборщиц ценится выше, чем труд сисадмина, хотя потери от захватанных пальцами ручек в туалете неизмеримо ниже, чем уничтоженный за день до сдачи годовой баланс. Я понимаю, что бываю резок и даже груб (скорее изредка бываю вежлив и приветлив), но не понимаю, почему пользователи нашего института – да что далеко ходить за примером: та же Ивкина! - не может выучить десяток операций, необходимых для его, пользователя, работы. Я понимаю, что мой внешний вид не позволяет мне попадаться на глаза руководству, но не понимаю, как можно сменить блок питания в костюме и галстук, не изгваздавшись по уши в пыли и окружающем системный блок мусоре. Я понимаю, что бюджет организации - штука сложная и разноплановая, но не понимаю, почему должен выпрашивать деньги на кулер месяцами, молясь, чтоб не сдох настольный вентилятор, купленный на свои деньги и обдувающий всю стойку с аппаратурой.

Корзинкин хотел что-то сказать, но Сергей перебил его:

- Я понимаю, что Интернет на девяносто процентов состоит из порносайтов и на абсолютно на всех этих сайтах есть вирусы, но не понимаю как наши институтские пользователи, которые не в состоянии набрать свой пароль, умудряются обходить фильтрующие прокси-сервера и

игнорировать многоступенчатую антивирусную защиту. Я понимаю, что должен обеспечить бесперебойную работу сети при любых обстоятельствах, включая прямое попадание в сервер Тунгусского метеорита, но при этом совершенно не понимаю: почему в ответ на мою просьбу о приобретении источника бесперебойного питания лично вы мне отвечаете, что «я ввожу организацию в разорение и от меня в институте одни убытки». Я понимаю, что все, начиная от охранников и заканчивая членами совета директоров, будут таскать мне на ремонт и настройку свою электронику, начиная от утюгов и заканчивая телефонами и газонокосилками. Но при этом не понимаю, почему меня ненавидят за отказ перевести системное время на десять минут назад или дать возможность выкачать все фильмы в переводе всех гоблинов?

- За это вам институт платит зарплату, - нравоучительно произнес Корзинкин. – Зачем же вы соглашались на эту работу?

- Правильно, я соглашался, - Сергей распялся все больше и больше: эта тема задела его за живое. – Но дело не только в работе, но и в отношении ко мне. Я понимаю, что я и мои подчиненные являемся лишь услугой, но при этом не понимаю, почему ко мне лично вы относитесь, как к мальчику на побегушках, как к половому в трактире?

- Ну, если вы сами таковым себя считаете, то это дело ваше, - не удержался от колкости Корзинкин. – К вам относятся так, как вы того заслуживаете.

- Если вы, Сергей Орестович, решили меня оскорблять, то вы меня этим не удивили, - спокойно ответил Сергей. – За два года совместной работы я уже усвоил, что оскорбления и унижения – ваш обычный метод руководства. Я понимаю, что вы не изменитесь, но не понимаю: в чью же больную голову пришла идея передать именно вам в подчинение отдел информационных технологий? Я понимаю, что мое здоровье - только моя проблема, а моя зарплата не позволяет мне заказывать еду на рабочее место, но не понимаю, почему должен корпеть над выполнением очередной прихоти начальства ночью. Ну, как же: ведь считается, что перезагрузка сервера днем и остановка работы всего-навсего на пять минут приводит к тотальному параличу организации и приравнивается к диверсии, сопоставимой разве что с атакой «Аль Каеды» на небоскребы в Нью-Йорке одиннадцатого сентября. Я понимаю, что моей жене неинтересно слушать о проблемах совместимости человека и компьютера, но не понимаю, почему мне не платят отпускные за два неиспользованных отпуска, не отпуская при этом меня в отпуск даже на неделю!

- А это, Сергей Михайлович, ваша недоработка, - торжествующе усмехнулся Корзинкин. – Нужно было организовать работу таким образом, чтобы ваше отсутствие не приводило, как вы выразились, к параличу организации. И это лишний раз доказывает, что вы, как руководитель, меня не устраиваете.

- Ах, вот как? - язвительно промолвил Сергей и сделал протестующий жест рукой. – Но моя ли в этом вина? Я понимаю, что хороший сисадмин должен уметь очень много, но не понимаю, почему должен выполнять работу отделов рекламы и дизайна, следить за состоянием электросети, противопожарной сигнализации, телефонных линий и систем видеонаблюдения. Я понимаю, зачем компьютер мне, но не понимаю, зачем он подавляющему большинству пользователей в институте, включая и вас: ведь почти все только и делают, что вводят тексты с клавиатуры и тут же их распечатывают, при этом жалуясь на низкую производительность видеокарты. А то и просто держат компьютер на столе в качестве мебели – в данном случае я вас имею в виду! Я хочу хотя бы на пару часов отключить свой мобильник, хотя бы ночью, но не хочу, чтобы в это время обрывали телефоны всех моих родственников и друзей. Я верю, что мой труд все-таки оценят, но не верю в то, что цена будет достаточной, а счета будут оплачены. Я знаю, что моя работа нужна, но теперь уже не знаю - нужна ли мне такая работа?

- Ну, если вас работа не устраивает, то о чем же тогда мы спорим? – снисходительно выдал из себя Корзинкин. - Кстати, к вашей квалификации, как специалиста, у меня нет никаких претензий. Все претензии связаны именно с тем, что вы, как руководитель, не соответствуете занимаемой должности.

Сергей посмотрел на Корзинкина и не стал спешить с ответом. Подумав немного и, видимо, решившись, он сказал:

- Итак, я вижу, Сергей Орестович, что конструктивно разговаривать вы не намерены. Изложить мне реальные, а не выдуманные причины вашего решения вы тоже не хотите. Но решение вы приняли – и это видно. В таком случае заявляю вам: хорошо, если вы ТАК настроены, то я уволюсь!

- Ну, вот и отлично, - у Корзинкина вырвался невольный вздох облегчения. – Вы сейчас поступаете, как разумный человек. Я уважаю ваше решение. В самом деле: перевод на должность техника был бы не самым лучшим решением. Зачем такому специалисту, как вы терять в заработной плате?

- Вы меня не дослушали, - Сергей посмотрел Корзинкину прямо в глаза. – Повторяю, я уволюсь, можете не беспокоиться. Но сделаю это лишь после того, как разберусь окончательно и досконально во всем происходящем.

Глава 6. Нападение

Пример такой на свете не один:
И диво ли, когда жить хочет мещанин,
Как именитый гражданин,
А сошка мелкая - как знатный дворянин.

И.А. Крылов. 1811

Выйдя из кабинета Корзинкина, Сергей осмотрелся по сторонам.

Он был в совершеннейшем бешенстве. Если бы у него в руках сейчас было оружие, то, наверное, он разрядил бы в Корзинкина всю обойму.

Нет, он так это дело не оставит! Надо идти к Штерну! Да, все правильно: надо идти на прием к генеральному директору! Если уж Штерн принял Стаса, но его начальника он обязательно примет и выслушает. Он просто не может его, Сергея, не выслушать! А после разговора со Штерном все встанет на свои места. Он покажет ему результаты исследования, объяснит, что за ним шпионил ни кто иной, как Стас.

Сергей решительным шагом направился в приемную. Он плохо представлял, что же он конкретно станет говорить генеральному директору: просто его эмоции, переполнявшие его, жаждали выхода.

В приемной его встретила миловидная секретарша генерального директора Лера Малышева. Обычно Сергей, заходя по различным делам в приемную, кокетничал с ней и осыпал комплиментами, но в этот раз у него просто не было сил на словесный флирт.

- Привет, Лерочка, - через силу улыбнулся ей Сергей. – Слушай, у меня к тебе просьба: доложи Александру Леопольдовичу, что мне необходимо срочно поговорить с ним по одному делу, не терпящему никаких отлагательств. Так и скажи: срочно и безотлагательно!

- Вообще-то Александр Леопольдович сейчас очень занят, - сказала Лера и как-то странно посмотрела на Сергея. – Наверное, он вас не сможет принять.

- Ты доложи ему, - твердо ответил ей Сергей. – Не сможет принять сейчас – не суть важно, я подожду. Сколько надо – столько и буду ждать. Можем поговорить с ним вечером, это не суть важно. Но поговорить с ним нужно обязательно сегодня. Просто ты скажи ему, что дело не терпит отлагательств.

Лера еще раз посмотрела на каменное лицо Сергея, но возражать не решилась.

- О чем вы с ним хотите поговорить? – коротко спросила Лера. – Александр Леопольдович всегда требует, чтобы перед разговором с сотрудником он знал, о чем будет разговор.

- Извини, Лерочка, но тему разговора я тебе сообщить не могу, - отрезал Сергей. – Передай ему, что мне необходимо срочно переговорить с ним по интересующей его теме по поводу задания, которое он дал Сергею Орестовичу Корзинкину. Там есть обстоятельства, которые я могу сообщить Александру Леопольдовичу только лично.

- Хорошо, - после секундного колебания пробормотала Лера. – Я сейчас доложу ему. Но когда он вас примет и будет ли он вас принимать вообще – это уж ему решать.

- Будет, - недобро прищурившись, усмехнулся Сергей и замолчал.

Лера ничего не ответила и вошла в кабинет Штерна. Пока она отсутствовала, Сергей от нечего делать рассматривал картины, вывешенные в приемной.

Лера отсутствовала меньше минуты. Она вышла из кабинета и уселась на свое рабочее место.

- Ну что? – спросил Сергей и вопросительно поглядел на секретаршу.

- Александр Леопольдович сейчас очень занят, - официальным, ничего не выражающим голосом ответила Лера. – Он не сможет вас принять.

- А во сколько сможет? – настойчиво повторил свой вопрос Сергей.

- Сегодня ни во сколько, - тем же тоном ответила Лера. – Ни сегодня, ни завтра он вас принять не сможет.

Сергей остолбенел. После подобного заявления он вообще перестал понимать суть происходящего.

Видя выражение лица Сергея, Лера смягчилась.

- Он также велел вам передать, что если у вас есть какие-то проблемы, то решайте их со своим непосредственным начальником.

- То есть с Корзинкиным? – машинально переспросил Сергей.

- С Корзинкиным, - утвердительно кивнула головой Лера. Оглянувшись по сторонам, она наклонилась к Сергею и еле слышным шепотом произнесла: - Сергей Михайлович, он вас в ближайшие дни не примет.

Произнеся последние слова, Лера снова оглянулась по сторонам и вновь приняла официальный вид.

- Тогда, как говорится, не для протокола, - сказал Сергей. - Ты вообще можешь мне объяснить: что происходит?

- И не подумаю, - возмущенно ответила Лера. – Я уже ученая. Один раз человеку помогла – так он потом на меня же и сослался. Мне Александр Леопольдович тогда выдал – я тогда чуть работы не лишилась. Поэтому и не просите: ничего не скажу.

- Ну что ж, - чуть слышно пробормотал Сергей сам себе. – Это тоже информация.

Поняв всю бесполезность дальнейшего разговора, Сергей повернулся и, не сказав Лере больше ни единого слова, машинально вышел из приемной. Словно во сне, он дошел до своего кабинета и в изнеможении опустился в кресло.

Внутри него все кипело. Совершенно неожиданное увольнение и предъявленные Корзинкиным нелепые обвинения полностью выбили его из рабочей колеи.

Сергей был глубоко потрясен и оскорблен. Он ничего не понимал. Как может руководитель – серьезный человек, занимающий солидную должность! - указать на дверь высококвалифицированному сотруднику? Без единого предупреждения. Без переговоров, замечаний и указаний, на основании которых Сергей мог бы скорректировать свои действия и, соответственно, изменить результат. Без каких бы то ни было объяснений такого странного решения. Подобное пренебрежение к законам, морали, простым правилам приличия и общепринятым нормам поведения говорило о том, что человек, поступающий подобным образом, не признает за Сергеем никаких прав и не считает его за человека! Поступок Корзинкина потряс Сергея до глубины души.

Невероятно. Корзинкин просто не имеет права так поступать! Это сумасшествие, это значит, что ты не можешь спокойно работать, не можешь быть уверен ни в чем. Полная неизвестность. Этого просто нельзя допустить!

С другой стороны, почему Штерн отказал ему в приеме и даже не захотел выслушать? Это что же получается? Выходит, что Корзинкин прав в отношении Штерна: кто первым настучал – тому и вера? Выходит, что если Стас наговорил на Сергея кучу небывлиц, то Штерн даже не попытается установить истину? Бред какой-то!

Сергей налил себе кофе и снова задумался. Когда он немного успокоился, то начал мыслить более трезво. Больше всего его потрясла легкость, то безразличие, с которым Корзинкин указал ему на дверь!

Он думал о своей жизни. Он всю жизнь занимается вычислительной техникой. Он один из лучших специалистов в своей отрасли. С ним советуются бизнесмены и олигархи. Его рекомендации ценят ученые и политики.

Сергей знал, что Корзинкин всегда относился к нему с плохо скрываемой неприязнью. Он не знал истинных причин подобного отношения, но эта неприязнь, доходящая временами до отвращения, прорывалась у Корзинкина постоянно. Возможно, дело было в том, что Корзинкин совершенно не разбирался в вычислительной технике и потому постоянно ощущал собственное ничтожество, общаясь с Сергеем. Возможно, дело было в неожиданном взлете Корзинкина: до института он работал начальником крошечного отдела – и вдруг такой головокружительный взлет: сразу на должность заместителя генерального директора. Правильно говорят: испытание властью – самое трудное. Вот все дерьмо из мужика и поперло наружу – причем, в неограниченном количестве! Кстати, об этом в институте говорят почти все. Корзинкин блестяще демонстрирует всем по поводу и без повода старую мудрость: «первое, что хочется сделать, взобравшись наверх, так это плюнуть вниз»!

Кроме того, в институтских курилках вполголоса иногда поговаривали, что причиной всему глубокая внутренняя неприязнь Корзинкина к евреям вообще и, следовательно, к нему, Сергею, в частности. Это тоже могло быть истинной причиной. Возможно, было что-то еще. Но что бы ни лежало в основе негативного отношения к подчиненному, в любом случае: надо быть сумасшедшим, чтобы ради каприза, ради простой неприязни указать на дверь такому специалисту! Зачем?

С другой стороны, если следовать логике нормального человека, то в случае, если сотрудник не устраивает руководителя, то от него избавляются в течение трех – ну, максимум шести! – первых месяцев. То есть в течение испытательного срока. Но ждать два года... Ведь худо-бедно, но и Корзинкин узнал Сергея и приспособился к его недостаткам, и Сергей приноровился обходить острые углы во взаимоотношениях со своим шефом.... Какой бы Сергей ни был плохой, но процесс сотрудничества – это еще и процесс воспитания. Любой руководитель воспитывает своего подчиненного, что-то вкладывает в него, формирует его «под себя». Каким бы Корзинкин ни был бы идиотом, но неужели ему не жалко вот так, один легким движением руки зачеркнуть всю свою собственную двухлетнюю работу?! Просто в голове не укладывается! Форменный идиотизм!

Нет, за этим явно что-то кроется!

Но, в любом случае: произошло то, что произошло. А что он, Сергей, может поделать в данной ситуации?

Между тем рабочий день подошел к концу. Обычно Сергей не уходил сразу: он всегда оставался в офисе на один-два часа, чтобы все проверить, но сегодня его охватила апатия: делать ничего не хотелось.

Гори оно все синим пламенем, подумал Сергей. Пойду домой. Все равно его служебное рвение никто не оценит, поэтому делать на работе больше нечего. Надо пойти домой, выпить пивка, успокоиться – а завтра, на свежую голову подумаем, дружище, что в такой ситуации делать дальше.

Он решительным движением повесил на плечо сумку с дисками, запер свой кабинет на ключ и вышел из офиса.

Выйдя на улицу, Сергей потоптался немного на месте, подумал. Потом махнул рукой и решительным шагом направился по улице. Далековато, конечно, идти пешком до дома, но ему

надо прийти в себя и привести свои нервы в порядок. А заодно и подумать над всем тем, что сегодня произошло.

Он зашел в небольшой круглосуточный магазинчик, взял банку пива, открыл ее и направился дальше, прихлебывая на ходу прохладный напиток.

Мысли Сергея все время возвращались к сегодняшнему разговору с Корзинкиным. Совершенно непонятно: в чем же кроется реальная причина его увольнения? В том, что он «обидел» Стаса? Бред, этого не может быть! Кто такой Стас? Нет никто и звать его никак! Может быть, у Стаса со Штерном настолько теплые отношения, что генеральный директор потребовал от Корзинкина убрать Сергея? Маловероятно: даже если Стас и является «блатным», то в этом случае Леопольдыч, скорее всего, просто приказал бы приструнить Сергея, поставить его на место. Но не увольнять же!

Кроме того, если бы Стас являлся бы «блатным», то этот факт за два года работы Сергея в институте наверняка стал бы ему известен. Такие факты не скроешь.

К тому же, Штерн никогда не станет снисходить до того, чтобы указывать Корзинкину, кого ему увольнять. Генеральный, конечно, большой интриган, но прыгать через голову Корзинкина сочтет явно ниже своего достоинства!

Нет, это дурацкое увольнение – явная инициатива Корзинкина, больше просто некому!

Но в таком случае – за что? Постоянные реплики Корзинкина на тему «мы с вами, Сергей Михайлович, будем расставаться» бессмысленно воспринимать всерьез: это уже стало присказкой и воспринимается, как «белый шум», как тиканье часов. Плохое у него настроение – вот он и молотит языком. Да, Корзинкин явно не любит Сергея и даже не пытается это скрыть. Но увольнять только на основании личной неприязни? Вряд ли: конечно, Корзинкин дурак, - и так считает большинство людей в институте! - но не до такой же степени!

С другой стороны, обвинения, которые ему предъявил Корзинкин, явно нелепы! Нельзя же воспринимать всерьез обвинения в пьянстве! Конечно, святым Сергея назвать нельзя! Но обвинение в пьянке... Полнейшая чушь! Более того, Сергей знал, что несколько сотрудников института напротив, весьма сильно злоупотребляют «зеленым змием» - и ничего худого с ними до сих пор не случилось. И это несмотря на то, что чуть ли не каждый день эти граждане слегка «подшофе» - и в таком виде слоняются по институту!

А, может быть, Корзинкин сказал правду и все дело в том, что Сергей действительно конфликтный человек? Формально, он прав: Ивкина, например, неоднократно писала на Сергея кляузы начальству. То, что эти докладные были сущим бредом сивой кобылы – это уже другой вопрос. И Стас на него обиделся...

Нет, это форменная ахинея: дело не в конфликтах. Просто формальная отговорка – и не более того! Ивкина на всех пишет жалобы и постоянно привлекает к своей персоне повышенное внимание. В институте ее никто уже не воспринимает всерьез и смеются над ней за спиной. А то, что Стас на него обиделся – это не повод. Мало ли на что обиделся подчиненный – так что же, из-за этого надо увольнять начальника? Если бы это было так, то в институте не осталось бы ни одного начальника отдела! Нет, конечно, причина не в этом.

Но в чем же тогда истинная причина увольнения? Непонятно...

Может быть, он случайно обидел своего шефа? Или тот долго носил в себе какую-то старую обиду, за которую теперь решил отыгаться? Обладая прекрасной профессиональной памятью, Сергей тщательно припоминал всю двухлетнюю историю общения с Корзинкиным, прокручивая все события, вплоть до самых мельчайших подробностях. Нет, не сходится! То, что Корзинкин постоянно хамил Сергею, издевался над ним, доходя до прямых оскорблений и унижений – это было, не спору. Но Сергей всегда старался не обращать на него никакого внимания и не реагировал на выпады. За два года работы Сергей ни разу не оскорбил Корзинкина, всегда обращался к нему подчеркнуто почтительно и осторожно возражал своему шефу только в

самых крайних случаях: когда от молотил абсолютную ахинею! Впрочем, именно так и подобает вести себя лояльному подчиненному. Нет, скорее всего, причина увольнения не в каких-то обидах!

Но эта причина наверняка есть – просто Сергею надо хорошенько подумать над создавшейся ситуацией. Кроме того, не в стиле Корзинкина бросать начатое дело на половине пути. Нет, завтра он наверняка продолжит капать Сергею на мозги! А, значит, может проболтаться и назовет реальную причину увольнения.

Нет, он так просто не сдастся! Дело, в конце концов, не в институте: он без проблем найдет себе другое место работы! Зарплата здесь не особенно большая, так что, работу найти можно. Но теперь Сергея охватил азарт исследователя. Ему хотелось разобраться во всем, понять причины столь странного поведения своего шефа.

Жалко только, что руководство в институте не видит разницы между двумя вещами: когда работники начинают рыть друг под друга, строить козни друг другу, заниматься интригами - и когда человек хочет показать, что он действительно лучше и заслуживает большего. Жалко, что руководство института, начиная со Штерна, не умеет распознать, пресекать, давить на корню одно и вознаграждать другое.

Солнце клонилось к закату, на улице становилось прохладно. Размеренная ходьба успокаивала Сергея. Но, несмотря на выпитое пиво, обида не проходила. Сергей шел «на автопилоте», не обращая внимания на то, что происходило вокруг.

- Молодой человек, - неожиданно раздался вежливый мужской голос откуда-то справа. – Вы не угостите сигаретой?

Сергей повернул голову. Справа от него стоял высокий, хорошо одетый парень. Он что-то сжимал в правой руке: очевидно, это была зажигалка.

- Я не курю, - ответил Сергей и собрался двинуться дальше, но ему преградил дорогу другой парнишка лет двадцати. Этот, напротив, был одет в спортивный костюм и выглядел, как типичный «браток»: мелкий, но крепко сложенный, цепочка на шее, короткая стрижка.

- Гляньте-ка, братва, он не курит, - с явной издевкой произнес парнишка. – Он, небось, еще и не пьет. Он не курит и не пьет – он здоровье бережет.

- Не, по-моему, он просто жмот, - раздался слева голос третьего парня. Сергей повернул голову влево: парень был высок, худощав и широк в плечах. Одет он был в джинсовый костюм, под которым белела футболка. На толстых пальцах синели татуировки в виде перстней. – А если он жмот, то это значит, что здоровье ему больше не понадобится.

- Тебя что, мамаша в детстве не учила, что с хорошими людьми надо делиться? – сквозь зубы процедил мелкий.

Сергей попытался сделать шаг в сторону, но длинный неожиданно сильно ударил его по уху. Сергей покачнулся, но устоял на ногах.

Кровь бросилась ему в голову. Одним движением он скинул с плеча мешавшую ему сумку и размахнулся для удара.

Но ударить он не успел. Мелкий, как вихрь налетел на Сергея и коротким точным движением он ударил его в солнечное сплетение. В глазах у Сергея потемнело, дыхание перехватило. Воспользовавшись этим, элегантно одетый парень сделал шаг по направлению к Сергею, схватил его за плечо, развернул к себе и со всего размаха нанес сильный удар в подбородок.

Сергей рухнул на землю. Вся троица налетела на него и стала месить беззащитное тело Сергея ногами. Вначале он пытался подняться, но каждый раз удары сбивали его с ног.

Они били его неторопливо и обстоятельно. Он не кричал, а только хрипел, а они размеренно, как футболисты, били и били его ногами в тяжелых ботинках. Лицо Сергея было разбито, изо рта текла кровь, а он корчился, и лишь прикрыть голову непослушными руками.

- Ша, пацаны, - неожиданно произнес элегантно одетый парень и сделал движение рукой. – Хорош, я сказал. Хватит с него.

Очевидно, он был главным в этой троице.

Главарь подошел к лежащему Сергею, наклонился над ним и протянул руку. Сергей инстинктивно поднял руку, чтобы защититься от удара. Но главарь не стал бить: он просто сгреб волосы Сергея в охапку, откинул назад его голову и посмотрел прямо в глаза.

- Запомни, сука, - с тихим злобным шипением произнес парень, четко и внятно выговаривая каждое слово. – Когда тебе что-то говорят, то надо поступать, как велено, а не совать свой длинный нос туда, куда тебя не просят и не выступать. Твой номер шестнадцатый и твое место возле параша, усек? Ты меня хорошо понял, козел?

Сергей пытался что-то сказать, но разбитые губы не слушались. Мелкий парнишка сделал шаг вперед, сунул руку в карман, достал оттуда что-то и поднес к лицу Сергея. Раздался короткий щелчок – и в руке парня сверкнуло тонкое лезвие ножа.

- Ты что, тварь, не понял? – злобно спросил он. – Тебя же русским языком по-человечески спрашивают: понял? Ну?

- Понял, - с трудом шевеля разбитыми губами, ответил Сергей.

- погоди, не гоношись, - жестом остановил главарь своего мелкого помощника. - Будешь поступать, как велено?

Последние слова относились к Сергею.

- Буду, - ответил Сергей.

- Нос свой длинный не будешь совать туда, куда не просят?

Будучи не в силах произнести ни единого слова, Сергей только отрицательно помотал головой.

- Ну, вот и славненько, - удовлетворенно произнес главарь. – Значит, урок ты усвоил. Люблю иметь дело с понятливыми людьми. Все, пацаны, валим отсюда.

Он отпустил Сергея и сделал шаг в сторону, однако мелкий неожиданно подскочил ближе и со всего размаха ударил Сергея ногой в живот. От такого сильнейшего удара Сергей завалился на бок и на несколько секунд потерял сознание.

- А это тебе, мразь, на память лично от меня, - со злобой произнес мелкий. – Это на закуску - чтобы помнил лучше.

Он подобрал сумку Сергея и повесил ее себе на плечо. Длинный бесцеремонно похлопал по карманам джинсов Сергея, вытащил из них все деньги, после чего вся троица быстро покинула место потасовки.

Придя в себя, Сергей сделал несколько попыток подняться на ноги. Но избитое тело отказывалось повиноваться. Наконец, после нескольких безуспешных попыток он, наконец, встал на ноги и, шатаясь, как пьяный, побрел дальше.

Случайные встречные прохожие брезгливо шарахались в сторону от грязного окровавленного человека.

Сергей остановился и огляделся. Нет, ходить в таком виде по улицам не годится! Не ровен час, еще в милицию заберут за нарушение общественного порядка!

Может быть, самому пойти в милицию и написать заявление? Нет, не прокатывает! Он пил пиво, следовательно, формально, с точки зрения закона, в данный момент находится в нетрезвом состоянии. Скорее всего, при таком раскладе менты не станут разбираться, а просто запрут его в «обезьянник» с точно такими же субъектами – и он будет ночевать в камере предварительного заключения.

А этот вариант ему явно сейчас не с руки: если завтра утром он не явится на работу, то тогда Корзинкин получит в руки прекрасный козырь: формально он сможет сразу уволить Сергея за прогул и ни один суд его не восстановит на работе!

Он вдруг остановился: местность показалась ему знакомой. Елки зеленые, это ж дом его старого друга Сашки Толстова! Вот так удача! Надо зайти к нему в гости, умыться, прийти в себя. А там, как говорится, одна голова хорошо, а две лучше. Может быть, старый друг что-нибудь, да подскажет умное!

Радость придала измученному Сергею сил. Он подошел к знакомому подъезду и позвонил по домофону.

- Слушаю, - раздался знакомый голос Толстова.

- Саня, это я, Сергей, - ответил Гильман. – Пустишь в гости?

- О, Серега! – радостно завопил Александр. – Какие люди! Заходи, конечно!

Сергей вошел в подъезд и поднялся к Толстову. Тот уже ждал его у раскрытой двери. При виде истерзанного Сергея, радостное выражение на лице Александра сменилась растерянностью.

- Мать моя вся в саже, - с изумлением и ужасом вместо приветствия пролепетал Толстов. - Это кто ж тебя так разукрасил?

- Привет, Саня, - с трудом пробормотал Сергей. Разбитые губы не слушались, саднило ребро, в голове шумело.

- Что с тобой произошло? – спросил Александр. – Кто это тебя так? За что? Ты что, вляпался в какую-то историю?

- На этот раз, Саня, сам не пойму, - ответил Сергей. – Меня сейчас по дороге домой трое подонков избили. Плюс ко всему меня с работы уволили.

- Это что, теперь так с работы увольняют? – поразился Толстов. – Сопровождая, так сказать, битьем морды и всего остального организма в придачу?

- Елена дома? – вместо ответа спросил Сергей.

- Нет, - ответил Толстов. – Она к маме уехала до понедельника.

- Какое совпадение, - через силу улыбнулся Сергей. – Моя Людмила тоже вчера отправилась в Москву на курсы повышения квалификации. Правда, в отличие от Елены, она уехала на две недели.

- Вот что, дружище, - решительно произнес Толстов. – Давай-ка, мы с тобой позовем сюда всех наших мужиков – как в прошлый раз. И все вместе обмозгуем твою проблему. Два года назад мы нашли решение. Я уверен – найдем его и сейчас. Поэтому ты сейчас ничего мне не рассказывай: иди-ка лучше в ванную и приведи себя в порядок, а то на тебя смотреть страшно. Кстати, там же в ванной возьми мои джинсы и рубашку, а то твоей одежкой теперь впору автомобили протирать, а не носить приличному человеку! А я пока обзвоню мужиков и позову их сюда. И ты нам все расскажешь.

Это была их неразлучная старинная студенческая компания. Они дружили еще с физического факультета университета уже почти 30 лет. В те годы они были неразлучны, но после окончания университета каждый пошел своей дорогой и зажил своей жизнью.

Вдумчивый и обстоятельный Игорь Симаков попал по распределению в крупное оборонное КБ, где дослужился от рядового инженера до первого заместителя директора. Артистичный Александр Толстов, любивший еще в студенческие годы выступать перед аудиторией, работал школьным учителем: свою работу он просто обожал и часто веселил друзей забавными историями из жизни своих учеников.

Фанат электроники Алексей Бочкарев, сменивший после окончания университета несколько мест работы, устроился инженером в сотовую компанию, где за несколько лет сделал головокружительную карьеру от инженера до технического директора.

Виталий Кулагин, еще в студенческие годы слывший большим оригиналом, пошел работать в милицию. Нестандартный подход к проблемам, настырность и упрямство неожиданно помогли ему на этой работе: судя по его рассказам, начальство его уважало, о чем свидетельствовало недавнее внеочередное присвоение ему звания майора.

Самую необычную карьеру сделал Володя Мамонтов. Талантливый и неординарный, он с блеском закончил физический факультет и уже готовил диссертацию, но неожиданно для всех бросил эту работу и устроился ассистентом на кафедру археологии университета. Окончив заочно исторический факультет университета, он защитил диссертацию и с той поры ежегодно летом ездил на археологические раскопки.

Стремясь к оригинальности, они даже придумали себе шуточные прозвища. Сергея называли Гулей или Гулькой, Игоря – Симой или Симкой. Любитель прекрасного Толстов получил прозвище Эстета, а Виталия Кулагина прозвали Наполеоном.

Все они вели обыкновенную жизнь, ничем не выделяясь из общей массы. Вскоре женились, родились дети. Друзья видеться стали реже, но дни рожденья друг друга отмечали вместе. Это был целый ритуал, которым ребята очень дорожили.

Да, этим ребятам Сергей доверял безоговорочно. Он не мог допустить даже мысли, что какое-то звено в этой цепочке может оказаться ненадежным.

Сергей улыбнулся. Снова в трудную минуту на помощь к нему приходят его дорогие друзья. Впервые за сегодняшний день на душе Сергея стало легко и спокойно.

Он довольно долго приводил себя в порядок. Когда Сергей вышел из ванной комнаты, его друзья уже сидели на кухне. Как всегда, когда они собирались все вместе, стол был уставлен пивом и пакетами с солеными орешками и картофельными чипсами.

Все обернулись к нему.

- О, привет! Все, как всегда: Серый с побитой мордой – значит, жди приключений! И даже меня терзают догадки – на какую часть многострадального организма.

- А то! Небось, снова наступил на хвост какому-то олигарху или вломился туда, куда не следовало! Ну, ничего: зато тебе будет, что вспомнить на пенсии. Внукам рассказывать будешь про свои приключения.

- Ничего! Пиво и рыбка – лучшее лекарство от стресса. Все болезни от нервов и только одна – от удовольствия. Значит, будем сейчас лечиться.

- Привет, мужики, - улыбнулся Сергей. – Как всегда, в трудной ситуации без вас никак не обойтись.

- Давай, садись, бери пивка, кушай чипсы, рыбку, - сказал Симаков и сделал приглашающий жест. – И излагай нам дела твои скорбные.

Они довольно долго сидели на кухне и слушали путаный рассказ Сергея. Он рассказал своим друзьям все: и про задание Корзинкина, и про результаты расследования, и про непонятную реакцию Стаса, и про странное увольнение, и про избивание его тремя подонками.

Никто его не перебивал. Все терпеливо и внимательно слушали, не произнося ни единого звука. Только Кулагин время от времени щелкал зажигалкой, прикуривая очередную сигарету.

- Вот, господа гусары, это, собственно, все, - сказал Сергей, закончив свой рассказ. – И что вы на это скажете?

Никто не спешил с ответом. На кухне воцарилось молчание. Только слышалось негромкое тиканье настенных часов и шум автомобилей с улицы.

- Сдается мне, - неожиданно подал голос Мамонтов. – Вся эта ситуация предельно понятна. И потому, на мой взгляд, дело решается очень легко и просто.

Глава 7. Интересный поворот

А ларчик просто открывался.

И.А. Крылов. 1807

Четыре пары глаз с недоумением уставились на Мамонтова.

- Интересно, - пробормотал Сергей. – Мне лично не кажется, что все просто. Скорее, наоборот: все запутанно и непонятно. И что же тебе стало ясно, как же, по-твоему, мне следует поступать?

- С моей точки зрения тут все прозрачно и очевидно, - сказал Мамонтов. – Сереге надо заявить в милицию о нападении на него. Пойти в травмпункт, зафиксировать побои, а потом – в милицию и подать заявление! За всем этим стоит Корзинкин – это ж ясно, как Божий день!

Сергей не ответил, затем неуверенно пожал плечами. Остальные не произнесли ни единого слова и внимательно смотрели на Мамонтова, ожидая завершения мысли. Вдохновленный всеобщим молчанием, Владимир продолжал:

- Нет, ну, вы сами посудите, парни! Тот факт, что Корзинкин указал Сереге на дверь, говорит о том, что своим расследованием Серый нащупал криминальные дела этого гада! Следовательно, Корзинкину надо от Сереги срочно избавиться. И он принимает единственно верное в такой ситуации решение: предлагает Сереге уволиться по собственному желанию. Но Серый отказывается – и правильно делает: увольнять его не за что! И что в такой ситуации этому Кракозявкину остается делать? Только давить на Серегу грубыми криминальными методами! Так что, все довольно просто!

- Да я бы так не сказал, - с сомнением покачал головой Бочкарев. – Нет, по сути дела формально ты прав: судя по реакции начальника, Серега наткнулся на нечто такое... ну, скажем мягко: нехорошее. И ты вдвойне прав: в этом случае увольнение Сереги – единственный выход для Корзинкина, с этим я не спорю. Но организовывать для этого избиение... Саня, существуют тысячи способов заставить сотрудника уволиться – и при этом все делать в рамках закона, это я тебе как начальник говорю! Говоришь, Серега отказался писать заявление на увольнение по собственному желанию? Ладно, ну, отказался - и что же с того? Тот же Корзинкин, если он всерьез задумал от него избавиться, может просто сократить должность системного администратора и уволить Серого по сокращению штатов. А это означает: два месяца – и нет человека!

- Ага, сократить, - саркастически подал голос Александр Толстов. – Я хочу посмотреть на организацию подобного масштаба, которая сможет работать без системного администратора. А кто работу его делать будет, а, Леша? Да и потом: на каком формальном основании он может уволить Серегу? Так что, я с Володей согласен!

- Его обязанности можно вменить кому-то другому, - парировал Бочкарев. – Но есть и другой путь. Можно просто устроить Серому такую «веселую» жизнь, что тот сам сбежит через месяц! Ты что же думаешь, что у Сереги железные нервы? Кроме того, можно объявить ему два выговора за формальные нарушения дисциплины – ну, там, например, за опоздания, или за отсутствие на рабочем месте, или за невыполнение чего-либо - а потом за третье нарушения уволить по статье трудового кодекса. А можно и еще проще. Не забудь, Санек, что Серега – лицо материально ответственное. Можно просто объяснить человеку «тет-а-тет»: либо ты увольняешься сам, делаешь это добровольно и по-хорошему, либо мы тебе такую недостачу сделаем, что ты до пенсии не рассчитаешься. А уж устроить недостачу материальных ценностей, да в наше-то время – это, братцы, дело нехитрое! Поэтому затевать избиение человека только для того, чтобы заставить его уволиться из организации – это все равно, что охотиться на уток с помощью системы залпового огня «Град». Или нанимать большегрузный самосвал для того, чтобы привезти из магазина два килограмма картошки. Так что, Саня, если принять за основу версию Володи, что подоплека нападения есть лишь повод заставить Серегу убраться из института – на мой взгляд, это

предположение не выдерживает никакой критики. Если цель только в этом, то желаемого результата можно добиться гораздо проще и цивилизованнее.

При последних словах Алексея Симаков утвердительно кивнул головой.

- Ну и что же, - не сдавался Толстов. – Для того чтобы все по закону сделать, надо уйму времени затратить. Ты сам сказал: сокращение – это два месяца, постоянные придирки – никак не меньше месяца. А избить в темном углу – это один час. Значит, этой сволочи надо, чтобы Серега немедленно убрался из института. Подчеркиваю: не через месяц, не через неделю, а немедленно! Это говорит лишь о том, что Серега нащупал нечто такое, о чем сам Корзинкин даже и думать боится.

- В принципе, тоже логично, - недовольно проворчал Сергей. – Только пока что сам не пойму, что же я такого нарыл?

- А знаете, парни, что лично меня больше всего настораживает в этой истории? - неожиданно спросил молчавший до сих пор Кулагин.

Все повернулись к нему и замерли в вопросительном ожидании.

- По мне – так все тут сплошная загадка, - недовольным тоном отозвался Симаков. - Совершенно дурацкое задание, абсолютно идиотская реакция на правильные действия Сереги, глупое и бредовое увольнение. Дичь какая-то!

- Ты прав, Игорек, - ответил Кулагин и усмехнулся. – Все это дичь, да вот только одна деталь мне, ментовской крысе, бросается в глаза – ну, очень разительно!

- Пока не понимаю, - с недоумением спросил Сергей. - Ты что имеешь в виду?

- Сейчас объясню, - серьезным тоном произнес Кулагин. – Давайте разберем всю эту ситуацию с самого начала – разберем по молекулам. Этот твой Кастрюлькин дает тебе задание. Ничего из ряда вон выходящего я в этом не вижу: имеет право. Теперь пойдем дальше. Ты приносишь начальнику результаты своей работы, но, ознакомившись с ними, начальник говорит, что этих материалов недостаточно для того, чтобы сделать окончательный вывод. Несмотря на то, что лично я считаю этот вывод несколько странным, но ладно, тоже допускаю: начальнику сверху виднее. Далее этот твой Сквородкин велит тебе переговорить с тем, кто по твоим словам устроил весь этот хакерский балаган. Ну, хотя с моей точки зрения, подобный приказ выглядит несколько необычно и в данной ситуации является достаточно глупым, не это привлекло мое внимание. То, что тебе, говоря нашим милицейским языком, поручили «допросить подозреваемого», это не криминал, а в данном случае просто глупость – вот и все. Это говорит лишь о том, что твой начальник – не дипломат и человек достаточно недалекий: в подобной ситуации он сам должен беседовать с этим Стасом, но обязательно в твоём присутствии. Но, повторяю, это все не главное, это все детали. Далее, ты беседуешь с этим юным дарованием и задаешь ему вопросы: зачем же ты, нехороший человек, все это затеял? Кстати, реакция парня вполне вписывается в каноны поведения виновного человека: либо уходить в глухую неосознанку, либо действовать по принципу «лучший вид обороны – это наступление». Он бежит жаловаться на Серегу и выливает на него ушат отборного дерьма! Опять-таки, все логично: что сказал Стас, вспомните, а? Пьянка, непрофессионализм и все прочее. Учтите, парни, что мы живем в России, а у нас обвинение в пьянке – это классика жанра! Любого обвини – и будешь прав. Так что, тут все логично и понятно. Но вот то, что, судя по рассказу Сереги, происходило дальше, меня искренне поразило.

- А что дальше происходило? – хмуро спросил Сергей. – Мне Корзинкин уволиться по хорошему предложил, потом мне трое козлов морду начистили по самое не балуйся – вот и все дела.

- Нет, Серый, - возразил Кулагин, глядя Сергею прямо в глаза. – Ты кое-что забыл. Между визитом твоего Стаса к генеральному директору и предложением тебе уволиться произошло еще одно событие. Кстати, господа, мне странно, что никто из присутствующих не обратил на это никакого внимания!

- Ты это о чем? – спросил Бочкарев.

- Я имею в виду в высшей степени странную реакцию генерального директора на жалобу техника, - ответил Виталий. – Поймите, ребята: просто так генеральные директора ТАКИХ организаций не вступаются за рядовых техников – да еще с такой яростью, что дают команду уволить противоположную сторону, даже не выслушав объяснений и, более того: отказав в приеме. Причем, обратите внимание: этот Стас стоит на две ступеньки ниже в служебной иерархии, нежели Серега – а уж о вашем генеральном я даже и не говорю! Ведь Серый системный администратор, ему подчиняется его помощник в должности инженера, а этот Стас кто? Он просто техник. В переводе это означает: принеси, подай, пошел к черту - не мешай! И при таком раскладе Стас мгновенно попадает на прием к генеральному, а Серега не может в течение дня попасть на прием: ему отказано! Значит, одно из двух: либо Стас является «блатным», за которым стоят большие люди, или особой, приближенной к генеральному директору по тем или иным причинам, либо в этом деле замешаны очень большие деньги и Серега своим расследованием невольно наступил генеральному директору на любимую мозоль.

- Ну, последнее твоё предположение, Виталя, как раз маловероятно, - скептически возразил Алексей. – Нет, я не отрицаю, что руководство института, где работает Серега, крутит какие-то свои темные делишки. Но при чем тут техник? Какое отношение ко всему этому может иметь твой Стас? Он явно не вписывается в любую финансовую схему! Виталя, крупные тузы не посвящают в свои дела столь мелких сошек, каковым является техник. А потому не заступаются за них с такой яростью. Тогда остается одно: кто-то стоит за этим Стасом. И этот «кто-то» таков, что Штерн не может ему отказать и более того: сам боится этого неведомого покровителя. Но если это не так, то тогда остается последнее: Стас является родственником Штерна.

- Хорошо, допустим, - подал голос Мамонтов. – Но какая нам-то от этого польза? Чем мы поможем Сереге, если выясним, что этот Стас является, к примеру, внебрачным сыном губернатора нашей области или самого Штерна? По-моему, парни, вы не туда путь держите.

- Ошибаешься, Володя, - улыбнулся Кулагин. – Когда четко и понятно выстроена схема взаимоотношений в преступной группировке, то разгадать схему взаимодействия между членами объединенного преступного сообщества – это становится делом техники. Вспомните: откуда пошла волна наката на Серегу? Правильно, после визита Стаса к генеральному директору. Если мы поймем взаимоотношения Стаса и Штерна, то тогда, вполне возможно, сможем на корню пресечь наезд на Серегу, договорившись с покровителем Стаса.

- Виталя, а почему ты уверен, что покровитель Стаса не отреагирует точно так же, как и Штерн? – недоверчиво спросил Игорь. – Хорошо, допустим, ты выяснил, что за хмырь стоит за спиной Стаса, затем пришел к нему – дальше что? Почему ты исключая аналогичную реакцию этого туза: он может послать тебя на три координаты и приказать своей охране впоследствии больше не подпускать тебя к нему даже на пушечный выстрел?

- А это, дружище, смотря, кто к нему придет и, смотря, с чем придет, - усмехнулся Кулагин. – Во-первых, судя по бурной реакции Штерна, он не может самостоятельно принимать решение. А покровитель Стаса – может. И второе. Если мы выясним, кто стоит за Стасом, то тех материалов, которые имеются у Сереги, вполне достаточно для того, чтобы можно было говорить об открытии уголовного дела. А вот это, друзья мои, вполне реальная перспектива. Ибо здесь мы имеем уже не одну, а целых три статьи родного уголовного кодекса!

- Какие? – с любопытством спросил Сергей. – Я думал, речь идет только об одной статье: совершенно немотивированное нанесение телесных повреждений.

- Серега, я не о том, - отмахнулся Кулагин. – Нападение на тебя закон трактует, как банальное хулиганство. А связь между этими тремя уродами и твоим Стасом еще надо доказать. Но вот то, что Стас реально сделал – это даже не хулиганство: все гораздо серьезнее. Ну что, неужели никто еще не понял ситуацию?

Все дружно замотали головами.

- Во-первых, это неправомерный доступ к компьютерной информации, - объяснил Кулагин.
- Если некто – неважно, сотрудник он организации или нет – получил доступ к той информации, к которой Серега ему права не предоставил, и если это повлекло за собой некие проблемы в работе, то сия невинная шалость наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей, либо лишением свободы на срок до двух лет. А если это делалось в группе, либо лицом с использованием своего служебного положения – прошу заметить, господа, это как раз о Стасе! – то тогда получи либо штраф от ста тысяч до трехсот тысяч рублей, либо лишением свободы на срок до пяти лет.

- Ничего себе, - уважительно хмыкнул Толстов. – Seriously!

- Во-вторых, это создание, использование и распространение вредоносных программ, - довольным тоном продолжал Кулагин. – Серега ведь говорил, что Стас там какого-то троянца подсадил в сетку! А вот за эту невинную шалость этот красавец может получить лишение свободы на срок до трех лет плюс штраф до двухсот тысяч рублей. И пускай он молит Бога, чтобы не оказалось тяжких последствий: тогда тюрьма без вариантов на срок от трех до семи лет.

- Ни хрена себе, - пробормотал Симаков. – В интересное время мы живем... Мне уже страшно подумать о третьей статье.

- Ну, и, наконец, в-третьих, - улыбнулся Виталий. - Нарушение правил эксплуатации компьютеров или сетей. А Стас, насколько мне известно, своими шалостями нарушил работу сети. Так вот, други мои сердечные, за это ему могут впаять лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет. Либо лишение свободы на срок до четырех лет. И в связи с тем, что мы имеем все три статьи, то Стасу за это могут впаять по максимуму: до семи лет тюрьмы. И не условно, а на вполне реальной зоне. Вот такие пирожки с котятками.

В комнате воцарилось молчание.

- То есть ты хочешь сказать, что если перед таинственным покровителем Стаса замаячит угроза скандала, то его покровитель не станет поднимать шум? – спросил Сергей.

- Вы поразительно догадливы, уважаемый охотник за вирусами, - рассмеялся Кулагин. – Если он вменяем, то не станет. А если он невменяемый, то мы просто привлекаем к делу милицию – в этом случае покровителю Стаса придется гораздо хуже. Ты пойми, что органы внутренних дел – это огромная и неповоротливая машина. Но уж если ее привести в действие, то эту махину никто не остановит! Этот чудовищный маховик перемелет любого, кто попадет ей на пути – невзирая на звания, должности и прошлые заслуги! Серега, с этим не шутят, ты уж мне поверь! Нам остается лишь выяснить, что связывает этого слона Штерна и москву Стаса.

- Да, что и говорить, - хмыкнул Бочкарев. – Осталась самая малость. Только как мы это выясним?

- Ну, - замялся Кулагин. – Есть, конечно, некоторые варианты. Можно тихо опросить сотрудников института – особенно, женскую половину и водителей. Как известно, женщины и водители – это ж «сарафанное радио»: всегда все про всех знают. Но это не самая лучшая идея: нам рисоваться не с руки.

Кулагин замолчал и задумался.

- Слушай, Серый, - неожиданно сказал Виталий. – А ты смог бы удаленно войти на наш сервер в УВД? Только, естественно, так, чтоб тебя наши безопасники не засекли.

- Ну, если ты дашь мне точки входа или IP-адрес, то думаю, что в принципе смогу, - пожал плечами Сергей. – И закрыться от всех смогу – есть такие способы. Только что нам это даст? Ни Штерн, ни Стас не судимы – это я тебе гарантирую. И в вашей картотеке их не будет: мы только время зря потратим.

- А кто тебе сказал, что мы будем искать Стаса и Штерна в уголовной среде? – хитро прищурившись, спросил Кулагин. – Картотека на уголовников – далеко не единственная база данных в УВД. Есть и другие базы. Понимаете, мужики, когда в начале девяностых годов в стране началась вакханалия организованной преступности, то быстро выяснилось, что без надежной информации и отслеживания связей справиться с этой бедой невозможно. Посудите сами: главарь банды записывал свое имущество на подставных лиц, а сам оставался чистеньким! И тогда была создана одна хитрая база данных, которая может находить связи между данными, которые, на первый взгляд, совершенно никак друг с другом не были связаны.⁹ А теперь подумайте сами: какие данные есть в УВД? Да практически любые! Информация о дорожно-транспортных происшествиях, кадровые сведения обо всех сотрудниках всех предприятий города и области, данные о посетителях и завсегдатаях разного рода сомнительных заведений и многое другое. Если в каком-то протоколе, каком-то деле хотя бы вскользь упоминалась фамилия человека, то она обязательно будет включена в поиск!

- Ну а что, - хмыкнул Толстов. – За неимением лучшего, это тоже вариант. Серый, сможешь повторить позапрошлогодний подвиг?

Сергей неуверенно пожал плечами: было видно, что данная идея у него не вызвала особого энтузиазма.

- Да, в принципе, можно попробовать, - пробормотал он. – Если там все сделано по стандарту, то в межсетевых экранах есть нигде не документированные «дыры». Я их сам обнаружил, но о них пока еще никто не знает. Можно в принципе проверить этот фокус. Только, братцы, что-то не внушает мне доверия эта идея. Маловероятно, что мы что-то накопим...

- Вот не накопим – тогда и плакать будем, - нравоучительно сказал Кулагин. – А сейчас нечего думать – трясти надо. Давай, Серега, вперед и с песней: начинай своей клавиатурой наш сервер околачивать.

Все засмеялись.

Через несколько минут Сергей оторвался от монитора, повернул голову к Кулагину и усмехнулся.

- Ну что, ваше величество Наполеон, добро пожаловать в вашу епархию. Вход свободен.

Кулагин сел за компьютер. Он довольно долго искал, но все поиски были тщетны.

Сергей угрюмо сидел на корточках в углу комнаты и уныло смотрел в окно, подперев голову руками. Володя Мамонтов листал какую-то книгу, а Алексей Бочкарев нервно ходил из угла в угол и время от времени раздраженно смотрел в спину Виталия. Игорь Симаков и Александр Толстов сидели по обе стороны от Кулагина, но не вмешивались в его работу.

Наступил вечер. В комнате было тихо: лишь мерно гудел компьютер, тикали настенные часы, да Виталий щелкал по клавишам.

- Ну что там, - наконец не вытерпел Бочкарев. – Хоть какой-нибудь результат есть или все глухо, как в танке?

- Отстань, - неожиданно резко ответил Кулагин, не повернув головы. – Не мешайте.

Обиженно примолкнув, Бочкарев отошел в сторону, подошел к столу, взял бутылку пива и, демонстративно повернувшись к Кулагину спиной, сел на стул и начал пить пиво, уставившись в пустую стену, как будто на ней было написано что-то интересное.

Прошел еще час. Толстов уже клевал носом. Симаков с трудом сдерживал зевоту.

⁹ Речь идет о программном комплексе «Персей», который в середине девяностых годов использовался в органах внутренних дел. В настоящее время этот программный комплекс уже устарел и вместо него на вооружение приняты более современные программы (Прим.автора)

- Мать твою за ногу, - неожиданно воскликнул Кулагин. Он непроизвольно добавил несколько крепких выражений, после чего откинулся на спинку стула и замолчал.

Его лицо выражало искреннее и неподдельное изумление.

Все вздрогнули, вскочили на ноги и кинулись к Виталию, который продолжал сидеть, уставившись в экран.

Казалось, он увидел на экране голову Медузы Горгоны.

- Что, что там? - перебивая друг друга, затараторили Гильман, Мамонтов, Симаков, Толстов и Бочкарев. – Что нашел, говори скорее!

Кулагин медленно повернул голову и посмотрел на ребят.

- Знаете, парни, я ожидал всякое, - четко выговаривая слова, произнес Виталий. – Я искал несколько иную связку и не хотел вам говорить, потому что сглазить боялся. Но то, что я искал, не подтвердилось. А на данную связку я натолкнулся совершенно случайно. Братцы, то, что я обнаружил – нет, это уже из другой реальности! Боже, куда катится этот мир?

- Да говори ты толком! - злыми голосами закричали все. – Какого черта...

- Ладно, вы не орите, а вначале послушайте, - сказал Кулагин, пряча улыбку. – Я ведь не случайно сказал, что к нам стекается вся информация – причем, самая разнородная. В том числе и по разным сомнительным заведениям. Я начал искать совпадение фамилий Лановенко и Штерн. То, что мне почти мгновенно был выдан институт, это меня не удивило: так и должно быть. Но вот дальше – почти полная пустота. Я задал глубокий поиск. И – вы не поверите! – нашел! Оказывается, и Стасик, и Штерн оба тусуются в одном весьма пикантном заведении...

- Что? – переспросил Толстов. – Это где же? Что за заведение?

- Есть у нас в городе один весьма закрытый мужской клуб «Инмэн», - ответил Кулагин. – Все подобные заведения у нас на особом контроле: сами понимаете – наркотики, проститутки и прочей радости хватает. Но этот клуб – для элиты. Там такие люди появляются – мама, не горюй! Поэтому все посетители строго фиксируются. Мы у себя тихо тоже это отмечаем. Так сказать, негласное сотрудничество: типа, ребята, мы вас не трогаем и смотрим сквозь пальцы на некоторые ваши вольности с законом, но за это вы нам свою базу предоставляете. Так вот, господа гусары, и Стасик, и Штерн значатся у нас, как завсегдатаи этого пикантного клуба.

- Опаньки, - промолвил изумленный Сергей. – Вот те нате, хрен из-под кровати... Обалдеть! Н-да, не ожидал я от Леопольдыча, что он по таким кафешантанам шляется. Ну, ладно, Стас – понятно: молодой парень, но Леопольдыч... Интересно девки пляшут... Хотя... Знаете, мужики, по-моему, этот факт пока еще ни о чем не говорит.

- Я думаю, теперь пора нам навестить этот самый «Инмэн», - произнес Алексей. – Надо посмотреть их сервер: вполне возможно, что там будет развитие темы.

- Разумно, - поддержал друга Симаков. – Что скажешь, Серега?

- В принципе, можно попробовать, - задумчиво сказал Сергей. – Самое главное – это найти их сервер, а дальше – дело техники. Обычно такие богемные граждане экономят на сисадминах, поэтому сломать их вряд ли будет слишком сложно. Но вот найти... Впрочем, попробуем.

Он оказался прав: менее чем через час он вошел на сервер «Инмэна».

- Ну и что там? – с любопытством спросил Мамонтов. – Что нам звезды... тьфу! - компьютеры говорят?

- Да пока что ничего не говорят, - медленно пробормотал Сергей. – Пока что ничего интересного не вижу... Так, что тут у нас? Ну, здесь игрушки для секретутки, это не интересно... Это что? Это у нас гороскопы: тоже не представляет интереса. А тут? Бухгалтерия... Ладно, на

всякий случай скопируем к себе, а потом... поглядим в более спокойной обстановке... Так, мужики, а вот это уже интереснее!

Все столпились за спиной Сергея.

- Что нашел? – спросил Кулагин.

- Интересная вещь, - Сергей откинулся на спинку стула и с восхищением посмотрел на экран. – Оказывается, для того, чтобы попасть внутрь этого клуба, надо было купить карточку наподобие кредитной: карточку с магнитной полосой. Они продавали карточки на одно, пять, десять посещений и ВИП-карточки на год. Но на самом деле это весьма и весьма хитрая карточка: она не просто давала право на проход внутрь, но и фиксировала проход в разные помещения этого клуба. Причем, фиксировалось все: и время входа, и время выхода. А также фиксировались заказы в ресторане. Поэтому, можно достаточно легко выяснить, как и когда пересекалась наша сладкая парочка.

- И как же она пересекалась? – практически одновременно воскликнули Толстов, Мамонтов, Бочкарев и Симаков. Посмотрев друг на друга, они на несколько секунд замолчали, а потом рассмеялись. – У дураков всегда одинаковые мысли.

- Забавные дела творятся на белом свете, - изумленно воскликнул Сергей. – Да, братва, бывает же...

- Да говори ты толком, не тяни, - недовольно проворчал Кулагин. Он взял сигарету, отошел в сторону и закурил.

- И вот что мы имеем, - произнес Сергей. В его голосе звучало торжество. – Во-первых, и у Стасика, и у Леопольдыча были ВИП-карты. Обе они были оплачены в одно время и одним человеком. И этот человек – Александр Леопольдович Штерн. Но дальше будет интереснее. Время посещения этого клуба у Штерна и у Стаса практически всегда совпадает. Правда, были случаи, когда каждый из них посещал этот клуб самостоятельно, без партнера, но в двух третях случаев они были вместе.

- О как! – удивился Бочкарев. – Ядрена Матрена... Чем дальше в лес, тем толще и наглее партизаны. Остается выяснить, что же их так связывало в этом клубе?

- Леша, ты не поверишь, но и на этот вопрос есть ответы, - ответил Сергей. Было видно, что он с трудом сдерживает смех. – Я не случайно сказал, что с помощью данной карточки можно отследить не только время входа в клуб и выхода из клуба, выяснить, что он заказывал, как оплачивал, а также отследить внутренние перемещения человека. Так вот, во-первых, Штерн и Стасик, когда были вместе, то всегда сидели за одним столиком. И больше никого за этим столиком не было. Потом я посмотрел их заказы – и в буквальном смысле обалдел: дорогие коньяки, французские вина, черная икра, омары, лангусты... И каждый раз счет за ужин тянул на весьма кругленькую сумму: каждый заказик тянет больше, чем месячная зарплата этого ушлепка Стаса – раза эдак в два-три! А, во-вторых, спустя некоторое время они уходили «в номера»: оказывается, в этом пикантном заведении есть маленькие уютные комнатухи. Я даже нашел несколько фотографий внутреннего интерьера. Короче говоря, если парочке клиентов неожиданно приспичило потрахаться, то все к услугам клиентов. И – надеюсь, вы уж догадались! - Штерн и Стасик посещали в одно и то же время одни и те же номера. Причем, одновременно и входили туда – и выходили оттуда... Вот вам и загогулина, блин!

В комнате воцарилось молчание.

- Не понял, - растерянно проговорил Толстов. – А что они там... это... того... делали?

Сергей расхохотался.

- Но дальше – совсем интересное кино получается, - с трудом выдавил из себя Сергей сквозь душивший его смех. – Оказывается, эти красотки из «Инмэна» делали фото- и видеосъемки всего – как бы это помягче выразиться? – процесса. И эти фото они у себя хранили. Причем, судя

по тому, насколько четко все было структурировано, можно с уверенностью сказать, что процесс наблюдения за клиентами и сбор компромата у них был поставлен на широкую ногу не по-детски! И вот вам, пожалуйста: фотографии всех участников действия!

Сергей щелкнул клавишами и повернул монитор к ребятам.

Изумленному взору ребят предстала фотография Штерна в обнимку со Стасом. Оба были одеты, но страстные объятия и поцелуи обоих не оставляли никаких сомнений в том, что должно произойти дальше. Сергей снова щелкнул мышкой. На следующей фотографии они оба были уже без одежды.

Картинки сменяли друг друга.

Все было понятно без дополнительных разъяснений.

- Твою мать... Так это что же получается? – ошарашено промолвил Кулагин. От неожиданного известия он с трудом выдавливал из себя слова. – Это ж что выходит? Получается, что твой генеральный и этот сопляк... они... того... гомики, что ли?

- Виталя, есть один старый еврейский анекдот, - пробормотал Сергей. Он был удивлен своим открытием не меньше Виталя. – Встречаются два еврея. Один другому говорит: слушай, Моня, а ты знаешь, что наш Изя – таки педераст? Да шо ты говоришь, возопил Моня. - Он шо, взял у тебя в долг много денег и теперь не хочет-таки отдавать? Нет, Моня, нет! Изя – он педераст в хорошем смысле этого слова!

Все засмеялись.

- Ты хочешь сказать, что ваш генеральный и Стас – они в «хорошем» смысле этого слова? – ухмыльнулся Бочкарев.

- Да выходит, что так, - пробормотал Сергей. Он был изумлен не меньше остальных. - Получается, что Штерн и Стас – любовники...

Глава 8. Откат

В ком есть и совесть и закон,
Тот не украдет, не обманет,
В какой бы нужде ни был он;
А вору дай хоть миллион -
Он воровать не перестанет.

И.А. Крылов. 1811

Ребята молчали, ошарашенные такой неожиданной новостью.

Сергей первым пришел в себя: он подошел к кушетке, взял в руки гитару, стоявшую возле нее в углу, сел на табуретку, взял пару аккордов и запел:

Огней так много золотых
У клуба сексуального
Парней так много голубых,
А я люблю нормального,

А он примерный семьянин,
Его жена – красавица,
Я с ним бы справился один,
Но с нею мне не справиться!

Ему скажу я шепотком,
Что оба мы нормальные,
Давно уж стали большинством
Меньшинства сексуальные!

Последние слова песни заглушил громкий хохот.

- Смех смехом, но все это мне кажется либо сном, либо какой-то мистификацией, либо капитальной подставой, - сказал Сергей, отложив гитару. – Несмотря на то, что мы сейчас увидели, я все равно не могу поверить в то, что Штерн – «голубой». И в отношении Стасика у меня те же сомнения.

- Это по каким же причинам? – спросил Симаков. – Тебе что, этих фактов мало? Ты на фотографии еще не насмотрелся? Что же тебе в таком случае еще нужно? По-моему как раз тут все ясно, как Божий день!

- По многим причинам, - объяснил Сергей. – Во-первых, Штерн женат. К тому же, женат второй раз. Кстати, его вторая жена числится в отделе у этой обезьяны с гранатой Ивкиной. Зовут ее Иветта Юрьевна Штерн, формально сейчас она находится в отпуске по уходу за ребенком. Во-вторых, у Штерна две любовницы: его секретутка Лера Малышева и эта дурища Леночка Маташова. Об этом в институте не знает только ленивый. В-третьих, у него полным-полно внебрачных детей. Об этом тоже всем в институте известно. Например, работает у нас несколько дам. И их имена я тебе могу назвать хоть сейчас, хотя вряд ли это о чем-то тебе скажет. Так вот, их всех объединяет одно: у них дети – от Леопольдыча. Кстати, я несколько раз видел этих байстрюков: внешне - копия Штерна. А, в-четвертых, о любовных похождениях Штерна с нашими институтскими дамами ходят легенды. Знаете, как его иногда за глаза называют? Бык-производитель! Так что, господа гусары, версия о том, что такой ловелас и половой гигант, как Леопольдыч, является «голубым» представляется мне весьма и весьма сомнительной. Что же касается Стаса, то у него в институте девчонка есть – это я знаю точно! Более того, это уже его вторая девчонка: первая у него тоже в институте была! О том, что у него к ней не просто платонически-романтические чувства – уж кто-кто, а я-то это знаю доподлинно!

- Это откуда же? – ехидно заметил Бочкарев. – Ты часом не со свечкой стоял? Или, может быть, ноги придерживал? А, я знаю: советы давал! Вот прямо взял «Кама-Сутру» - и начал лекции читать!

Все засмеялись.

- Ну, за ноги я никого не держал, - усмехнулся Сергей. – Но полгода назад у нас произошел один забавный случай. Я обычно прихожу на работу пораньше – чтобы работу серверов проверить, чтобы убедиться, что все нормально... И вот прихожу я в помещение, а там – будто Мамай прошел: пустые банки из-под пива, использованные презервативы... Одних банок из-под пива «Балтика» номер семь – как раз семь штук и оказалось. Ну, вы поняли. Ничего понять не могу: вчера, вроде, уходил – все нормально было. Правда, накануне, когда я домой убывал, в помещении Стас оставался. Я еще ему сказал: мол, ты тут закрой все, на сигнализацию поставь. Он мне: дерьмо вопрос, все сделаю! А сегодня, короче говоря, картина маслом: будто у нас либо фугасная бомба разорвалась или сражение произошло! И тут этот Стас заявляется. Я его спрашиваю: мол, что сие означает? А он ухмыляется: мол, извините, Сергей Михайлович (он со мной на «вы» - все-таки разница в возрасте и в квалификации!), тут вчера ко мне девчонка моя пришла, ну и мы тут... Мол, сами понимаете, дело молодое! Я ему тогда выдал по самое «не балуйся»: типа, на улице можешь хоть половину города перетрахать и все запасы пива выдуть, а в помещении нечего подобные оргии устраивать! Кстати, забавно получается: сам Стас пиво жрет в помещении не по-детски, а меня же в пьянке и обвинил! Ну, да не в том дело! Весь фокус в том, что он ведь не с парнями любовью в офисе занимался! Поэтому что-то тут не сходится, братцы!

- Да не скажи, дружище, - покачал головой Толстов. – Я хоть и не психиатр, но за более чем десять лет работы в школе поневоле станешь и психиатром, и психоаналитиком, и сексопатологом, и наркологом, а заодно и санитаром в сумасшедшем доме – причем, все в одном флаконе. Поэтому вот что я тебе скажу. Когда человек стремится к чувственным наслаждениям, то это становится чем-то вроде наркотика. Кстати, именно так и подсаживаются на наркотики, именно так спиваются, именно так и начинают курить: вначале – кайф, потом хочется еще, потом еще и так далее. И человек уже не замечает, как он попал в зависимость от наркотика. Человеку нужна радость в жизни, необходимы положительные эмоции. Но если их нет или мало, то человек подсознательно ищет положительные эмоции, кайфа, если угодно. Так вот, Серега, с сексом дела обстоят точно так же. Ты сам сказал, что этот твой Леопольдыч перетрахал почти всех баб в институте. Для него секс стал самым настоящим наркотиком. Но ему баб уже не хватает: хочется большего, чего-то нового! И Стас стал для него тем самым новым неизведанным ощущением. Поэтому, даже если мы проигнорируем очевидные факты, то логическое объяснение такому неожиданному повороту событий тоже налицо.

- Сашка прав, - произнес Володя Мамонтов. – В мировой истории масса подобных примеров. Именно так получают насильники и педофилы (хотя и не всегда). Возьмите того же Калигугу.

- Пожалуй, я тоже согласен с Саней, - задумчиво пробормотал Кулагин. – Все сходится, эти два клоуна – любовнички...

- Хорошо, насчет Штерна вы меня убедили, - возразил Сергей. - Но как тогда вы объясните «голубизну» Стаса? На пресыщенного жизнью он явно не тянет: ему сейчас всего-навсего двадцать лет.

- Что же касается твоего Стаса, то и этому есть разумное логическое объяснение, - объяснил Толстов. – Я уже сталкивался с подобными молодыми людьми, для которых главный жизненный принцип – это отсутствие любых принципов вообще. Я бы назвал это «психологией проститутки». Ради своей сиюминутной материальной выгоды он может совершить что угодно. Надо переспать с мужиком – не вопрос, пересплю, от меня не убудет. Надо украсть – да какие проблемы?! Надо подставить близкого человека, своего благодетеля – а почему бы и нет: сделаем, если выгодно! Такие молодые люди не задумываются о завтрашнем дне и живут лишь тем, что им

выгодно в данный момент, а что будет потом – да хоть трава не расти! Вот почему такие типы страшнее откровенных негодяев. Они опасны именно своей беспринципностью и полным отсутствием моральных устоев. И то, что ты рассказал нам об этом Стасе, плюс то, что мы сейчас узнали, полностью вписывается в подобный психологический портрет.

Сергей задумался, потом еле заметно кивнул головой.

- Выходит, все банальнее, чем мы ожидали, - произнес Симаков. – Мы думали, что тут завязаны родственные связи, большие покровители, а оказывается все дело в том, что Штерну просто необходимо как-то по-новому помассировать свои яйца...

- Только в этом случае непонятно: зачем «голубым» нужно массировать яйца? – с притворной задумчивостью спросил Сергей. - Они ж у них того... read only... не для записи...

Услышав эту неожиданную реплику, парни переглянулись и, спустя мгновение, громко захохотали.

- Да, Серый, - вытирая слезы, промолвил Мамонтов. – Судя по репликам, я вижу, что профессия программиста наложила на твое мышление неизгладимый отпечаток.

- Это еще не реплики, - смеялся Сергей. – Вот мои юзера такие перлы иногда выдают, что хоть стой, хоть падай. Я довольно часто сталкиваюсь с такими замечательными высказываниями моих пользователей, что мама, не горюй! Вот вам недавний пример. Как-то раз, начальница одного отдела, осталась без своих обоих подчиненных, которые разъехались по командировкам, и ей пришлось работать за их компьютерами. Само собой, чужой компьютер - темный лес и у нее что-то не заладилось. И вот теперь представьте: я стою в коридоре с мужиками, мы тихо и мирно беседуем, и тут эта мадам подходит ко мне и выдает следующее:

- Сережа, теперь только ты, сможешь мне помочь, ты ведь знаешь, что я осталась одна...

Что она пыталась сказать дальше, я уже не слышал из-за дикого ржача своих коллег. Видя нашу реакцию, до нее дошло, что она ляпнула что-то не так и решила пояснить:

- На чужом месте мне так непривычно!

Отсмеявшись и оказав посильную помощь, этой мамзели, я решил пойти к себе на свое рабочее место. Но по пути меня ловит другой пользователь, который не замедлил выдать свою проблему, с доступом в сети для него и его коллег. И выдает мне следующее:

- У меня проблема: ты не знаешь, почему я для мужиков недоступен?

На что я, устав от возни с этой мадам, отвечаю ему:

- Я, конечно, не специалист, но посоветовал бы тебе изменить образ жизни.

Слава Богу, этот пользователь оказался с достаточным чувством юмора.

Ребята рассмеялись.

- Ладно, господа гусары, давайте оставим наши смехуечки до лучших времен, - заметил Симаков. – Пока что мы очень далеки от разгадки. Давайте продолжим наши умственные упражнения.

- Давайте, - охотно согласился Кулагин. – И куда же вы, комиссар Мегрэ, предполагаете дальше направиться? Какие теперь будут ваши глубокомысленные выводы?

Игорь не принял шуточного тона Виталия. Он напротив, посмотрел на своего друга серьезно и строго.

- Из всего того, что мы с вами нарыли, мне пока что ясен и еще один забавный вывод, - ответил Симаков. – Сдается мне, Виталия, что руководство клуба «Инмэн» дает вам далеко не всю информацию о своей клиентуре, ох, не всю!

- Да, похоже, прав ты, чертяка бесхвостый, - задумчиво отозвался Кулагин и почесал в затылке. – Ох, как прав! Они ведь, шапки-ушанки ходячие, нам дают только то, что на входе и выходе получается. А то, что внутри, эти бизнесмены скромно прячут от нас подальше. Ладно, учтем-с!

- Сейчас не о том, - нетерпеливо отмахнулся Симаков. – Всю они вам давали информацию или не всю, что давали, тому ли давали – это, господин капитан, исключительно ваше интимное дело с коллегами по нелегкому бизнесу.

При этих словах Толстов, Мамонтов, Бочкарев и Сергей прыснули от смеха и ехидно посмотрели на Виталия. Он в свою очередь лишь сдержанно улыбнулся и продолжал смотреть на Симакова: видимо, он ждал, когда тот закончит свою мысль.

- Сейчас речь идет совсем о другом, - продолжал Игорь уже серьезно. – Мы сейчас поняли, почему вдруг Штерн так яростно встал на защиту Стаса, даже не разобравшись в ситуации. Поведение твоего Гриль-Скороваркина тоже вполне вписывается в логику поведения лояльного подчиненного: он действует по принципу «чего изволите-с, ваше благородие»?

В этом месте Игорь, как бы подтверждая свои слова, неумело сделал книксен и карикатурно поклонился.

- Но тогда мне непонятны два момента, которые теперь напротив, перестали вписываться в нормальную логику! Во-первых, мне непонятно поведение Стаса. А, во-вторых, мне непонятно это дикое и нелепое нападение на Серегу, которое никак не вписывается ни в какую нормальную логику!

- А что тебе в поведении Стаса непонятно? – спросил Кулагин. – Как раз его поведение вполне логично. На него наехал начальник, причем, обрати внимание: наехал-то на него Серега по делу! Отвечать мальчонке нечего, отсюда – вполне предсказуемая реакция: бежать за защитой к сильному любовничку!

- А зачем ему перлюстрировать почту своего сильного любовничка? – ядовито передразнил Симаков. – Зачем ему копаться в директорских файлах? Зачем ему эти нелепые и неумелые хакерские трюки? Для чего это все, объясните? Потому что детство в одном месте до сих пор играет? Ладно, допускаю: мальчишка действительно еще молодой – всего-то двадцать лет! Но я бы не сказал, что он при этом глуп: нет, господа, для своей защиты он действовал умно, четко и точно! Если бы он в своих криминальных экспериментах ограничился бы только компьютерами сотрудников, но не трогал бы файлы своего любовника, то у меня бы не было вопросов! Но в данном случае - нет, други мои милые, по-моему, это «ж-ж-ж» неспроста!

- В принципе, Игорек все верно излагает, - пробормотал Мамонтов. – В этой партии, на мой взгляд, два фигуранта: это Стас и Штерн. Корзинкин не в счет: он просто ретивый исполнитель директорской воли, причем исполнитель достаточно глупый. По-моему Стас в этой партии ведет свою собственную игру, в которой Штерну нет места. И нам надо понять его игру.

- Ты что же, всерьез допускаешь, что такая мелкая сошка, как Стас, попрет против генерального директора? – скептически заметил Бочкарев. – Супротив своего покровителя, благодетеля, защитника и любовника в одном лице? Ты что, Володя, с дуба рухнул? Это ж тогда Стасу надо быть трахнутым чугунной сковородкой во всю голову – причем, регулярно, ежедневно, в течение всей жизни! А, судя по его поведению, Стасик – парнишка далеко не глупый. Зачем же ему переть, словно бык на ворота, против своего счастья и с настойчивостью клинического дауна пилить сук, на котором он сидит?

- Ты Леша, погоди, не гоношись, - негромко, но веско сказал Симаков. – Саня сейчас прав на все сто: Стас вполне может вести свою игру в этой партии. Я могу привести тебе тысячу доводов в пользу этой версии, но ограничусь одним: ты не допускаешь, что Стасик мог просто банально обнаглеть? Или захотеть срубить деньжонок на стороне? Вариантов масса. Но гадание на

компьютерной гуще – дело неблагодарное. Ответить на этот вопрос мы сможем только в одном случае: проанализировав те файлы, которые Стас просматривал.

- Ну, тут я, пожалуй, спорить не стану, - пожал плечами Алексей. – Серый, мы можем посмотреть содержимое того, что Стасик просматривал и удалял?

- Можем, - улыбнулся Сергей. – Для того чтобы начистить мне морду, были наняты достаточно тупые исполнители: они первым делом отобрали у меня бумажник, вытряхнули содержимое моей сумки – а там были компакт-диски со всей информацией! – вытащили деньги из нагрудных карманов, но не обыскали меня. Даже мой мобильный телефон они не нашли. Ну, да не в телефоне дело: на шее-то у меня висела «флэшка». Именно на нее я на всякий случай скинул все, что я на диск записал – мало ли что! Вот на этой флэшке у меня все и записано!

- Так чего мы тянем? – спросил Кулагин. – Давай и посмотрим!

Сергей достал из-за пазухи заветную флэшку, вставил ее в компьютер и стал просматривать содержимое файлов. Друзья столпились у него за спиной и тоже смотрели.

- Ну и что получается? – с интересом спросил Кулагин. – Какой у нашей «шестерки» пиковый интерес и бубновые хлопоты?

- Да пока что я этот самый «пиковый интерес» этого сексуального клоуна не очень понимаю, - задумчиво пробормотал Сергей. – Главное, на что обратил внимание Штерн – это то, что Стас просматривал его электронную почту. Еще он воровал списки клиентов. Ну, стащил этот Стас некоторые договора. Ну и еще всякой разной информации по мелочам. Еще он стер несколько каких-то странных мультимедийных аудио- и видео файлов. Кстати, последнее вообще за гранью моего понимания: оказывается, была какая-то директория, в которой хранились горы подобной ерунды. Почему на это обратил внимание Штерн – вообще полнейшая загадка. Но, ребята, я главное не пойму: в этой информации нет абсолютно никакой логической системы и связанности. Я не понимаю, зачем, например, Стасу нужен проект газопровода? Что станет делать техник с этой информацией? Или, к примеру, что он станет делать со списком клиентуры? А на кой бес ему некоторые договора понадобились – вот этого я не пойму: хоть вы меня режьте... Хотя...

- Что-нибудь нашел? – живо отозвался Бочкарев.

- Даже не знаю, - неуверенно ответил Сергей. – Есть одна странность... Правда, к Стасу это не имеет никакого отношения...

- А к кому имеет? – спросил Толстов.

- К моему шефу Корзинкину, - медленно произнес Сергей. - Вот ведь какая загогулина получается: я тут случайно договор один нашел. И обратил на него внимание лишь потому, что этот договор проходил через меня. Есть одна неприметная фирмочка в нашем городе: «Комплект-Юнит». Возглавляет эту фирму Вадик Громадский. Ну, вы его должны знать: он наш однокурсник, только учился на математическом факультете.

- Ну, помню я Вадика, - с недоумением отозвался Симаков. – Прекрасно помню: мы же вместе с ним в одной секции занимались. Отличный был фехтовальщик, кандидат в мастера спорта. Если бы не бросил фехтование, то мастера бы получил. Хороший мужик, очень порядочный и приветливый, ничего плохого о нем сказать не могу. А он-то тут при чем?

- А при том, Игорек, что в этом договоре не совпадает одна деталь, - пояснил Сергей. – Мы с ним заключили контракт на прокладку дополнительных линий в нашей локальной сети. Так, ничего особенного, но в этом договоре я отлично помню сумму: восемь тысяч долларов. А здесь – смотрите: все то же самое, и работы те же самые, но сумма указана другая. Более двухсот тысяч долларов. И еще есть несколько подобных договоров, с ним же заключенных – и там такая же фигня: такие же завышения цен в двадцать-тридцать раз! И все эти договора были заключены в течение последних десяти дней!

- Опаньки, - не удержался Бочкарев. - Ты ничего не перепутал?

- Леша, я могу перепутать только то, с чем не имею дело, - высокомерно возразил Сергей. – Но пока что я еще в здравом уме. На подобные работы и цен-то таких не существует! Если бы цены были завышены на десять-двадцать процентов, то я бы это вряд ли заметил. Но когда цены завышены в десять-двадцать раз, то это не заметить трудно. Вот ты мне ответь: сколько разрядов в числе восемь тысяч? То есть, сколько цифр в этом числе?

- Ну, четыре, - с изумлением ответил Бочкарев. До него только теперь начал доходить весь смысл сказанного. – А в двухстах тысячах – шесть цифр... Мама дорогая... Ну, слов нет! Солидно работает твой Корзинкин, ничего не могу сказать, уважаю! В двадцать пять раз завысил стоимость работ. Н-да, Остап Бендер отдыхает, нервно курит в сторонке и всерьез помышляет о переходе в управдомы....

- Только по тем договорам с фирмой «Комплект-Юнит», которые за последние десять дней визировал Корзинкин, завышение составило больше трех миллионов долларов, - резюмировал Сергей. – Вот вам и массаж яиц «только для чтения» безо всякой «Кама-Сутры»...

- Что-то я ничего не понял, - с недоумением отозвался Толстов. – На кой черт нужно вообще завышать цены? Что организация с этого имеет?

- Саня, организация с этого как раз ничего не имеет, кроме убытков, - засмеялся Бочкарев. – Это же самый обычный «откат на лапу». Но вот Корзинкин как раз, напротив, с этого имеет огромные деньги.

- Знаете, парни, я далек от бизнеса, поэтому поясните мне кое-что, - подал голос Толстов. - А как вообще работает система «откатов»?

- Санек, «откат» (он же «распил») - это банальная взятка, - объяснил Бочкарев. – Впрочем, в нашей стране эти слова уже давно стали синонимами. Уже давно и чиновники, и бизнесмены привыкли быстро решать все свои проблемы при помощи конверта с деньгами. Взятка – это зараза, которая разъедает всех и вся! Поэтому в любой стране взятка считается чрезвычайно серьезным уголовным преступлением, и наша страна тут не исключение. Однако в сегодняшней России на системе откатов построен весь бизнес. Существуют даже тренинги: как правильно давать взятки. То, что во всем мире считается преступлением, то у нас считается «обычаем делового оборота».

- Леша, это все теория. Ты все, конечно, красиво излагаешь, но ты мне конкретно ответь, - нетерпеливо перебил друга Толстов. – Как в данном случае этот Корзинкин может обогатиться, завышая цены на услуги?

- Достаточно просто, - подал голос Мамонтов. – Представь себе, это самый Вадик Громадский пришел к Корзинкину и говорит: давайте, Сергей Орестович, мы вам сделаем НЕЧТО. Например, протестируем работу вашей локально сети. Базара нет, вещь нужная! Хорошо, отвечает Корзинкин, а сколько это «нечто» будет стоить? Вадик и говорит: восемь тысяч долларов. Годится, отвечает Корзинкин, только давайте сделаем иначе. Мы вам заплатим не восемь тысяч, а двести тысяч долларов. А разницу в цене – то есть сто девяносто две тысячи долларов ты мне отдашь. Наличными и в конвертике. Вот тебе и вся схема.

- Но, разумеется, в данном примере Корзинкин не получит на руки все сто девяносто две тысячи долларов, - добавил Бочкарев. – Он получит сумму чуточку поменьше: как правило, эта сумма будет ниже примерно на десять процентов. То есть в данном случае это получается примерно сто семьдесят три тысячи долларов.

- Это почему же? – спросил Толстов.

- Это плата за превращение безналичных денег в наличные, - объяснил Симаков. – Так называемая «обналичка» или «процент за обналичку». Ну, вот посмотри. Допустим, институт перевел двести тысяч долларов по безналичному расчету на счет фирмы «Комплект-Юнит» в банк.

«Комплект-Юнит» в свою очередь восемь тысяч долларов оставляет себе, а сто девяносто две тысячи переводит также по безналичному расчету в другой банк на счет какой-нибудь мелкой фирмы-однодневки, созданной специально для таких целей. Директором и главным бухгалтером этой фирмы специально наняты какие-нибудь бомжи за бутылку водки. У них заранее взяты подписи под документами – и больше их никто не видит. Через пару дней ребята, специально нанятые для таких целей, отдадут Вадику конвертик, в котором будут лежать сто семьдесят три тысячи долларов. И этот конвертик Вадик отдаст Корзинкину где-нибудь подальше от посторонних глаз, в каком-нибудь тихом кафе или парке. Отдаст безо всяких документов, из рук в руки. Вот тебе, Саня, и вся схема.

- Кстати, я заметил и еще одну забавную вещь, - добавил Сергей. – Все эти договора завизированы финансовым директором. Обалдеть...

- А вот теперь ты мне объясни, - с недоумением спросил Бочкарев. – Почему виза финансового директора тебя так удивила? Это же обычное дело при заключении договоров на услуги. Как раз в этом ничего особенного нет.

- Возможно, Леша, в твоей организации это и так, - ответил Сергей. – Но в нашем институте дела обстоят иначе. Есть у нас один мужик в институте: Алексей Максимович Трофимов. Он у нас финансовым директором работает. Кстати, он родственник Штерна по линии его второй жены, ну да речь сейчас не о том. Так вот, этот Трофимов прославился своей чудовищной скупостью. Впрочем, для финансового директора это, скорее, плюс, нежели минус. Но есть одна деталь: я иногда, в отсутствии Корзинкина пытался выбить у него оплату на небольшие расходы для разных целей. Так вот, каждый раз Трофимов реагировал на просьбу о выплате денег – даже копеек, даже для совершенно необходимых вещей! – так, как будто я предлагал ему переспать с его женой! Каждый раз он настаивал, чтобы необходимость оплаты проверялась и перепроверялась, то есть дело чудовищно затягивалось. Причем, он требовал, чтобы я лично визировал такие акты и счета. А тут вдруг такие чудовищные суммы – и никто моей согласующей подписи не требует, все делается мгновенно! Кстати, я обратил внимание и на другое: я вообще об этих договорах понятия не имел, хотя все они меня касаются и имеют к моей работе самое непосредственное отношение. А этот договор о тестировании я увидел совершенно случайно. Более того, ребята, посмотрите-ка и на даты заключения договора. Этот договор я просматривал десять дней назад. А сам договор заключен восемь дней назад!

- А что тебя в этом факте так насторожило? – спросил Мамонтов.

- То, что все сделано практически молниеносно, - пояснил Сергей. – У нашего института есть одна особенность: любое решение принимается достаточно долго. И под каждым договором ставится куча согласующих подписей. Все эти подписи указаны в нашей базе данных. А в этом договоре – посмотрите! – только две подписи: Корзинкина и Трофимова, остальных нет. И моей нет. Нет, братцы, тут что-то не то! Неспроста все это!

- Значит, скорее всего, Трофимов в доле с Корзинкиным, - сделал вывод Толстов. – Вы сами сейчас нарисовали схему, по которой Корзинкин получает деньги. А, получив деньги на руки, он затем делится с Трофимовым, который беспрепятственно пропускает договор на оплату. Следовательно, они оба в сговоре, все сходится.

- Да сходиться-то сходится, - скептически заметил Симаков. – Только я не вижу Стаса в этой игре. И Штерна не вижу. Тот факт, что Корзинкин обворовывает институт и лично Штерна – это, конечно, безумно интересно, но совершенно недоказуемо. А участие Трофимова в этом деле – ну, не знаю, на мой взгляд, это тоже не факт: его могли убедить в том, что это жизненно необходимо или все могли согласовать со Штерном. И к тому же, по моему скромному мнению, все это не имеет никакого отношения ни к нападению на Серегу, ни к его увольнению, ни к хакерским похождениям Стаса, ни к сексуальным игрищам генерального директора.

- Может быть, и не имеет, - задумчиво пробормотал Кулагин. – А, может быть, и имеет – и самое непосредственное. По крайней мере, с моей точки зрения, надо взять эту информацию на

заметку. На всякий случай, думаю, пригодится, как дополнительный козырь. Вполне возможно, что нам придется торговаться с Корзинкиным. И эта информация будет у нас, как козырный туз в рукаве.

- Теоретически ты прав, - пожал плечами Бочкарев. Он подошел к столу, взял бутылку пива и отхлебнул. – Но, на мой взгляд, сейчас надо оставить в покое откаты, полученные Корзинкиным, и все-таки искать иное.

- Ты это о чем? – спросил Сергей.

- О том, что вся эта каша заварилась не из-за откатов, - ответил Алексей. – А из-за хакерских игрищ твоего техника. Такая реакция Стаса на разоблачение не случайна, ох, чует мое сердце, не случайна! Ты, Серый, при первичном анализе того, что взломал Стас, никакой системы не нашел. Но я убежден, что эта система есть – просто ни ты, ни мы эту закономерность пока что не поняли. Значит, надо искать в этой информации закономерность. Что-то всю эту информацию объединяет.

- Вообще-то Леха дело говорит, - поддержал друга Симаков. – Надо более внимательно просмотреть эти файлы.

- Ну, хорошо, я их просмотрю, - сказал Сергей. В его голосе сквозило недоверие. – Но вы мне ответьте: зачем технику, например, список клиентуры? Или список договоров? Я не пойму – зачем ему все это надо?

- А для того, чтобы понять – зачем? – надо проследить дальнейший путь этой информации, ответил Бочкарев. - Надо понять, что дальше Стас с этим добром делал, кому он эту информацию передавал. Поймите, братцы, воровать информацию лишь их хулиганства – дело глупое. А, как мы уже выяснили, Стас на идиота не похож. Значит, он делал это либо по чьему-то заданию, либо с целью извлечения выгоды. Парни, вы не забывайте, где и кем я работаю. Сотовые компании постоянно подвергаются хакерским атакам. Поэтому нам постоянно читают лекции на эту тему. И вот не так давно к нам в фирму приезжали весьма серьезные мужики из ФСБ, которые читали нам на эту тему весьма интересные лекции. И они нам кое-что объяснили и на некоторые вещи открыли глаза.

- Интересно, – произнес Толстов. – И что они вам рассказали?

- Они объясняли нам мотивацию хакеров, - сказал Алексей. – Еще граф Суворов говорил: чтобы побеждать врага, надо его знать. Для нас враг – это хакер, который пытается нас взломать. Поэтому нам необходимо понять, зачем он это все делает. Вот почему понимание мотивации хакеров, взламывающих сети, воруящих информацию или делающие что-либо нехорошее с операционной системой дает нам в руки ключ к пониманию поступков хакеров, выявляя замысел неудавшегося вторжения. Мотивация объясняет, почему компьютеры так их привлекают? Какую ценность представляет операционная система, информация, файлы? Чем все это добро для них интересно? Для какого метода взлома подходит? Ответы на эти вопросы позволят нашим специалистам лучше оценить возможные угрозы для своих систем. Ну, и, разумеется, противодействовать всему этому беспределу!

- Ты что же, хочешь сказать, что мотивы поведения хакеров поддаются какому-то структурированному анализу? – скептически заметил Симаков.

- Представь себе, поддаются, - утвердительно кивнул головой Бочкарев. - Во-первых, это привлечение внимания. Кстати говоря, с этого взломы сетей в мире и начинались. Первоначальной мотивацией взломщиков компьютерных систем было желание «сделать это». И до сих пор именно этот мотив остается наиболее общим побудительным мотивом. Взломав систему, хакеры хвастаются своими победами. Хакеры зарабатывают «положение в обществе» выводом из строя сложной системы или нескольких систем одновременно, размещением своего опознавательного знака на повреждаемых ими веб-страницах. Хакеров привлекает не просто взлом конкретной системы, а стремление сделать это первым либо взломать сразу много систем. В отдельных

случаях взломщики специально удаляют уязвимое место, с помощью которого они вывели компьютер из строя, чтобы никто больше не смог повторить атаку.

- Вообще-то Леша, пожалуй, прав, - задумчиво пробормотал Сергей. – Я несколько раз сталкивался с подобными фокусами. Неоднократно мне приходилось наблюдать так называемые «ненаправленные атаки». Желание привлечь к себе внимание порождает ненаправленные атаки, то есть взлом выполняется ради развлечения и не связан с определенной конкретной заданной целью. Но направленные атаки, целью которых является получение конкретной информации или доступ к конкретной системе, имеют другую мотивацию. А, судя по тому, как все было организовано, Стас имел какую-то цель. Поэтому данная атака балы именно направленная: точно против Штерна. Кстати, с точки зрения безопасности это означает, что любой компьютер, подключенный к Интернету, представляет собой потенциальную мишень для атак.

- Ты прав, - утвердительно кивнул головой Алексей. – Кстати, те же мужики из ФСБ назвали нам еще одну форму мотивации - хактивизм, или хакинг во имя общественного блага. Хактивизм связывает себя с политическими акциями и зачастую служит поводом для оправдания преступления. Он является более опасным, поскольку иногда может привлечь честных и наивных людей, которые искренне считают, что действуют во имя великой и благой цели.

- Ну, это, Леша, похоже, не наш случай, - усмехнулся Толстов. – Этот Стас явно не тянет на Робин Гуда.

- Ну и, наконец, в-третьих, мотивом для хакеров является алчность, - продолжал Бочкарев, не обратив внимания на реплику Александра. – Жадность, жажда наживы - один из самых старых мотивов для преступной деятельности. Для хакера это связано со страстью получения любой наживы - денег, товаров, услуг, информации. Допустима ли такая мотивация для Стаса в данном случае? Я считаю, что вполне допустима!

- Серый, а вот ты мне скажи, - подал голос Кулагин. - Насколько трудно установить личность взломщика, задержать его и вынести обвинение? Когда Стас затевал свои игрища, насколько он мог быть уверен в своей безнаказанности?

- Если в системе обнаружится вторжение, большинство организаций исправит уязвимость, которая использовалась при атаке, восстановит систему и продолжит работу, - пожал плечами Сергей. – Некоторые, возможно, обратятся за поддержкой к правоохранительным органам, если не смогут выследить взломщика за недостатком доказательств, или если хакер находится в стране, где отсутствуют законы о компьютерной безопасности.

- Но даже давайте предположим самый благоприятный исход дела, - подхватил Бочкарев. - Допустим, что хакер оставил улики и задержан. Далее дело будет передано в суд. И на суде прокурор должен будет еще доказать, что человек на скамье подсудимых действительно взломал систему жертвы и совершил кражу. Поверьте, ребята, на практике это сделать очень трудно! Тут в другом проблема: в случае взлома системы риск быть схваченным и осужденным очень низок, а прибыль от воровства информации может быть весьма и весьма высока. Хакер будет разыскивать ценную информацию, которую можно продать или использовать с выгодой для себя.

- То есть ты хочешь этим сказать, что Стас действовал исключительно из корыстных побуждений, не опасаясь разоблачения? – спросил Толстов. – Ну, в принципе, очень даже может быть... Тогда это объясняет то, что он в разговоре с Серегой ушел «в глухую несознанку».

Кулагин открыл рот, чтобы что-то ответить, но Бочкарев перебил его.

- Но и это еще не все, братцы, - сказал Алексей. - Последней мотивацией хакера может быть еще и злой умысел, то есть банальный вандализм. В этом случае хакер не заботится о захвате управления системой – за исключением случаев, если это не помогает ему в его целях. Вместо этого он старается причинить как можно больше бессмысленного вреда легальным пользователям, препятствуя их работе в системе, или законным владельцам сайта, изменяя его веб-страницы. Злонамеренные атаки обычно направлены на конкретные цели. Хакер активно стремится нанести

ущерб определенному сайту или организации. Основная причина таких атак - желание отомстить за несправедливое обращение или сделать политическое заявление, а конечный результат - причинение вреда системе без получения доступа к ней. И этот возможный мотив действий Стаса я бы тоже не сбрасывал со счетов. Тем более, что Серега сам сказал: в сети был обнаружен троян. Возможно, Стасик решил кому-то и за что-то отомстить.

- Ну, это мы, вроде бы уже обсудили, - покачал головой Симаков. – Отомстить, говоришь? Леша, тогда ответь мне, тупому: кому и за что? Не за что Стасу мстить Штерну: своему любовнику и благодетелю. Ты можешь мне возразить: возможно, Стас решил подставить кого-то - например, Серегу. Ладно, предположим. Но тогда почему он не позаботился об элементарных мерах безопасности? Ведь не забывайте: Серый вычислил Стаса почти моментально! Нет, друзья мои сердечные, вариант вандализма, версию о том, что Стас творил зло ради зла, зло ради мести, мне представляется крайне маловероятным. Следовательно, остается одно: алчность. Видимо, мальчонка решил срубить бабки где-то на стороне. То есть выходит, что Лешка прав на все сто: надо искать, что дальше Стас делал с этой информацией, кому он ее передавал.

Беседу ребят прервал резкий звонок мобильного телефона.

От неожиданности все непроизвольно вздрогнули и замолчали.

- Чей это телефон? – спросил Мамонтов.

- Мой, - помолчав немного, промолвил Сергей. – Это мне звонят.

- Кто это звонит? – спросил Бочкарев.

- Не знаю, - растерянно ответил Сергей. – Номер не определен.

Глава 9. На самом краю

Примолвить к речи здесь годится,
Но ничьего не трогая лица:
Что делом, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

И.А. Крылов. 1811

- Слушаю вас, - ровным голосом сказал Сергей.

- Еще раз добрый день, Сергей Михайлович, это Сергей Орестович вас беспокоит, - раздался в трубке голос Корзинкина. Вопреки своему обыкновению, теперь он говорил еле слышно и вкрадчиво. – Ради Бога извините, что беспокою вас в столь поздний час, но тут есть дело неотложное. Я позвонил вам домой, но к телефону никто не подходит, поэтому звоню на мобильный. Я вас не разбудил?

- Нет, не разбудили, - коротко ответил Сергей. Прикрыв микрофон рукой, он посмотрел на друзей и одними губами прошептал: Корзинкин.

Все молча кивнули и выжидающе посмотрели на Сергея. Тот слегка отодвинул трубку от уха и развернул ко всем. Ребята подошли поближе и стали слушать разговор вместе, стараясь не пропустить ни единого слова.

- Вы где сейчас? – спросил Корзинкин.

- Неважно, где я сейчас, – стараясь говорить как можно более спокойно и ровно, ответил Сергей, однако в его тоне невольно прозвучали нотки вызова. Однако он немедленно взял себя в руки. - Что случилось, Сергей Орестович?

- Мы с вами сегодня оба погорячились, - ответил Корзинкин, не обратив внимания на реплику Сергея. – Я вас прекрасно понимаю: такую информацию всегда неприятно слышать. Да и я, пожалуй, был чересчур резок с вами. Но сейчас мы с вами оба успокоились, все обдумали и поэтому можем разговаривать конструктивно. Сразу скажу вам, что претензий к вам, как к специалисту, нет никаких. Тут я с вами полностью согласен: Стас Лановенко в этом вопросе, разумеется, абсолютно не прав. И в сегодняшней беседе с Александром Леопольдовичем я сказал то же самое. И Александр Леопольдович со мной полностью согласился. Поэтому перевод вас на должность техника я считаю принципиально неправильным. Принципиально! Но и оставаться в должности руководителя отдела вы тоже не можете. Отсюда следует, что самым правильным решением будет все-таки вам уволиться. Кроме того, что вам положено по закону, я смогу предложить вам еще кое-что сверху. Во-первых, учитывая то, что до этого момента вам претензий не было, думаю, что смогу для вас сделать разовую премию из фонда генерального директора в размере вашего должностного оклада: так сказать, в порядке компенсации. Также гарантирую вам блестящую характеристику. Кроме этого обещаю вам, что в период обязательной двухнедельной отработки вам будет предоставлен свободный график: можете вообще не появляться на работе. И, наконец, самое главное. Вы, Сергей Михайлович, являетесь материально ответственным лицом. Так вот, если мы с вами расстанемся полюбовно, то гарантирую вам, что все материальные ценности, которые на вас числятся, - а вы знаете, что на вас числится немало! – будут завтра же с вас списаны. Поэтому, учитывая все вышесказанное, я спрашиваю вас: какое же вы все-таки приняли решение? Впрочем, я вас не тороплю, и вы можете ответить мне завтра утром. Но предварительный ответ мне нужен уже сейчас.

Сергей терпеливо слушал. Тон Корзинкина был спокойным и умиротворенным, однако Сергей кожей почувствовал напряжение на другом конце провода. Судя по тому, что голос Корзинкина едва заметно подрагивал, немедленный ответ Сергея был для него крайне важен.

Сергей почувствовал уверенность.

- А я от своих слов не отказываюсь, Сергей Орестович, - ответил Сергей и невольно злорадно улыбнулся. – Как только я досконально разберусь во всем происходящем, как только найду разумное объяснение всему тому дурдому, который наблюдаю уже второй день, я предоставлю вам все материалы вместе со своим заявлением на увольнение по собственному желанию. Но не раньше.

- Сергей Михайлович, своим теперешним заявлением вы лишний раз убеждаете меня в том, что вы – человек глупый, - высокомерно сказал Корзинкин. – Вы в чем хотите разобраться? Почему вас освобождают от занимаемой должности? Так я вам уже это днем объяснил: вы меня не устраиваете – и это самая главная причина. И единственная. Что вам еще непонятно? Я не знаю, почему вы так себя ведете: может быть, вам адреналина не хватает, может быть еще что-то, но вы сейчас играете с огнем. Вы что, не понимаете, что можете испортить себе всю последующую жизнь? Неужели вы не понимаете, что рискуете своим будущим? Неужели вы еще не поняли, что в этой войне вам не победить, и исход ее предрешен: вы будете уволены? Я гарантирую вам, что в институте вы работать не будете! Гарантирую!

- А кто вам сказал, Сергей Орестович, что я сплю и вижу – как бы мне остаться в институте? – с усмешкой спросил Сергей. – Повторяю, что собираюсь уволиться из института и сделаю это в любом случае, ибо дальнейшая работа под вашим началом – слуга покорный! Я не мазохист, чтобы работать с вами! Но уволюсь я только после того, как во всем окончательно разберусь. Впрочем, Сергей Орестович, вам недолго осталось ждать. Кое в чем я уже разобрался. Ведь вы мне три дня дали первоначально, верно? Так вот, думаю, что через пару дней ответы на все оставшиеся вопросы у меня тоже будут в руках. Так что, Сергей Орестович, потерпите немного: вам недолго осталось ждать результатов.

- Ну и что же вы обнаружили? – деланно усмехнувшись, спросил Корзинкин. Он старался казаться равнодушным и высокомерным, но все почувствовали напряжение. Голос Корзинкина слегка задрожал и, чтобы скрыть волнение, он слегка покашлял.

- Ну, например, я намерен до конца изучить договора с фирмой «Комплект-Юнит», - с чувством собственного превосходства ответил Сергей. Он не мог скрыть злорадства. – Потом мы вместе с Александром Леопольдовичем обсудим результаты.

- А при чем тут «Комплект-Юнит»? – удивился Корзинкин.

- Вот по окончании моего расследования мы и выясним: при чем тут они или ни при чем, - отрезал Сергей. - А пока что нам с вами говорить не о чем.

- Я вижу, Сергей Михайлович, что нам с вами действительно не о чем разговаривать, - с наигранным сожалением в голосе ответил Корзинкин. – Вы взрослый человек и сами решаете свою судьбу. В таком случае, до свидания.

- Спокойной ночи, - усмехнулся Сергей и нажал кнопку отбоя.

Все молчали.

- Зря ты так, Серый, - неодобрительно покачав головой, сказал Владимир Мамонтов. – Зачем ты ему сказал про «Комплект-Юнит»?

- А пусть подергается, сволочь, - с плохо скрытой ненавистью в голосе ответил Сергей. – Эту ночь он точно спать не будет, гнида!

Мамонтов уже открыл рот, чтобы ответить Сергею, но его опередил Александр.

- Да что тебе с этого? – озрился Толстов. – Серега, запомни два самых главных правила игры в карты. Первое: карты держи ближе к ордемам. И второе: никогда не заходи с козырей. На кой черт тебе понадобилось сейчас раскрываться? Что тебе до того, что Корзинкин не станет этой ночью спать? Тебе надо о своей судьбе подумать! Надо новое место работы искать – уж с твоей-то башкой для тебя это проблемой не будет! На кой ляд тебе нужна эта война? В этом вопросе я, пожалуй, соглашусь с твоим Корзинкиным: тебе что, адреналина не хватает? Кулаками помахать

захотелось? Мало тебе того, что в темной подворотне трое козлов тебе один раз морду набили? На кой бес ты нарываешься на дополнительные неприятности?

- Вот поэтому и нарываюсь! – гордо ответил Сергей, глядя Александру прямо в глаза. – Саня, дело не только в месте работы. Мое доброе имя тоже кое-чего стоит! Меня обвинили в непрофессионализме, в подтасовке фактов! И, по-твоему, я должен это все так оставить? Ты считаешь, что я не должен восстановить свое доброе имя? После отказа уволиться меня избили трое уродов. И ты считаешь, что все это просто так? Ты полагаешь, что меня после этого оставят в покое? Санек, не будь наивным! Своим расследованием я слишком близко подобрался к грязным делишкам Корзинкина и он уж точно не оставит меня в покое! Он обещал мне компенсацию, говоришь? Ха-ха! Даже в этом разговоре он мне ничего не обещал наверняка: все больше «думаю», «полагаю» и тому подобный словесный понос! Если я в чем-то и уверен, так это в том, что Корзинкин даже не попытается выполнить свои обещания.

- Парни, не ссорьтесь, - примирительно сказал Бочкарев. – Вы сейчас все правы. Санек и Володя, безусловно, правы в том, что говорить Корзинкину о том, что ты раскопал данные по «Комплект-Юниту», явно не следовало! Нет смысла раскрываться раньше времени. Но и Серега прав: я бы тоже на его месте стал защищать свое доброе имя! И второе: я тоже не уверен, что Серого оставят в покое даже после увольнения. Рано или поздно в институте докопаются, что он и Вадик - старинные приятели. Мало ли как повернутся события? А три миллиона долларов – это, братцы, такая сумма, ради которой начинаются иные отношения.

- Вообще-то, братцы, я бы тоже не торопился говорить, что Серега так уж однозначно не прав, - неожиданно поддержал друга Кулагин. – Судя по рассказам Сереги, Корзинкин умом не блещет. Значит, после такой информации он задержается и начнет делать ошибки.

- Виталья, нельзя недооценивать противника, - сказал Симаков. – Если ты считаешь противника глупым, значит, ты сам подставляешься. Ираклий Андроников как-то сказал: человеческая ограниченность начинается с самодовольства и осознания того, что ты умнее всех. Не стоит думать, братцы, что Корзинкин глуп!

- Ты прав, Игорек, - отозвался Сергей. – Но при всем моем уважении и к тебе, и к Ираклию Андроникову, надо отдать Корзинкину справедливость: он действительно глуп. Я всегда знал, что в Корзинкине навеки летаргическим сном уснул гений, но зато круглосуточно бодрствует идиот. Вот тебе недавний пример. Очевидно, после вечернего просмотра выпуска новостей, Корзинкин увидел, как «маски-шоу» наехали на одну крупную проектную контору. Проводя аналогию с делом Ходорковского, этот дегенерат догадался, что, покончив с нефтяными олигархами, российская власть решила нанести удар по проектному бизнесу, а именно в самое его сердце - в наш институт. И нет, что бы поделиться с руководством своими догадками, кретин! Он решил сделать им сюрприз: типа пока там некоторые расслабили ягодички, он на страже интересов собственников и если надо... Короче, в то время как наши руководители еще дремали в своих лимузинах по дороге на работу, Корзинкин построил нас и объявил свой замысел. Вы бы только знали – что этот баран учудил!

- И что же? – с любопытством спросил Толстов.

- А вот что, - улыбаясь, ответил Сергей. – Он приказал сделать три вещи. Во-первых, он распорядился, чтобы все пользователи хранили все свои конфиденциальные файлы на центральном сервере в личной именной папке. Во-вторых, в этой же папке должны храниться почтовые файлы пользователя. А, в третьих, в случае нападения сил правопорядка, сотрудники нашего отдела должны сдерживать их натиск, пока главный сисадмин – то есть я - вырывает из сервера жесткие диски и прячет их у себя в заднице, не повредив – прошу заметить: жесткий диск, а не задницу.

Все засмеялись.

- Услышав эту светлую мысль, у меня сразу же возникли некоторые возражения, - продолжал Сергей. - Нет, идея конечно хороша, но ни один из наших супермегадешевых серверов, собранных неизвестно где, неизвестно кем, неизвестно из чего не сможет выдержать такой нагрузки, и выйдет из строя с потерей данных – причем, рухнет достаточно быстро. Во-вторых, сеть не рассчитана, что сто с лишним пользователей будут одновременно лазить к своим файлам на сервак, в результате чего работа этих самых пользователей существенно замедлится и они будут недовольны. Парни, посудите сами: что бы вы сказали, если бы ваш файл открывался бы в течение пяти минут?! Короче говоря, для осуществления этого плана нужно модернизировать сеть и купить файл-сервер, тысяч, эдак, за двадцать убитых енотов. Кстати, эти сервера мы заказали где? Правильно: в «Комплект-Юните»!

- Опаньки! – не удержался Симаков. – И тут «Комплект-Юнит» нарисовался.

- Ты погоди, это еще не конец истории, а лишь преамбула, - ухмыльнулся Сергей. – Слушай, что было дальше. Я, разумеется, все это Корзинкину высказал. Он, естественно, на меня наорал, обвинил меня в том, что я все время с ним спорю – ну да не в том дело. Разве аргументы такой мелкой сошки, вроде меня, могли значить что-либо для такого крупнейшего специалиста в области сетевых и остальных технологий, как Корзинкин? Он в тот момент, небось, уже был мысленно далеко, там, у руководства - с докладом об успешном противодействии вражеским силам. В общем, гавкнул он нам: выполняйте. А сам свалил. Ну, натурально, делать нечего, исполнили. А теперь самая главная деталь: делать папки для руководства и перенастраивать им почту, Корзинкин велел отправить – кого?

- Тебя? – спросил Бочкарев.

- Да вот хрен ты угадал! – торжествующе произнес Сергей. - Он велел отправить к Леопольдычу именно Стаса! Он настроил... Правда, при этом случайно стер почтовые файлы нашего финансового директора и директора по персоналу – ну это уже издержки производства и к великим свершениям не имеют никакого отношения! Вот вам, господа гусары, результат, если за работу берутся те гомики, которые «в плохом смысле этого слова».

Все захохотали.

- Причем, с Леопольдычем получилось еще забавней, - улыбнулся Сергей. – Что ему там Стас понастраивал – это науке не известно. Но, однажды утром пришел народ на работу, запустил свои почтовые программы – и началось шоу! Каждый увидел в своих папках папку с фамилией генерального директора. А в ней больше двухсот писем в подразделе «Личное». Естественно, не устоял никто.

- Он что, дурак? – спросил Мамонтов. – Это я про Стаса.

- Этот вопрос, Володя, следует задать не мне, а доктору, - засмеялся Сергей. – А также присовокупить вопрос о психическом здоровье господина Корзинкина. Но работа в институте встала на двое суток. Все читали и перечитывали. Наш генеральный, как я уже сказал, большой шалун, и затейник по части женщин. Но то, что было в той папочке, превзошло все мыслимые и немыслимые ожидания: там было все конкретно, с фамилиями. И такими пикантными подробностями... «Кама-Сутра» отдыхает, авторы любовных романов нервно курят в сторонке, главные редакторы журналов для женщин подумывают о суициде и смене вида деятельности! Кстати, наш сервер оказался лучше, чем мы думали, продержался целых три дня. Но самое главное: народ успел дочитать переписку Штерна. Всю: от корки до корки. Также, полагаю, вы уже догадались, что за это приключение наказали меня, а не Стаса и не Корзинкина.

Все опять засмеялись.

- Ладно, братцы, все это, конечно, хорошо, - сказал Бочкарев. - Но, по-моему, нам уже пора по домам. Ночь на дворе, пора спать. Тем более, завтра всем надо на работу.

- Да, ты прав, Леша, - пробормотал Сергей. – Ладно, братцы, спасибо за все. Побежал я.

- Ты погоди благодарить, - озабоченно сказал Кулагин. – Давайте договоримся о распределении обязанностей. Ты, Серый, завтра посмотри эти файлы на работе как можно более внимательно. Нам надо понять, что Стас дальше делал с этими файлами. А для этого ищи в них систему, какую-то закономерность. Уверен: эта закономерность имеется. И, возможно, даже не одна. Я же со своей стороны, завтра днем постараюсь сделать глубокий поиск в нашей базе данных и посмотрю: возможно, Стасик еще где-нибудь наследил. Леша, тебя я попрошу вот о чем: глянь-ка ты завтра в своей базе данных и проследи все звонки Корзинкина за последние две недели. Посмотри, куда и когда он звонил со своего мобильного телефона и кто ему звонил. Убежден: это нам о многом скажет.

- А мы? – хором спросили Толстов, Мамонтов и Симаков.

- А вы, господа гусары, будьте на стреме, - улыбнулся Кулагин. – Мало ли что может понадобиться? Поэтому вы, други мои сердечные, завтра поезжайте на работу не на общественном транспорте, а на своих личных лимузинах. И наплетите что-нибудь своему начальству: мол, в семье проблемы, и все такое прочее...

- Зачем, - недоуменно спросил Толстов.

- Затем, чтобы в течение десяти минут ты мог сорваться с работы и уехать туда, куда нужно, - объяснил Кулагин.

- Все понятно, ваше величество, - улыбнулся Симаков. – Теперь можем по домам отправляться?

- Теперь можете, - милостиво кивнул головой Кулагин и улыбнулся. – И последнее: завтра после работы в восемнадцать ноль-ноль все собираемся у Санька дома. Если что-то у кого-нибудь случится из ряда вон выходящее - обязательно звоните. Кому угодно – лишь бы мы все имели информацию друг о друге. Особенно, Серый, это тебя касается. Поэтому ты уж постарайся на работе завтра не задерживаться. И ради Бога, не лезь на рожон, будь настороже, держи «ушки на макушке». Впрочем, теперь у тебя есть законный повод: если Корзинкин начнет к тебе приставать – просто заявляй ему, что твой рабочий день закончился – и все, финита ля комедия! И последнее. Давайте, гасконцы, так сделаем. Серега прав: этот хулиганский наезд вряд ли был случайностью. Поэтому, Володя, давай-ка мы с тобой, на всякий случай, Серегу подстрахуем: домой отвезем. У тебя машина бегаёт?

- А чего ей сделается? – пожал плечами Мамонтов. – Бегаёт, старушка, куда ж она денется? И бензина полный бак.

- Вот и ладненько, - удовлетворенно сказал Кулагин и хлопнул в ладоши. – Мы с тобой отвезем Серегу домой, а потом ты по пути меня до дому-хаты доставишь? Годится?

- Тогда уж и меня подвезите, - подмигнул Бочкарев.

- Ладно, черти, - улыбнулся Мамонтов. - Сегодня вечером я из учителей перекоммуницируюсь в таксисты. Садитесь, поехали. Но заплатите двойной тариф!

- Это почему же двойной? – ехидно ухмыльнулся Кулагин.

- За конспирацию, фельдмаршал, - с напускной серьезностью ответил Мамонтов.

Все заржали.

- Ладно, все, ребята, - решительно сказал Мамонтов. – Почесали языки – и баста, а то поздно уже. Поехали.

Распрощавшись с Толстовым, ребята вышли на улицу. Была уже глубокая ночь. Владимир подошел к своей старенькой «копейке», припаркованной недалеко от подъезда и открыл машину. Все дружно сели в автомобили и поехали.

Неспешная езда по ночному городу успокаивала.

Я безработный, думал Сергей, слегка убаюканный мерным гудением двигателя. Нет денег, перспективы непонятные, да к тому же вляпался в неприятную историю. Но отчаянья нет, а, наоборот: на душе спокойно и легко. Почему так?

Потому что снова друзья пришли ему на помощь, понял Сергей. Пришли, не считаясь со временем и личными проблемами. Потому что у него есть надежный тыл и опора.

Кто есть друг? Это тот, к кому можно прийти в любое время дня и ночи – и тебе будут рады, несмотря ни на что, тот, кто может выслушать тебя в трудную минуту, тот, кто остается верным тебе, даже если от тебя отвернется весь мир! Друг - это тот, кто понимает тебя даже тогда, когда никто не понимает, тот, кто принимает тебя таким, каким ты есть со всеми твоими недостатками, даже если они ему причиняют боль!

У него есть такие друзья. Те, кто всегда скажет тебе правду, даже если она тебе не нравится, те, кто всегда искренен с тобой, потому, что эти ребята знают: ты их всегда поймешь, а они поймут тебя, те, кто может простить даже то, что никогда не простит другой!

Это те люди – простые, неприметные - кому не жалко пожертвовать ради тебя самым дорогим: временем, интересами и даже жизнью!

Ничего, мы прорвемся, подумал Сергей. В конце концов, на этом чертовом институте свет клином не сошелся. С работой проблем не будет, друзья его не оставят – значит, в будущее он может смотреть уверенно и спокойно. А что еще надо человеку для счастья?

Между тем автомобиль Мамонтова подъехал к дому Сергея. Ребята вышли из машины и осмотрелись. Вокруг не было ни души. Стояла ночная тишина.

- Вроде тихо, - пробормотал Бочкарев. – Виталя, ты параноик.

- Лучше быть целым и здоровым параноиком, чем битым и увечным наивным олухом, - нравоучительно ответил Кулагин. – Осторожность еще никому не повредила.

Он еще раз осмотрелся по сторонам и повернулся к Сергею.

- Ладно, Серый, бывай, - Кулагин пожал Сергею руку. – Мы уж подниматься не будем, сам дойдешь до квартиры. Только давай так договоримся: мы с Володей постоим пока на улице напротив твоих окон и подождем пару минут. Если в квартире все нормально, ты включаешь свет, выходишь на балкон и махнешь нам рукой. Если все в норме, мы все уезжаем.

- Хорошо, Штирлиц, - улыбнулся Сергей. – Пока, до завтра.

- Счастливо, - отсалютовал рукой Кулагин. – Завтра не забудь: все делаем, как договорились. Вечером встречаемся, не забудь.

Вместо ответа Сергей махнул ребятам рукой и вошел в подъезд. Была кромешная тьма: очевидно, снова перегорели лампочки. На втором этаже какой-то парень, чертыхаясь, пытался попасть ключом в замочную скважину. Сергей прошел мимо него, поднялся к себе на четвертый этаж, подошел к двери своей квартиры и достал ключ от входной двери.

- Сергей Михайлович? – раздался откуда-то справа странно знакомый мужской голос.

От неожиданности Сергей вздрогнул, резко повернулся на голос и выронил ключи. Связка ключей, звякнув, упала куда-то ему под ноги.

- Да? – вопросительно ответил Сергей. Он машинально нагнулся и стал шарить впотьмах, ища упавшие ключи от квартиры. В эту секунду он вспомнил. Господи, да это же тот самый элегантно одетый главарь, который руководил нападением на Сергея сегодня вечером!

И в этот момент грянуло подряд два выстрела. В пустом подъезде они прозвучали оглушительным грохотом и отозвались гулким эхом на верхних этажах. Пули, просвистев над головой сидящего на корточках Сергея, с глухим стуком впились в стену, отколов огромные куски штукатурки и обдав Сергея кирпичной пылью.

Не успев даже испугаться, как следует, Сергей отпрянул назад. Потеряв равновесие, он споткнулся и кубарем покатился вниз по лестнице. Навстречу ему скорым шагом поднимался тот самый парнишка, который ковырялся в дверном замке на втором этаже. Не успев посторониться, он сплелся в единый клубок с Сергеем и, спустя мгновение, оба растянулись на площадке между этажами.

Они вскочили на ноги практически одновременно. Сергей был выше своего противника почти на голову. В этот момент он снова вспомнил. Память, обострившаяся в тот миг до предела, отчетливо подсказала ему: это же тот самый мелкий подонок, который был числе этой тройцы!

За спиной слышался приближающийся топот ног убийцы.

Сергей среагировал первым. Он вскочил на ноги и со всего размаха ударил в лицо своего противника, вложив в удар всю злость и желание жить. Не ожидая нападения и не успев защититься, мелкий отлетел к стене и ударился затылком о стену. Воспользовавшись замешательством нападавшего, Сергей опрометью кинулся вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

- Стоять, сука! – раздались голоса позади. – Стоять, тварь! Убью!

За спиной еще раз грохнули два выстрела.

- Вы что, охренели, идиоты? – раздался за спиной Сергея вопль мелкого. – Вы ж, суки, меня замочить можете!

Не обращая внимания на крики за спиной, Сергей несколькими прыжками достиг двери в подъезд, распахнул ее и выбежал на улицу. Позади загрохотало еще несколько выстрелов.

- За ним! – крикнули сзади.

Сергей побежал на улицу по направлению к машине, в которой, наверное, еще сидят его друзья и ждут его сигнала.

За спиной громко хлопнул еще один выстрел.

Глава 10. Шпаги к бою

А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить по-пустому.
Где нужно власть употребить.

И.А. Крылов. 1812

- Что-то Серега долго не появляется, - промолвил Бочкарев и зевнул.

Кулагин посмотрел на часы.

- Действительно, что-то долго, - озабоченно пробормотал он. – Ладно, ждем еще три минуты. Если не появится, то надо будет сходить и посмотреть. Володя, ты на всякий случай заведи-ка двигатель, а то...

Последние слова Виталия прервал звук выстрела.

Ребята ничего не сказали друг другу, а лишь тревожно переглянулись. Тишину нарушил второй выстрел.

- Володя оставайся на месте! – на ходу быстро скомандовал Кулагин. – Не глушите двигатель, будь наготове!

Но никто не успел даже сдвинуться с места: все увидели Сергея, который опрометью выскочил из-за угла дома и со всех ног мчался по направлению к машинам. Ребята, словно замороженные, смотрели на него. В следующую секунду все стало понятно: следом за Сергеем выбежал невысокий парнишка в спортивном костюме, вскинул пистолет и прицелился.

Кулагин среагировал первым.

- Парни, всем сидеть и не двигаться! – заорал он. – Головы вниз! Володя, сдай назад! Серый, давай сюда!

В ответ на вопль Виталия хлопнул еще один выстрел. Пуля с глухим стуком впилась в багажник автомобиля Мамонтова. Сергей с искаженным от ужаса лицом стремглав подбежал к машине и в одно движение прыгнул на заднее сиденье. Кулагин, видя, что его друг уже в безопасности, заорал Мамонтову, что есть мочи:

- Гони, мать твою!

Сзади раздался звук еще одного выстрела. На этот раз пуля ударила в заднее стекло машины, которое со звоном разлетелось вдребезги. Осколки стекла разлетелись во все стороны. Все инстинктивно пригнули головы.

- Ох, эти ж твою мать по самые гланды! – пробормотал Мамонтов и до отказа надавил на педаль акселератора. – Вот гребаные сучары!

Автомобиль завизжал шинами и понесся вперед.

- Виталя, стреляй же ты! – крикнул Бочкарев.

- Из чего – из моего члена, что ли? – заорал Кулагин и в бессильном бешенстве повернулся всем телом к Бочкареву. – У меня нет оружия!

- Ты что, охренел? – со злостью выкрикнул Симаков. – Ты же мент, ядрена Матрена, – и какого хрена без оружия на стрелку поперся?

- А вы что думаете: я сплю с оружием вместо женщины? – истерически крикнул Кулагин. – Я сдаю пистолет в оружейную комнату, когда уйду домой!

- А ну заткнитесь! – резко прикрикнул Мамонтов. – Прекратите! Не хватало, чтобы еще мы между собой начали собачиться для полного счастья – вот тогда уж точно всем нам будет полный триндец!

Все притихли. Кулагин со злостью смотрел в окно. Впереди мелькали огни мамонтовской «Нивы», которую Владимир гнал, выжимая из нее все, что только мог. Сергея трясло, как в лихорадке. Симаков и Бочкарев сидели, хмуро насупившись.

- А куда мы едем? - вдруг спросил Симаков, оглянувшись по сторонам.

- Сам не знаю, - растерянно ответил Мамонтов. – Пока что ноги уносим. И куда ж теперь ехать?

- Вот что, - решительно сказал Кулагин. – Езжай-ка ты обратно к Сашке. Соберемся снова все вместе и обмозгуем ситуацию. А я ему сейчас звякну.

Он достал мобильный телефон и набрал номер Толстова.

- Алло, Саня, - заговорил Кулагин. – Мы к тебе возвращаемся.

- А что случилось? – раздался в трубке голос Александра.

- Кое-что случилось, - ответил Кулагин. – Долго рассказывать, но ты выходи во двор, а мы сейчас подъедем. На месте сам все увидишь.

- Ладно, - коротко ответил Толстов и повесил трубку. Судя по его голосу, он не на шутку встревожился возвращением ребят.

- Странно, - неожиданно пробормотал себе под нос Мамонтов. – Тот мелкий урод, который в Серегу стрелял – по-моему я эту рожу где-то видел... Только вот никак не вспомню – где и когда именно...

- Видел? – прищурившись, спросил Кулагин и повернулся к Владимиру. – Где ты его мог видеть?

- Говорю же: не помню, - нахмурясь, негромко ответил Мамонтов, не отрываясь от руля и не поворачивая головы. – Но то, что эта морда мне знакома – даю голову на отсечение! Ничего, я вспомню... Обязательно вспомню. У меня абсолютная зрительная память. И если я кого-то где-то когда-нибудь видел, то это лицо я уже точно никогда не забуду. Блин, вот теперь буду мучиться...

Тем временем машины подъехали к дому Толстова. Ребята вышли и осмотрелись. Александр уже ждал во дворе. Парни вышли из машины и Мамонтов озабоченно осмотрел ее. Руки у него дрожали.

Вокруг не было больше ни души: город спал глубоким сном.

- Что стряслось? – спросил Толстов.

Вместо ответа Кулагин молча показал пальцем на машину Мамонтова.

- Мать твою, - выругался Мамонтов. – Гляньте, парни, что эти босяки натворили!

Все посмотрели на автомобиль Владимира. Действительно, вид у машины был жалким. Заднее стекло было разбито вдребезги, а на заднем крыле зияло два пулевых отверстия.

- Н-да, - протянул Симаков. – Хорошая была машина...

- Чуток бы правее – и все взлетели бы на воздух, - задумчиво пробормотал Мамонтов. – Если бы попали в бензобак, то, как говорится, не тяните kota за все подробности: пишите письма мелким почерком, читайте псалмы и заказывайте панихиду... Получилась бы братская могила на пять человек...

- Причем, эта могила была бы разбросана как минимум на сто квадратных метров по округе, - заметил Бочкарев. – К тому же мелкими частями. Н-да... Видимо кто-то за меня сегодня вечером крепко молился...

После этих слов все угрюмо замолчали.

- Парни, я вспомнил! – вдруг радостно воскликнул Толстов. – Я вспомнил, где я видел этого гоблина! Это же мой бывший Сашкин ученик! Я года три назад заходил к нему в гости на работу и там был большой скандал, потому что этот парень что-то там натворил. Фамилия его кажется Беспалин. Помнишь такого, Саня?

- Ну, помню, конечно, - с недоумением ответил Толстов. – Только не Беспалин, а Беспалов. Именно три года назад я его выпускал – на радость всему педагогическому коллективу. Это тот еще фрукт - Роман Беспалов. Сам он из крайне неблагополучной семьи: мать алкоголичка, отец в тюрьме. Парень состоял на учете в детской комнате милиции. Сколько мы от него натерпелись – это отдельная песня! Честное слово: все учителя просто перекрестились и прослезились от счастья, когда выпустили его. Что с ним дальше стало – никто доподлинно не знал. Но по слухам он сразу же после окончания школы сел в тюрьму за хулиганство. А при чем тут он? Кто-нибудь объяснит мне, наконец, что тут происходит и при чем тут Рома Беспалов?

- А при том, что пятнадцать минут назад этот самый Рома Беспалов стрелял в Серегу, как по живой мишени, - ответил Мамонтов. – А заодно и из моей «копейки» сделал форменное решето!

- Беспалов, говоришь, - живо отреагировал Кулагин. – Ты уверен в этом? Ничего не пугаешь?

- Абсолютно уверен, - ответил Мамонтов. – Виталя, у мен абсолютная профессиональная зрительная память. Это именно он - в этом ты можешь нисколько не сомневаться.

- Это уже лучше, - пробормотал Виталий. – Значит, завтра наведу об этом фрукте подробные справки у себя на работе. Но сейчас, мужики, нам бы все надо уйти отсюда с глаз долой и не маячить, как три тополя на Плющихе.

- Согласен, - кивнул головой Толстов. – Пошли-ка все снова ко мне.

Все молча направились к подъезду, в котором находилась квартира Александра. Через несколько минут ребята снова сидели на кухне у Толстова – как будто и не уезжали.

Александр заварил чай, разлил по чашкам.. Достав из шкафа клубничное варенье, он поставил банку на стол и сел вместе со всеми.

- Ну-с, какие будут предложения, господа хорошие? – спросил Мамонтов. – Похоже, дело принимает серьезный оборот.

- Я вот о чем подумал, - задумчиво произнес Виталий. – В данный момент я уже другого боюсь. Похоже, теперь надо спасать не только Серегу, но и Володю прикрывать.

- А меня-то почему? – удивился Мамонтов. – Пока что меня заботит другой вопрос: как тачку восстановить? А спасать-то зачем?

- А затем, - объяснил Кулагин и внимательно посмотрел на друга. – Володя, ты пойми: эти трое отморозков – просто тупые исполнители чужой воли. Они не питают к Сереге ни злобы, ни ненависти, ни личной неприязни. Они даже не знают его. К тому же, судя по неумелым и непрофессиональным действиям, все они без мозгов. Но вот тот, кто их направляет – нет, братья гасконцы, он далеко не дурак! И явно преследует четкую цель: заставить Серегу замолчать навеки. Этим-то он и опасен!

- Это ты к чему? – хмуро спросил Сергей.

- К тому, что он догадается о том, о чем эти трое не догадались, - ответил Кулагин. – Он поймет, что Сереге явно кто-то помогал. Я допускаю, что в темноте нападавшие, скорее всего, могли не увидеть номер машины. Даже, пожалуй, наверняка, это именно так и было. Но разглядеть марку автомобиля – не самая сложная задача. К тому же, учитывая две весьма приметные отметины на Володиной тачке – я имею в виду разбитое заднее стекло и два пулевых отверстия на заднем крыле – найти такую машину будет делом техники. Парни, поймите, что сопоставить события несложно. Смотрите: Серега после избиения дома не появляется, и уже к моменту звонка Корзинкина имел убийственные факты его подвигов. И к дому он прибывает не на общественном транспорте: его привозят на машине и эта машина его дожидается. Значит, Сереге кто-то помогает. Значит, этот «кто-то» живет совсем недалеко от места избиения – к этому выводу прийти несложно. Следовательно, надо просто пошарить по близлежащим дворам и найти битую «копейку». Вот почему я считаю, что сейчас нам тут оставаться не следует.

- Ну, Виталия, ты уж прямо, как Штирлиц, - с сомнением протянул Симаков. – Дружище, по моему, ты просто параноик! Вряд ли у Серегиных недругов вся милиция на откупе.

- Дело не в милиции, Игорек, - горячо возразил Кулагин и от возбуждения рубанул рукой воздух. – А в простой логике. Но даже если я ошибаюсь, то, как говорится, «лучше перебздеть, чем недобздеть».

После этих слов Виталия все замолчали.

- Значит, парни, диспозиция будет такая, - нарушил молчание Кулагин. – Саня, ты завтра в школе посмотри всю информацию по этому Беспалову. Поговори с учителями, выявляй его дружков, связи. Собери максимум данных. Ты, Леша, завтра выдай всю распечатку переговоров Корзинкина по его мобильнику. И собери всю информацию о владельцах этих телефонов. Я завтра покопаюсь в нашей базе данных и тоже поищу сведения по Беспалову. Если судим – значит, все у нас имеется по этому кренделю. А тебе, Серега, сегодня спать не придется: у тебя будет на сегодня особо важное задание.

- Какое? – спросил Сергей.

- Тебе надо, дружище, найти закономерность в той информации, которую воровал Стас, - четко сказал Кулагин, глядя Сергеем прямо в глаза. – Выверни все наизнанку, но закономерность найди. Я же, со своей стороны, еще раз покопаюсь в нашей базе данных и посмотрю информацию по Стасу, а заодно и по Рихтеру: какие за ними числятся подвиги. А заодно постараюсь поднять данные на высшее руководство института и проследить их связи. Вполне возможно, мы что-нибудь там тоже накопаем.

- Зачем все это? – удивился Симаков.

- Затем, что если эти гады решили пойти на убийство, то теперь уже ни перед чем не остановятся, - объяснил Кулагин. – И еще затем, что Серега, видимо, обладает какой-то убийственной информацией.

- Только пока не понимаю, какой именно, - пробормотал Сергей. – Ну, ничего, разберемся!

- А меня ты, что же, в тылу оставляешь? – с некоторой обидой спросил Симаков, посмотрев на Кулагина.

- Нет, - усмехнулся Виталий. – Насколько я помню, Игорек, твоя супруга Татьяна работает врачом в поликлинике. Так вот, ты завтра утром отправляйся в поликлинику и пусть она Сереге сделает самый обычный больничный лист – примерно на недельку. Учти, завтра с самого утра Корзинкин станет Серегу выискивать. Серый, не вздумай говорить, где ты находишься: соври что-нибудь. Скажи, например, что ты в больнице лежишь. Мол, «все в тебе переломано». Пускай эти гоблины тебя там ищут – милости просим! На этом они наверняка потеряют пару дней. А сейчас и один день многое решит. Кстати, Серый, о том, что у тебя есть больничный лист, говори смело. Тебе нужна передышка. Таким образом, мы получим как минимум неделю форы. А неделя, братцы мои, в таком деле – это бездна времени! За семь дней мы наверняка накроем этих уродов!

- А мне что делать? – спросил Мамонтов.

- А ты, Володя, завтра с самого утра подъезжай сюда, - ответил Кулагин. – Будешь у Сереги охраной. Учти, что ночь он спать не будет, и рано или поздно вырубится. Следовательно, нам нужен хотя бы один бодрствующий человек, который в случае чего сможет нам отзвониться.

- Понял, - улыбнулся Мамонтов. – Придется временно переквалифицироваться из археологов в секьюрити.

На эту шутку все, кроме Кулагина улыбнулись. Виталий напротив, оставался серьезным.

- Серега, но самое главное - учти одно, - продолжал Кулагин, обращаясь к Гильману. – Больше ничего Корзинкину не говори. Никаких фактов, никаких имен. Будь предельно корректен, вежлив, как учитель танцев, но не давай ему никакой информации. Ты болен. Чем болен? Это Корзинкина не касается: закон не обязывает ни тебя, ни твоего лечащего врача раскрывать эту информацию. Кстати, подобные сведения врачи обязаны предоставлять лишь по запросу следственных органов – вот пускай Корзинкин и обращается в милицию, если твой диагноз имеет для него принципиальное значение. На это он только впустую потратит время. Далее. Где ты находишься? Опять-таки, это неважно: мол, нахожусь в больнице. А в какой больнице, Сергей Михайлович? Это тоже в данном случае не имеет значения. Когда же ты выйдешь на работу? Пока что больничный лист выписан на неделю, а далее все покрыто мраком государственной тайны. Вот когда врачи выпишут тебя на работу – вот тогда и предстанешь пред светлыми глазами твоего благодетеля и предъявишь ему свои мозолистые руки. Но не раньше! Короче, когда выйдешь – тогда и выйдешь! Что решил по поводу увольнения? Когда появишься на работе – тогда и разговаривать будем! Держи его в постоянном напряжении.

- В принципе, все логично, - пробормотал Симаков. – Лично мне все понятно.

- У меня тоже вопросов нет, - сказал Толстов.

- Тогда по коням, - подвел итог разговора Кулагин. – Надо собирать информацию.

Глава 11. Беседа

Бессильному не смейся
И слабого обидеть не моги!
Мстят сильно иногда бессильные враги:
Так слишком на свою ты силу не надейся!

И.А. Крылов. 1809

- Ты что, же, урод, делаешь? Вам же, отморозкам, никакого дела доверять нельзя? Тебе что было сказано? Поучить его, да так, чтобы тут завтра духу его не было!

- Так мы и хотели...

- Чего вы «хотели»? Так хотели, что яйца вспотели? Тебе было четко сказано: объяснить мальчонке популярно, чтобы он делал то, что велено! А он что сейчас делает?

- Босс, все было, как договаривались! Я вбил в робу¹⁰, встретил пацана, как вы и говорили... Там рамс¹¹ конкретный был! Мы и объяснили ему, сделали все, как вы сказали! Он после этого базара был, как валежник¹²!

- Значит, плохо объяснили! Так объяснили, что он не понял и копать под меня начал.

- Ну, так мы это...

- Что «вы это»? Ты что же, забыл из какого дерьма я тебя вытащил? Забыл, кем ты был раньше? Если забыл, то я тебе живо напомню! А могу и без напоминаний отправить тебя туда, куда Макар телят не гонял!

- Не, ну в натуре...

- Чего «в натуре»? В натуре – кум в прокуратуре. А сейчас ты, баран, будешь рот раскрывать только тогда, когда я тебе это разрешу! Почему в подъезде его не пришили?

- Так там темно было! Я его по имени окликнул – все, как вы сказали, босс! А он в тот момент ключи уронил. Я думал, он готов, а он вскочил и погнал, как скамейка¹³!

- Вас же, идиотов, трое было! Вы же в упор стреляли!

- Вот я и говорю: он вниз, а там внизу Беспалый его дождался! Так этот гад ему сразу смазал мушку¹⁴ и высочил! Откуда ж я знал, что он такой скипидарный¹⁵? Говорю же: темно было! И он, падла, шустрый оказался! Босс, я не картинки рисую¹⁶: все так и было, гадом буду! Хлебом клянусь, мамой клянусь, босс, я рамсы не путаю!

- Да хватит мне тут божиться, как на разборке! Ты мне лучше ответь: куда он потом делся? И где же он теперь?

- Так его там машина дождалась. Вы про машину ничего не говорили.

- Сколько человек в машине было?

- Значитца так... После того, как Беспалый стрелять начал, никто из машины не выходил... Значит, кроме водилы, там внутри никого больше не было... Машина после того, как Беспалый по машине пальнул, сразу назад сдала. Значит, водила за рулем был... Выходит, он дождался его.

¹⁰ Вбиться в робу - на блатном жаргоне означает «прилично одеться» (Примечание автора)

¹¹ Рамс - на блатном жаргоне означает «разговор» (Примечание автора)

¹² Валежник - на блатном жаргоне означает «пьяный человек, лежащий на земле» (Примечание автора)

¹³ Скамейка – на блатном жаргоне означает «лошадь» (Примечание автора).

¹⁴ Смазать мушку – на блатном жаргоне означает «ударить по лицу» (Примечание автора)

¹⁵ Скипидарный - на блатном жаргоне означает «вспыльчивый» (Примечание автора)

¹⁶ Рисовать картинки - на блатном жаргоне означает «фантазировать» (Примечание автора)

По всему получается, что за рулем кто-то из дружков его был. Да, босс, точно получается: в машине только водила был – больше никого! Не базлаю¹⁷, в натуре!

- Ты хоть номер запомнил?

- Далеко было, не разобрали. И ночью видно плохо.

- «Видно плохо». Видно-то хорошо, да, видно, придется поискать тех, кто способен с первого раза все нормально сделать и не обделаться при этом! Марка машины-то хоть какая? Хоть это-то ты смог углядеть?

- Вроде, «Жигули», «копейка».

- «Вроде»... Вроде – это у дяди Володи, а у меня надо отвечать четко и конкретно!

- Точно «Жигуль-копейка».

- Цвет запомнил?

- Светлая... Темно было, точно не разобрал. Кажется, желтая...

- Креститься надо, когда кажется! Блин, и угораздило же меня с такими ослами связаться... Особые приметы у машины есть?

- Теперь есть. Заднее стекло разбито вдребезги. И еще где-то сзади должны быть следы от маслин¹⁸. Не мог Беспалый промахнуться: он же в упор шмалял!

- Он лучше бы по этому гению недоделанному не промахивался! А не по машинам палил, как по консервным банкам! Место, где вы его предупреждали, чтобы не совал нос, куда не следует - помнишь?

- Базара нет, помню! Угол...

- Не грузи меня этими пустыми подробностями – мне они на хрен не нужны. Если за это время он не появлялся дома и, тем не менее, успел нарыть ту информацию, о которой ему знать не положено – значит, он с кем-то из своих дружков связался. Значит, кто-то из его приятелей живет где-то поблизости. Значит, это тот, кто его и подвозил до дома. Ну что, улавливаешь мысль?

- Пока нет...

- «Пока нет». Тогда слушай меня, тупица. Осмотрите близлежащие дворы. Ищите ту машину, по которой этот твой Ромка шмальнул. И выясни, чья это машина. Соседей поспрашивай, придумай что-нибудь! Спроси, у кого в доме есть «копейка» или, на всякий случай, к кому из жильцов дома на «копейке» знакомые приезжают, а то мало ли что. Мол, стукнули твою тачку и теперь ты ищешь владельца машины, чтобы по душам потолковать. Короче, это твои проблемы – как ты будешь выяснять владельца тачки. Но достань мне хозяина этой тачки - хоть из-под земли, но достань! Кстати, марку второй машины запомнили?

- А дальше что с ним делать? Я о том – что с ним делать, когда найдем?

- Дальше заставьте этого водилу, чтобы он Сергея Гильмана своего к себе домой позвал. Делай, что хочешь, говори ему, что хочешь, но пускай он своего дружка к себе позовет. Ежели повезет, то Гильман у своего дружка схорониться решил. Вам это только на руку. А дальше – чтобы я больше ни о нем, ни о дружках его никогда нигде и ничего не слышал. И о вас, отморозках – тоже.

- Так, это... Надо бы тогда прибавить, босс!

- Я тебе прибавлю! Я тебе так прибавлю, что на том свете икаться будет! Мы обо все договорились, а то, что вышло так – это твой косяк, а не мой. А потому исправляй его, как хочешь.

¹⁷ Базлать - на блатном жаргоне означает «болтать» (Примечание автора)

¹⁸ Маслина - на блатном жаргоне означает «пуля» (Примечание автора)

Короче говоря, даю тебе последний шанс. Либо сделаешь так, как я тебе скажу, либо я всю вашу троицу солью к чертовой матери и закрою! Ты меня понял?

- Все вкурил¹⁹, босс, теперь все ясно. Сделаем, не беспокойтесь, все будет в ажуре! Рогами упремся²⁰, а вальнем²¹ обоих! Больше он разнуздать звякало²² не будет!

- А если понял – пошел вон отсюда!

¹⁹ Вкурить - на блатном жаргоне означает «понять» (Примечание автора)

²⁰ Рогами упираться - на блатном жаргоне означает «добросовестно работать» (Примечание автора)

²¹ Вальнуть - на блатном жаргоне означает «убить» (Примечание автора)

²² Разнуздать звякало - на блатном жаргоне означает «распускать язык» (Примечание автора)

Глава 12. Первые факты

Коль в доме станут воровать,
 А нет прилики вору,
 То берегись клепать
 Или наказывать всех сплошь и без разбору:
 Ты вора этим не уймешь
 И не исправишь,
 А только добрых слуг с двора бежать заставишь,
 И от меньшей беды в большую попадешь
 И.А. Крылов. 1809

Телефонный звонок разбудил Сергея.

Он открыл глаза и осмотрелся. Мамонтов сидел за компьютером и раскладывал пасьянс. Его внимание тоже привлек звонок. Владимир отложил свое занятие и вопросительно взглянул на Сергея.

Часы показывали десять утра. Сергей посмотрел на свой телефон: звонил Корзинкин.

«Так, подумал Сергей, игра началась. Он выискивает меня. Ну, что ж, будем действовать, как договорились».

Сергей взял в руки телефон и молча показал его другу. Мамонтов прочитал фамилию звонившего, понимающе кивнул и сел в кресло.

- Слушаю, - сказал Сергей. Он с трудом сдерживал себя.

- Сергей Михайлович, это Корзинкин, - раздался в трубке голос шефа. – Вас нет на рабочем месте, поэтому звоню вам на мобильный телефон. Вы где сейчас?

- Я на больничном, Сергей Орестович, - коротко ответил Сергей и улыбнулся. Да, Виталик просто гений: он все предусмотрел!

- Да? – тупо переспросил Корзинкин. В его голосе явно слышались нотки растерянности. – А что такое с вами случилось?

- Ничего особенного, - не меняя тона, ответил Сергей. – Просто я сейчас болею.

- Что-то серьезное? – спросил Корзинкин.

- Не беспокойтесь, Сергей Орестович, - произнес Сергей. Несмотря на собственные отчаянные усилия, в его голосе явно прозвучало откровенное злорадство. – Ничего страшного, все в порядке, скоро буду.

- Вы сейчас дома? – раздался в трубке вопрос Корзинкина.

Боже, как же этот дегенерат предсказуем!

- Нет, я не дома, - ответил Сергей и улыбнулся. Вот теперь ты у меня подергаешься, сукин кот!

- А где же вы? – удивился Корзинкин.

- Сергей Орестович, - твердо ответил Сергей. – Я сейчас нахожусь в больнице. Но вряд ли вас интересует состояние моего здоровья. Больничный лист у меня есть, остальное является врачебной тайной, которая кроме меня касается исключительно моего лечащего врача. Так что, давайте, прекратим эти никому не нужные реверансы. Ведь вас интересует вопрос моего увольнения, не так ли?

- Хм, - хмыкнул Корзинкин. – Ну что ж, вы правы. И что же вы надумали, позвольте узнать?

- Мы вернемся к этому разговору тогда, когда я выйду на работу, - сказал Сергей. - А сейчас извините, но у меня что-то сильно разболелась голова и мне нужно лечь в постель. До свидания.

И, не дожидаясь реакции Корзинкина, Сергей дал «отбой».

- Ну что он хотел? – спросил Мамонтов.

- Все, как Виталик и предсказывал, - усмехнулся Сергей. – Ладно, Володя, продолжим наши занятия.

Вскоре наступил ранний осенний вечер. Один за другим в квартиру Александра пришли все ребята и, усевший на уютной кухне, стали обсуждать результат дня.

- Ну-с, господа хорошие, давайте обменяемся информацией, - сказал Кулагин и принял начальственный вид. – Начнем с Володи. Как день прошел?

- Все тихо было. – пожал плечами Мамонтов. – Сереге только один раз Корзинкин позвонил, но никто не приходил.

- Отлично, - удовлетворенно хмыкнул Кулагин. – Теперь Игорек. Чем порадуешь, Сима?

Вместо ответа Игорь Симаков достал из кармана сложенный вчетверо листок и протянул его Сергею. Тот развернул его: это был листок временной нетрудоспособности на неделю.

- Более того, - добавил Игорь и даже назидательно поднял вверх указательный палец. – В самом больничном листе диагноз, разумеется, не указан. Но моя Татьяна сделала очень мудро: все твои побои зафиксированы. Так, на всякий случай. А диагноз твой, Серега, называется так: множественные ушибы и легкое сотрясение головного мозга.

- Игорек, да вы с Танюшей просто гении! – воскликнул Кулагин. – Это действительно весьма кстати. Неизвестно, как дальше повернутся события, но зафиксированный факт телесных повреждений никогда лишним не будет! Ладно, пошли дальше.

- Теперь моя очередь, - негромко произнес Толстов. – Навел я справки по этому Роману Беспалову. Но ничего существенного нет.

- Ты вначале расскажи, что обнаружил, - проворчал Кулагин. - А там уж мы посмотрим: существенно это или нет.

- Ладно, - улыбнулся Александр. – Тогда изложу по порядку. Рома Беспалов после окончания школы попал в колонию, но недавно снова появился в городе. У него оставались какие-то приятели в школе и он даже к нам заходил. Но по слухам ведет жизнь добропорядочного гражданина, собирается открыть собственное дело. И на эту тему он вел переговоры с нашим завхозом: речь шла об аренде площадей. То ли под склад, то ли под офис, не знаю, врать не стану. Но, узнав об этом, я поговорил с Павлом Ивановичем – это наш завхоз. Так вот, оказывается, Рома оставил ему номер своего сотового телефона. Вот он.

Александр выложил на стол бумажку с цифрами. При этих словах друга Бочкарев встрепенулся. Словно коршун, он подлетел к стол и схватил бумажку. Вывалив из своего пакета кипу бумаг, он стали лихорадочно просматривать записи, постоянно проверяя записи. Остальные с недоумением смотрели на эту картину и молчали.

- Н-да, мои успехи скромны, - с огорчением сказал Бочкарев, закончив свое занятие. – Вот список телефонных переговоров Корзинкина.

И он указал кипу бумаг, разбросанную в беспорядке на столе.

- Корзинкин беседует много и долго, – продолжал Алексей. – Это, впрочем, неудивительно, если учесть то обстоятельство, что сотовую связь ему оплачивает институт. Поэтому в своем анализе я уделил особое внимание переговорам, которые были в последние три недели. И вот что выяснилось. Он много разговаривал с людьми, которые являются сотрудниками института. Также

он беседовал и с другими. Больше всего – с Вадиком Громадским. Короче говоря, в списке более сотни абонентов. Это слишком много. Поэтому я ничего не могу сказать определенного. Дайте мне имена и фамилии – вот тогда я смогу сказать: есть они в списке или нет. Но я вот сейчас смотрю - телефон Ромы Беспалова в списке абонентов Корзинкина отсутствует.

- И что, ничего интересного нет? - разочарованно спросил Кулагин.

- Практически ничего, - ответил Алексей. – Кроме одного забавного момента. Один телефон, по которому за последние три недели звонил Корзинкин, зарегистрирован на него самого. В принципе, это не криминал, закон это вполне допускает, но получается, что Корзинкин беседует сам с собой. Я вначале подумал, что это либо его жена, либо его сын. Но оказалось, что телефон его супруги на нее же и зарегистрирован. И телефон сына точно так же зарегистрирован: на сына. Поэтому это не его родственник. Что-то тут нечисто...

- Пожалуй, ты прав, - задумчиво протянул Кулагин. – Конечно, для суда и следствия это не улика, всегда можно отбрехаться, но я подозреваю, что этот телефон зарегистрирован специально для каких-то темных делишек...

- Причем, парни, обратите внимание вот на что, - добавил Алексей. – Этот таинственный телефон был зарегистрирован в тот день, когда, по словам Сереги, начались эти таинственные финансовые операции по чудовищным ценам. А теперь давайте проанализируем звонки. И получается интересная закономерность. Вначале Корзинкин звонит по этому телефону за три часа до нападения на Серегу. Затем, почти сразу после нападения этот таинственный абонент звонит уже Корзинкину. После этого проходит два часа – и вот вам, пожалуйста: новый звонок Корзинкина. А после перестрелки этот загадочный абонент – назовем его Клон-Корзинкин! – почти сразу же звонит настоящему Корзинкину. При этом, все разговоры краткие: не более полминуты. Вот и думайте!

- Интересно, весьма интересно, - пробормотал Симаков. – Сами собой напрашиваются выводы...

- Ты погоди с выводами, - остановил друга Кулагин. – Давайте вначале соберем всю информацию, а выводы будем делать потом.

- А ты что нашел? - спросил Кулагин, обращаясь к Сергею.

- Кое-что есть, - улыбнулся Сергей. – Я очень долго пытался понять закономерность в украденной информации. Но ничего не получалось до тех пор, пока, я внимательно не посмотрел: что же такого интересного хранится в тех мультимедийных файлах, которые привлекли внимание Штерна? Посмотрел – и в буквальном смысле обалдел. Оказывается, во всех кабинетах института находятся прослушивающая аппаратура, которая сохраняет данные в базу. И этим, с позволения сказать, «процессом», втайне от всех управлял никто иной, как Андрей Рихтер. Но там скопился такой громадный объем информации, который ни он, ни Штерн не могли переработать чисто физически. Так вот, други мои милые, оказывается, Стасик по телефону кое с кем поговорил. И наговорил там много такого, о чем Штерну знать было явно противопоказано! Если бы генеральный директор прослушал бы содержание этих переговоров, то у Стаса возникли бы весьма серьезные неприятности – невзирая ни на какие внеслужебные отношения! Но поскольку Стас и Рихтер друзья, то Андрей – скорее всего, чисто по-дружески! - сообщил Стасу о том, что имеется некий компроматик на него. И вдобавок указал на эти файлы. Именно эти файлы Стас и грохнул. Но он не учел двух моментов. Во-первых, поскольку запись велась в автоматическом режиме, то все файлы имели порядковые номера. Именно поэтому отсутствие некоторых файлов сразу и бросилось в глаза Штерну и он забил тревогу. Так что, именно из-за этого, собственно говоря, и заварилась вся эта каша. А, во-вторых, в этой программе хранится резервная копия этих файлов – так называемый «бэкап». Так вот, мне удалось восстановить всю утраченную информацию. После этого все встало на свои законные места.

- Опаньки, - протянул Бочкарев и, расширив от удивления глаза, уставился на Сергея. – Безумно интересно! Ну, давай, выкладывай, не тяни kota за все подробности!

- Игорек оказался совершенно прав, предположив, что Стас ведет свою игру, - сказал Сергей. – Прослушав эти переговоры, я пришел к выводу, что он действительно решил срубить деньжонок на стороне, перепродавая коммерческую информацию конкурентам. Скорее всего – правда, предупреждаю: это лишь мои догадки, основанные на анализе телефонных переговоров этого сопляка! – Стас работает еще в какой-то фирме. Работает по совместительству. И эта фирма, судя по всему, является конкурентом нашего института в области проектирования. И Стас сливает им информацию – все в рамках его дополнительной зарплаты. Скорее всего, ему плевать на Штерна, плевать на все на свете. Штерн он просто использует: чтобы быть недостижимым для любой критики, чтобы весело провести время.

- Ну что ж, - произнес Толстов. – Это еще раз подтверждает правоту моей теории о Стасе, как о натуральной проститутке без каких бы то ни было принципов.

- Потом, братцы, я проанализировал еще раз материалы, которые скачал из клуба «Инмэн», - продолжал Сергей и, хитро улыбаясь, посмотрел на друзей. – Просмотрел – и в буквальном смысле охренел мрачно!

Все засмеялись.

- Уж даже и не знаю, что такого новенького ты там мог найти, - сквозь смех выдавил из себя Толстов. – Разве что новую позицию из «Кама-Сутры».

- Да нет, Санек, позиции-то были довольно-таки стандартные, - хитро ухмыляясь, произнес Сергей. – Но вот участники этих позиций меня весьма удивили.

- Слушай, да не тяни ты kota за все его выдающиеся достоинства, - сердито произнес Симаков. – Излагай по существу, факты в студию, маэстро!

- А факты таковы, - назидательным тоном произнес Сергей. – Оказывается, в этом клубе вместе со Штерном иногда отдыхал и мой – теперь уже бывший! – шеф Корзинкин. И, как полагаю, вы уже догадались, они там вместе со Штерном тоже не «Гамлета» в подлиннике читали...

- Что ты сказал? – ошалело спросил Кулагин. – У вас там, в институте что: филиал гей-клуба, что ли?

- Я сказал лишь то, что я сказал, - улыбаясь, ответил Сергей. – Впрочем, господа, извольте полюбоваться сами.

Он щелкнул мышкой и развернул монитор к друзьям.

Зрелище, открывшееся перед зрителями, было поистине незабываемое. Ничего более несуразного, чем фотография голого Корзинкина с козлиной бородой и закотившего глаза, ребятам еще видеть не приходилось. Штерн, находясь за спиной Корзинкина, всем своим видом выражал победу над некими темными силами. Член Штерна, предательски торчащий из тощей задницы Корзинкина, выглядел, будто штопор, которым некий бармен пытается откупорить не очень большую бочку пива несколько необычной формы. На следующей фотографии лицо Штерна выражало такое блаженное умиротворение, будто теперь он обязан жениться на Корзинкине, как честный и благородный человек. На том же фото лицо Корзинкина выражало некую покорность судьбе.

- Серый, я начинаю тебя бояться, - пробормотал Бочкарев. – Лучше сразу скажи: тебя на этих фотографиях нет? Признайся – я все прошу!

Все снова захохотали.

- Далее, братцы, я подсуетился и залез на сервер фирмы «Комплект-Юнит», продолжал Сергей, улыбаясь и пропустив замечание Алексея мимо ушей. - Да простит меня Вадик Громадский!

- А вот это уже крайне завлекательно, - проговорил Симаков. – И что там новенького?

- А новенького там то, что наши предположения полностью подтвердились, - довольным тоном произнес Сергей. – По тем самым договорам, по которым шли несуразные завышения цен, Вадик ровно девяносто процентов перечислял на счет какой-то непонятной фирмы «Ласт-Дэй». И это повторялось каждый раз, на следующий день после того, как наш благословенный институт перечислял такие несуразные суммы на счет фирмы «Комплект-Юнит», то есть самому Вадику. Таким образом, братцы, все сходится, Леша оказался абсолютно прав. Видимо, Корзинкин решил кинуть родной институт не по-детски!

- Ладно, мужики, давайте выводы оставим на потом, - деловитым тоном сказал Кулагин. – А вот что мне удалось накопать. Вначале – о Роме Беспалове.

Он достал из сумки увесистую папку, открыл ее и сухим, официальным тоном прочитал:

- Беспалов Роман Игоревич, одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года рождения, русский, образование среднее. Имеет судимость за хулиганство, кличка «Беспалый», отбывал наказание в исправительно-трудовой колонии общего режима. Освобожден условно-досрочно за примерное поведение. Вот его досье, которое я взял нашей базе данных. Смотри, Серый: узнаешь эту рожицу?

- Конечно, узнаю, - ответил Сергей, взглянув на фото. – Один из этой троицы. Но вот кто остальные трое?

- Ты не спеши, дальше все будет намного интереснее, - ухмыльнулся Кулагин. - В колонии у Беспалова были несколько корешей. И двое из них – странный парадокс! – обосновались после отсидки в нашем благословенном городе. Вначале, Серега, посмотри: эти?

Сергей посмотрел на фотографии. На него в упор смотрели пустые, ничего не выражающие глаза его недавних мучителей. Будучи не в силах произнести ни единого слова, он молча кивнул, вернул фотографии Кулагину и вопросительно посмотрел на него, ожидая продолжения.

- Ну вот: теперь прошу внимания. Этот, - Кулагин показал фотографию. – Татарченко Илья Петрович, одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года рождения, русский, образование незаконченное среднее. Имеет две судимости за хулиганство: первый раз получил срок условно, но через два месяца осужден на четыре года лишения свободы за аналогичное преступление, отсидел, как говорится, «от звонка до звонка». Кличка «Татарин», отбывал наказание в исправительно-трудовой колонии общего режима. В настоящее время находится под подпиской о невыезде, поскольку проходит свидетелем по уголовному делу... ну, это не так важно. И третий фигурант – это еще интереснее. Сабуров Андрей Максимович, одна тысяча девятьсот восемьдесят первого года рождения, русский, образование незаконченное высшее. Имеет две судимости: первая за мошенничество, а вторая за незаконное хранение огнестрельного оружия. Кличка «Философ», отбывал наказание в исправительно-трудовой колонии общего режима. Освобожден условно-досрочно за примерное поведение. Вот такие у нас делишки.

- Делишки-то весьма интересные, - заметил Сергей. – Только, Виталя, при все моем к тебе уважении я не понимаю другого: где, когда, и, главное, каким образом эта троица пересеклась с Корзинкиным? Поверь мне, он не тот человек, чтобы связываться с подобными криминальными личностями! Не в его это характере!

- Ты погоди, не торопись, - Кулагин сделал многозначительную паузу и обвел взглядом всех присутствующих. – Я еще не все сказал. Во всем этом интересно нечто другое. Оказывается, господин Сабуров, он же Философ является родственником – угадайте кого?

- Неужели Корзинкина? – с изумлением спросил Сергей.

- Именно, - кивнул головой Кулагин. – Он двоюродный брат его жены. Ну что, господа дворяне, вам теперь все понятно или еще нужны дополнительные разъяснения?

- Да, пожалуй, теперь все ясно, - пробормотал Симаков. – По идее, теперь все сходится. Теперь у меня нет сомнений, что за всем этим стоит Корзинкин – и никто, кроме него.

В ответ на эту реплику своего друга Сергей ничего не ответил и только с ожесточением стукнул кулаком по столу.

- Но и это еще не все, - довольно ухмыльнулся Кулагин и жестом остановил Сергея. – Я также раскопал информацию и по Стасу. Во-первых, Серега высказал вполне обоснованное предположение, что Стасик калымит на стороне и сливает информацию конкурентам. Так вот, други мои милые, это действительно истинная правда. Стас работает по совместительству в фирме «Град-Проджект». Как вы уже поняли, занимается эта фирма тем же самым, чем занимается институт, но только в значительно более мелких масштабах. И вдруг, - интересный парадокс! – десять месяцев назад обороты фирмы вдруг резко пошли вверх. Мне стало интересно, и я проверил то же самое по институту. Мои подозрения моментально подтвердились: обороты института в то же самое время стали снижаться. Я проверил перечень сотрудников «Град-Проджекта». И, как говорится, предчувствия меня не обманули: Станислав Лановенко числится в этой фирме. Могу даже зарплату назвать – вот, посмотрите!

Кулагин извлек из папки с документами листок бумаги с напечатанными цифрами и протянул его Сергею. Тот взял листок в руки, бегло пробежал глазами и чуть не свалился со стула от удивления.

- Мама дорогая, - пролепетал Сергей. – Это ж в три раза больше его зарплаты в институте! Он же по совместительству получает даже больше меня! Господи, твоя воля... Ребята, у меня просто слов нет!

- Да, - покрутил головой Бочкарев. – А, впрочем, что ты хочешь? Услуги промышленного шпиона всегда дорого ценились! А засланный казачок внутри фирмы – страшная вещь. Такого натворить может, что мало никому не покажется. И то, что ты, Виталия, нам рассказал про Стаса, лучшее тому подтверждение.

- Выходит, так, - утвердительно кивнул Симаков. – Как специалист этот Стасик, видимо, никакого интереса ни для кого не представляет. Но как шпион оказался весьма ценным кадром. Ну что ж, недаром говорится, что ласковый телок двух маток сосет.

Все засмеялись.

- Вы думаете, что это все, и я могу уходить со сцены? – театрально наклонив голову, произнес Кулагин. – Нет, судари мои, даже это еще не есть конец!

- А что же тогда конец? – спросил Мамонтов. – Неужели Стас оказался настоящим убийцей Джона Кеннеди?

- Почти, - засмеялся Виталий. – Почти, но не совсем. В результате проведенных следственных действий я выяснил совсем уже пикантную подробность. А именно следующее: оказывается, на Стасика заведено уголовное дело.

- Что? - хором воскликнули изумленные ребята.

- А то, - ответил Кулагин. – Этому балбесу было мало двух источников дохода, и он изобрел себе третий: мошенничество в сети Интернет.

- То есть? – недоуменно спросил Сергей.

- Без всяких «то есть», - сказал Кулагин. – Этот малец пытался выманивать деньги у пользователей кошельков в платежной системе «Яндекс-Деньги» от имени фирмы «Град-Проджект». Технология была банальна. Он рассылал информационные письма, что, мол, эта фирма является уполномоченным партнером данной платежной системы. И что этот партнер

освобождает от всех налогов абсолютно все фирмы, которые занимаются проектным бизнесом, риэлтерскими операциями, а также куплей-продажей промышленного оборудования. Надо лишь все операции проводить через его, Стаса, кошелек. Дикость, конечно, но, как ни странно, многие на это клюнули. И это юное дарование собрал менее чем за месяц более двухсот тысяч долларов – какво?! Просто в голове не укладывается! В итоге, натурально, было заведено уголовное дело. И сейчас этот Стас находится в крепкой разработке: вначале наших ребят из ментуры, а потом дело передали в ФСБ.

- А ФСБ-то тут при чем? – недоуменно спросил Бочкарев. – Это ведь типичная уголовщина, а не преступление против государства.

- А при том, Леша, что в свих игрищах Стас переступил одну невидимую грань, - объяснил Кулагин. – Дело в том, в фирме «Град-Проджект» ряд документов проходит под грифом «Секретно». А если дело касается таких документов, то все подобные дела автоматически перенаправляются только в ФСБ. И там со всеми фигурантами разбираются по полной программе: отрабатывают все связи, все контакты. Но уж коли возьмут – мало не покажется, вы уж мне поверьте!

На кухне на несколько секунд воцарилось молчание.

- Что-то я от наших разговоров проголодался, - пробормотал Симаков и выразительно похлопал себя по животу. – Сань, у тебя хотя бы бутерброда не найдется?

- О чем разговор, парни! – добродушно усмехнулся Толстов. – Сейчас мы яичницу сообразим, перекусим – какие проблемы!

Он встал с дивана и направился на кухню. Проходя мимо окна, он мельком взглянул во двор и неожиданно резко отпрянул назад.

Все с недоумением посмотрели на него.

- Ты чего это? – спросил Сергей. – На ногах уже не стоишь?

- А ну тихо все, - Александр сделал предостерегающий жест рукой. – Там во дворе Рома Беспалов. И с ним еще оба этих гоблина.

Глава 13. Разгадка

А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь

И.А. Крылов. 1811

На это неожиданное сообщение друга Кулагин среагировал первым. Он неуловимым молниеносным движением выхватил из кобуры служебный пистолет и передернул затвор. Не тратя время на бесполезные разговоры, обернувшись к друзьям, он быстро спросил:

- Саня, у тебя какое-нибудь оружие в доме есть?

- Оружие? - растерянно засуетился Толстов. – Да какое у меня оружие... Разве что кухонные ножи... Да, вот, вспомнил: у Елены есть старый газовый баллончик!... Ну и у сына моего целая куча игрушечных пистолетиков, которые в темноте не отличишь от настоящих. Еще в сарае есть топоры и лопаты. Вот и все оружие.

- Сгодится и это, - глаза Кулагина сверкнули недобрым огнем. – Значит, так, парни, диспозиция следующая. Мы с Игорьком и Лешей встанем на лестничном пролете выше твоей, Саня, квартиры. А вы с Володей и Серегой останетесь здесь. Наверняка эти гоблины позвонят в дверь. Сразу открывай, даже не задавай банальных вопросов, типа, «кто там». Наверняка, один встанет перед дверным глазком, а остальные спрячутся сбоку, так, чтобы их видно не было! Как только откроешь – сразу брызгай из баллончика прямо в глаза! Я пальну в потолок: поверьте, братцы, звук выстрела и падающая штукатурка достаточно убедительно действуют на нервную систему и способны охладить самые горячие головы! Вы тычете им в рожу игрушечными пистолетами: в суматохе эти олухи не успеют отличить настоящее оружие от игрушечного. Ну, а я буду орать то, что мне и положено при задержании. Вы только мне поддакивайте! И мы с вами вяжем всю эту троицу! А дальше... Дальше война план покажет! Ну, а уж если кому придет в голову шальная мысль достать пушку... Ну тут уж извините: я не виноват: сопротивление сотруднику милиции, находящемуся в форме, да еще при исполнении служебных обязанностей карается открытием огня на поражение. В любом случае, минимум одного мы с вами повяжем. Ребята, вы все поняли?

Вместо ответа парни дружно закивали головами.

- Тогда по коням,- быстро подвел итог Кулагин. - По местам, гасконцы!

Произнеся эти слова, Кулагин быстро вскочил со своего места и сделал выразительный знак Симакову и Бочкареву, которые пулей вскочили со своих мест и ринулись на выход вслед за Кулагиным. В свою очередь Толстов подбежал к секретеру, в котором хранились разные причиндалы его супруги, и достал газовый баллончик. Затем он кинулся к ящику с игрушками сына и вытащил из него три игрушечных пистолета. Раздав ребятам «оружие», он вместе с Володей и Сергеем встал возле входной двери. Кулагин, Симаков и Бочкарев выскочили из квартиры и поднялись на лестничный пролет выше квартиры Толстова.

На лестнице воцарилась тишина, нарушаемая лишь бешеным стуком сердец.

Спустя несколько секунд, слегка скрипнула входная дверь подъезда. В подъезде отчетливо зазвучали тяжелые шаги поднимающихся людей. Слышно было, как они негромко переговаривались между собой:

- Вы оба, встаньте возле двери и молчите. Я позвоню в дверь и представлюсь соседом снизу: мол, заливаешь ты нас, братан. А как он дверь откроет – после моего сигнала врываются в хату и укладывают всех на пол. Сигнал: моя фраза «извините, гражданин начальник». Всем все понятно?

- Все вкурил, Философ, базара нет! Давай!

- Все прочухал²³, братан! Все будет тип-топ, не бзди²⁴!

Троица поднялась на лестничную площадку, где находилась квартира Толстова и расположилась на ней. Кулагин, сделав знак своим друзьям, осторожно следил за каждым их движением, держа пистолет наготове.

Тот, кого Виталий по фотографии называл Философом, встал напротив дверного глазка и сделал знак своим подельникам. Те вдвоем встали справа от входной двери Толстова, вытащили свои пистолеты и замерли в ожидании. В свою очередь и Кулагин, сделав знак друзьям, притаился и напрягся в тревожном ожидании.

Философ нажал на кнопку дверного звонка. В наступившей тишине его мелодичное звучание всем присутствующим показалось оглушительным.

Спустя мгновение из-за двери отчетливо послышались шаги.

В следующее мгновение события развивались, словно в замедленной съемке. Открыв дверь, и не произнося ни единого слова, Толстов брызнул в лицо Философа струю ядовитого газа. Тот, завизжав, выронил пистолет и схватился за глаза обеими руками.

В ту же секунду грохнул выстрел. Осколки штукатурки полетели во все стороны, обдав нападавших кучей цементной пыли.

Подельники Философа не успели сделать ни единого движения.

- Стоять, суки! - заорал Кулагин, в два прыжка оказавшийся на лестничном пролете Толстова и с силой приперев голову Философа к стене стволом своего пистолета. – Руки в гору, милиция! Кто дернется – пристрелю к едрени матери!

В спины незадачливым грабителям уперлись стволы. Те, растерявшись, выронили оружие и растерянно подняли руки вверх.

- Не дергаться! – орал Кулагин. – Не дергаться, вашу мать, суки!

- Молчать, тварь! - заорал в свою очередь Бочкарев, приперев к стене голову несчастного Ромы Беспалова игрушечным пистолетом. – Только пикни, паскуда, – я твои мозги по стене ровным слоем размажу!

- Стоять! – орал Симаков, тыча игрушечным пистолетом в поясницу третьего нападавшего. – Руки в гору, мать твою! Ноги шире! Шире, я сказал, урод! Иначе продырявлю на хрен! Только дернись – убью, тварь, на хрен!

Испуганные неизвестно откуда взявшимися сотрудниками милиции, горе-грабители и не думали не только сопротивляться, но даже дергаться. Они лишь дрожали мелкой дрожью, боясь пошевелиться. Выскочившие из квартиры Сергей, Мамонтов и Толстов в свою очередь, с трудом сдерживая смех, тоже уперли в головы Беспалова и Татарченко игрушечные пистолеты. Сергей, за не имением в руке даже игрушечного оружия, припер голову Беспалова к стене подъезда пальцем.

Видя, что его подопечные и не думают сопротивляться, Кулагин быстро и профессионально обыскал нападавших. Не найдя у них ничего подозрительного, он, сживая в руках пистолеты, подтолкнул незадачливую троицу внутри квартиры.

Дверь захлопнулась, отделяя всех участников событий от внешнего мира.

- Так, Саня, у тебя скотч есть? – деловито спросил Кулагин.

- Как не быть, конечно, есть, – ответил Толстов. – А что, надо?

- Надо, Саня, надо, – деловито пробормотал Кулагин. – Тащи его сюда.

²³ Прочухать – на блатном жаргоне означает «понять» (Прим. Автора)

²⁴ Бздеть – на блатном жаргоне означает «бояться» (Прим. Автора)

Толстов вышел из коридора. Вскоре он вернулся, неся в руках два рулона скотча и моток изоляционной ленты. Кулагин, пряча в глазах довольную усмешку, быстро и профессионально замотал руки и ноги незадачливых грабителей. Последним движением он заклеил им рты, после чего вытер со лба пот.

- Теперь делаем так, - командным тоном произнес Виталий. – Беспалова и Татарина растащите по комнатам и прикрутите намертво к стульям. И чтобы пикнуть не смели – заклейте их хавальники²⁵! А вот Философа тащите в гостиную комнату. Там уж я с ним пообщаюсь наедине.

Ребята моментально кинулись исполнять распоряжение Кулагина. Вскоре Беспалов и Татарин оказались намертво прикрученными скотчем к стульям таким образом, что не могли даже пошевелиться.

Стрелюжив своих преследователей, ребята вернулись в комнату, где Кулагин стоял напротив Философа и внимательно смотрел на него. Рот у Философа был свободен, теперь он мог свободно дышать.

В милицейской форме Виталий Кулагин выглядел особенно эффектно.

Друзья столпились за спиной Кулагина и внимательно слушали.

- Теперь, Философ, послушай меня очень внимательно, - сказал Кулагин. – И постарайся не пропустить ничего из того, что я тебе буду говорить. Перечислять тебе все твои подвиги я не стану – ты о них знаешь не хуже меня. Вопрос в другом: что тебе и твоим дружкам за это светит? А светит тебе вот что. Начнем по порядку. Вы избили нашего друга. Этот факт зафиксирован документально, кроме того, тому есть свидетели и их показания запротоколированы. На юридическом языке это называется «умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, не опасного для жизни человека, но вызвавшего длительное расстройство здоровья или значительную стойкую утрату общей трудоспособности». Учитывая то обстоятельство, что это было сделано группой лиц по предварительному сговору, то эта невинная шалость наказывается лишением свободы на срок до пяти лет. Каждому, заметь, Философ, каждому! Статья сто двенадцатая родного уголовного кодекса. Теперь пойдем дальше. Ты со своими дружками напал на нашего друга в подъезде, и стали стрелять по нашей машине. Следы на машине ты сам видел своими глазами. Любая экспертиза докажет, что выстрелы были произведены из ваших волын²⁶. Учитывая все вышесказанное, мы можем уверенно говорить о том, что перед нами организованное преступное сообщество. А создание преступного сообщества для совершения тяжких или особо тяжких преступлений наказывается лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет. Можешь убедиться сам: это статья двести десятая. Ну и, наконец, родная твоя статья двести двадцать вторая: незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия. Учитывая то, что мы имеем дело с организованной преступной группой, то вывод напрашивается сам собой: те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору, да и к тому же совершенные организованной группой, наказываются лишением свободы на срок от пяти до восьми лет. Усекаешь, Философ?

В ответ на последнее замечание Кулагина Сабуров ничего не ответил и только криво усмехнулся.

- Посмейся, родной, посмейся, - задумчиво произнес Кулагин. – Веселись, пока можешь. Только ты подумай вот о чем: за все ваши подвиги и с учетом героического прошлого каждого из вас самое малое, что светит и тебе, и Беспалому, и Татарину – это пятнадцать лет на рыло по совокупности преступлений. И это минимум – ты уж мне поверь! Ну что, осознал, родимый? Отсюда вопрос: ты веришь, что этот курорт на зоне строгого режима я могу вашей милой троице мигом организовать?

²⁵ Хавальник – на блатном жаргоне означает «рот» (Прим. Автора)

²⁶ Вольна – на блатном жаргоне означает «пистолет» (Прим. Автора)

- Верю, начальник, как же тебе не поверить, - ответил Сабуров, глядя на Кулагина. – С тебя станется. Вот только я в толк не возьму: зачем ты мне все это говоришь? А посему сомнения у меня имеются. Значит, не все у тебя так гладко, если ты со мной еще разговоры задушевные ведешь. Выходит, надо тебе что-то от меня.

- Правильно излагаешь, - усмехнулся Кулагин. – Но при этом есть вариант, что для тебя все сложится не так грустно и трагично.

- Это как же? – спросил Сабуров.

- А вот как, - объяснил Кулагин. – Философ, ни ты, ни дружки твои, что в соседней комнате сидят к стульям привязанные, - вы меня во всей этой кутерьме совершенно не интересуете. Вы все мелкие сошки и работали по наводке. Наверняка над вами кто-то стоит. Так вот, ты мне сейчас под протокол все излагаешь о своем командире: кто он, что он, чего надо ему – ну и так далее. А я в таком случае оформляю тебе явку с повинной. Далее ты помогаешь нам взять твоего пахана с поличным. И если ты его сдаешь нам со всеми потрохами, то тогда получаешь следующее. Первое: мы забываем о нападении на нашего друга. И второе: мы забываем еще и о том, что вы в нас палили из ваших стволов, как в тире по живым мишеням. Единственное, о чем я не могу забыть – так это только незаконное хранение оружия. Но ты ведь, Философ, в наших делах грамотный и знаешь, что лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в статье двести двадцать второй, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. А иной состав преступления... Мы сделаем вид, что его не было. Каждый из вашей троицы пишет заявление о том, что добровольно сдаете свои стволы. Таким образом, учитывая ваше активное сотрудничество со следствием, ты сдаешь нам главаря и в самом худшем случае отделяешься условным сроком. Разумеется, совсем бесплатно это для вас не получится: нашему другу надо будет компенсировать временную нетрудоспособность, а также обязательно надо будет машину восстановить – ну да ведь ты понимаешь, то это уже мелочи. Ну что, Философ, устраивает тебя такой вариант?

Сабуров опустил глаза и глубоко задумался. Кулагин терпеливо ждал и с усмешкой смотрел на него.

- А хочешь, Философ, я тебе помогу? – нарушил молчание Виталий. Он старался говорить серьезно, но в его голосе невольно звучало скрытое торжество. – Что, родимый, память отшибло? Ладно, тогда я твою память немного освежу – чтобы ты не чувствовал себя так неуютно. Тебе команды дает Сергей Орестович Корзинкин. Ты ведь двоюродный брат его дражайшей супруги. Теперь ты сам видишь, что материала у меня более чем достаточно. Ну, как, Философ, сотрудничать будем?

При последних словах Кулагина, Сабуров поднял глаза, внимательно посмотрел на Виталия, словно пытался прочесть его мысли, но не спешил с ответом. Он тяжело вздохнул и, словно борясь с самим собой, хотел что-то сказать, но потом снова опустил глаза.

Виталий насмешливо наблюдал за Сабуровым, за его внутренней борьбой, но не торопил его. Остальные тоже молчали и выжидательно смотрели на Сабурова. В комнате повисла гнетущая тишина.

- Нет, начальник, так не пойдет, - наконец нарушил молчание Сабуров. – За предложение спасибо, конечно, но я лучше на зоне буду париться в робе, чем на свободе и в костюмчике - на пере. А посему я лучше помолчу: здоровее буду.

После такого неожиданного решения Сабурова, Виталий Кулагин не мог сдержать своего удивления.

- Неужели ты мне не веришь? – с изумлением спросил Кулагин. – Или ты считаешь, что париться на зоне вместо Корзинкина – это справедливо? Или тебе кажется, что я тебе мало предложил? Ну, если последнее верно, то в таком случае, ты, Философ, большой нахал!

- Почему же «не верю»? – ответил Сабуров. – Верю. Что ты сдержишь свое слово – в это я верю. И тому, что не станешь оформлять нам нападение, нанесение телесных повреждений и все такое прочее – верю: а что в этом такого? И что явку с повинной оформишь – тоже верю. Ты-то свое слово сдержишь, начальник, базара нет, потому как выгодно это тебе. То, что не я тебе нужен, а пахан – так это ж любой фраер поймет! И то, что ты мне, начальник, предложил немало, я знаю. Ты не думай, я не лох какой-нибудь, я-то жизнь нюхал и понимаю, что к чему. Ты, начальник, хороший человек и предложил мне даже больше, чем мне причитается! Если бы дело было только в том, чтобы забашлять тебе и твоим корешам за ущерб – да базара нет! Ты только цену назови, а дальше – мои проблемы, все заплатим, век воли не видать! Только ты, начальник, учти другое: свобода, бабки, телки и все такое прочее – они ведь только живым нужны. Жмурикам²⁷ все это сокровище без надобности.

- Это что так? – спросил Кулагин. – Ты что, Философ, Корзинкина испугался? Так ты ведь имей в виду, что в тюремной камере ему тебя обижать будет крайне затруднительно – об этом уж я позабочусь!

- Тоже мне, нашел, кого бояться: Корзинкина! – пробурчал Сергей и скривился от отвращения. – Этот бесогон²⁸ собственной тени боится! Он трус, каких мало!

Сабуров скользнул взглядом на Сергея и затем внимательно посмотрел на Кулагина.

- Вот что, начальник, - решительно сказал он. – Надо бы нам с тобой с глазу на глаз кое-что обкашлять.

- С глазу на глаз? – переспросил Кулагин. – Ну что ж, добро, я не возражаю. Мужики, не в службу, а в дружбу: выйдете на пару минут на кухню, а мы тут перетрем кое-что. А вы пока что тех двух клоунов покараульте, чтобы глупостей, не дай Бог, не наделали.

Ребята, словно по команде, поднялись со своих мест, и вышли из комнаты. Кулагин закрыл дверь и посмотрел на Сабурова.

- Ну что, Философ, вот мы с тобой и одни, - произнес Кулагин, глядя в упор на Сабурова. – Теперь выкладывай все и не вздумай финтить.

- Не для протокола, начальник, а для души мои слова тебе, - сказал Сабуров и поскреб связанными руками свой подбородок, на котором уже начала проступать щетина. – Под протокол ничего не скажу, уйду в полную неосознанку, но тебе, как хорошему человеку, скажу по душам кое-что. Не Корзинкин главный в этом деле. Он меня только со своим корешем свел. И все приказы мне кореш его отдавал. А там все на бабках замешано. Там такие бабки, начальник, что тебе вместе с твоими дружками за три жизни не заработать. А за такое лавэ²⁹ запросто угрохать могут. Ты пойми, начальник, что этот ваш Корзинкин – да он просто сутенер. Но вот босс его – тот парень серьезный. Они с Корзинкиным свою контору на бабки кинуть решили. Нам с пацанами капля в море от этого достанется. Но я этого босса не знаю. Видеть – видел, отрицать не стану, да и то лишь в потемках, в машине.

- А звать-то его как? – спросил Кулагин. В его голосе проскальзывали нотки растерянности и разочарования. – Как ты этого пахана при встрече называл?

- А прямо так и называл: босс, - ответил Сабуров. – Я при первом знакомстве прямо его спросил: как, мол, вас звать-величать. Так он мне сразу ответил, как отрезал: не твое, мол, собачье дело, называй меня просто «босс».

- Знаешь, дружок, ты, конечно, красиво поешь, но что-то в твоём рассказе концы с концами не сходятся, - недоверчиво протянул Кулагин и с сомнением покачал головой. – Если этот твой босс так от тебя перекрылся и засекретился, то откуда же ты в таком случае знаешь столько

²⁷ Жмурик, жмур – на блатном жаргоне означает «покойник» (Прим. Автора)

²⁸ Бесогон – на блатном жаргоне означает «врун, дурак» (Прим. Автора)

²⁹ Лавэ – на блатном жаргоне означает «деньги» (Прим. Автора)

подробностей? Откуда ты про бабки знаешь? С чего ты взял, что этот босс – такой серьезный мужчина, а?

- Да как тебе сказать, - нехотя проворчал Сабуров. – Про бабки – это больше Корзинкин разнуздает звякало. Он же на самом деле – полный лох, без мозгов! А потому и бакланит³⁰, что ни попада! Он ведь больше пыжится и корчит из себя крутого, а на самом деле – фряер, шестерка на побегушках! Кое-что он сболтнул по глупости, кое-что я сам домыслил – вот и понял, что там дело миллионное! И не наши, деревянные, а зеленые лавэшки! Нам с пацанами за работу по десять штук зелени обещано. На каждого, ты понял? Ты прикинь, начальник, что это за бабки! Тебе, небось, за такие бабки год пахать надо, а мы бы за день их получили, если б карта легла! А что до босса – почему я сказал, что он парень серьезный! – так ведь, начальник, как говорили у нас на зоне, «честного вора в законе от петуха за версту отличить можно!» Вот поэтому не проси меня объяснить это! Но то, что для него что меня, что тебя, что дружка твоего подрезать – все равно, что рюмку водки выпить – это уж ты мне поверь! Зуб даю, век воли не видать, начальник!

В подтверждении своих слов, Сабуров в типично блатной манере щелкнул большим пальцем правой руки по зубу и затем молниеносно провел этим же пальцем по собственному горлу. При виде этого Кулагин сдержанно усмехнулся, но не сказал ни слова. Философ, в свою очередь тоже замолчал и выжидающе смотрел на Виталия.

- Вот что, Философ, - сказал, наконец, Кулагин. – Теперь ты, дорогой, посиди и подожди немного. А нам с коллегами надо пошептаться.

Сабуров понимающе вскинул замотанные скотчем руки в знак того, что он все понимает. Кулагин подошел к нему, проверил, крепко ли связаны руки Сабурова, после чего вышел на кухню.

- Ну что он сказал новенького? – спросил Толстов.

- Да ничего принципиально новенького Философ не сказал, - разочарованно произнес Кулагин. – Кроме того, что за спиной Корзинкина стоит некий таинственный босс. Ни имени, ни фамилии – просто Босс. Говорит, что мужчина он – ну, о-о-очень серьезный! Пришить любого из нас – что стакан водки махнуть! Но вот кто это – то ли Штерн, то ли кто-то еще! – неизвестно. Да и работает ли этот таинственный Босс в институте – тоже не факт.

- Похоже, мы снова в тупике, - поморщился Бочкарев. – И что теперь с этими тремя клоунами делать?

- Да это как раз не проблема, - отозвался Кулагин. – Закроем, как родных! Вот только Сереге это по существу никак не поможет. Более того, если начнется официальное следствие, то Корзинкин, скорее всего, сразу же откеститься от показаний своего родственничка. Сам посуди: кому на суде больше поверят – добропорядочному гражданину или дважды судимому уголовнику? Нет, ребята, пока мы не вычислим, кто этот таинственный Босс, то надо быть дважды осторожными!

- Парни, погодите, - воскликнул Сергей.

Это восклицание прозвучало настолько неожиданно, что все непроизвольно вздрогнули. Сергей вскочил с места и стал лихорадочно перебирать бумаги на столе, которые принес Бочкарев. Найдя нужную запись, он схватил сотовый телефон Сабурова и нажал несколько клавиш. Затем с изумлением уставился на друзей.

- Братцы, я, кажется, теперь точно знаю, кто же этот таинственный «босс», - пробормотал Сергей. В его голосе прозвучала радость исследователя, решившего, наконец, сложную задачу. – Именно с ним консультировался Философ, именно он отдавал этим гоблинам приказы... Ну, ни хрена ж себе, пасьянс складывается...

³⁰ Бакланить – на блатном жаргоне означает «болтать» (Прим. Автора)

- И кто же он? – настороженно спросил Симаков.
- Наш финансовый директор, - с трудом выдавил Сергей. - Алексей Максимович Трофимов.

Глава 14. Тупик

Судей таких видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у них был умный секретарь.

И.А. Крылов. 1807

Четыре пары глаз с изумлением уставились на Сергея.

- Ты так уверенно это заявил, как будто тебе Философ расписку предъявил, - недоверчиво пробормотал Кулагин. – Факты в студию, господин программист!

- На самом деле факты до смешного очевидны, - улыбнулся Сергей. – Когда ты произнес слово «босс», то меня словно током ударило. Дело в том, что пока ты беседовал с этим Философом наедине, то я изучал содержимое его мобильного телефона. И там был один номер телефона, значившийся под именем «Босс». Я проверил по тем записям телефонных переговоров Корзинкина, которые принес Леша. Там этот номер значится, как номер, принадлежащий Алексею Максимовичу Трофимову. Я проверил по базе данных института: там тоже значится именно этот номер. Таким образом, круг замыкается. Кроме того, я в самом начале отметил одну странность: почему эти договора по сумасшедшим ценам так быстро прошли через нашего финансового директора? Все сходится. Кроме того, я уже два года знаю Трофимова. И та характеристика, которую дал ему этот самый Философ вполне подходит для нашего финансового директора. Мужик он жесткий, властный. Достаточно жаден и завистлив. Для него растоптать человека – это, братцы мои, не проблема! Таким образом, Виталя, у нас есть все данные по этому делу. И все основания для того, чтобы прищучить всю-компанию!

- Хм, - хмыкнул Симаков. – Похоже, Серый дело говорит. Все сходится.

- Дело? – язвительно передразнил друга Кулагин. – Да хреновину вы все порете, а не дело! Ладно, я вполне допускаю, что Серега прав. Даже больше того вам скажу: я на сто процентов уверен, что так оно и есть! Вот только нам-то что от этого? Досужие разговоры – и не более того!

- Я, конечно, в ваших делах, Виталя, не специалист, - осторожно заметил Толстов. – Но по моему скромному мнению, сейчас ты не прав. Смотри: у нас есть данные о том, что Трофимов и Корзинкин решили обокрасть институт. У нас есть данные о том, что именно эта сладкая парочка организовала нападение на Серегу, потому что они понимали, что такой специалист, каковым является Серега, быстро раскопает их темные делишки. И они, видимо, боялись, что об этом станет известно генеральному директору института Штерну. И боялись они вполне обоснованно: посмотрите, насколько быстро Серега во всем разобрался! И для этого они наняли эту банду Философа для расправы с Серегой. Таким образом, налицо три преступления: воровство, организация преступного сообщества и покушение на убийство.

- Саня, своими рассуждениями ты мне напоминаешь бессмертную сказку Алексея Николаевича Толстого «Золотой ключик или приключения Буратино», - улыбнулся Кулагин. - Помнишь, когда Буратино доставили в околоток, дежурный кровожадно засопел на Буратино? Мол, ты совершил три преступления, негодяй: ты беспризорный, беспаспортный и безработный. Отвести его за город и утопить в пруду.

После этой неожиданной цитаты, ребята весело рассмеялись.

- А если серьезно, парни, то теперь послушайте меня очень внимательно, - продолжал Кулагин уже серьезно, сделав всем знак рукой. На кухне воцарилась тишина. – Несмотря на то, что я на вашей стороне, за Серегу, а не против него, но сейчас начну изображать из себя не прокурора, а адвоката Корзинкина и Трофимова. Давайте по порядку. Тот факт, что Корзинкин и Трофимов обворовывают институт, завышая цены до полного беспредельного безумия, совершенно недоказуемо. Тот же самый Вадик Громадский – ребята, ну он же не идиот, чтобы свидетельствовать против самого себя! Он от всего открестится, а без его показаний всем нашим

рассуждения – цена три копейки в базарный день! И Корзинкин с Трофимовым от всего откажутся! Следовательно, наши утверждения о коммерческом подкупе будут выглядеть, как банальный оговор честных людей. Теперь пойдем дальше. Увольнение Сереги – тут вообще ничего доказать нельзя! Рабочие моменты – но не более того! Далее, нападение на Серегу. В этом эпизоде крайними оказываются эти горе-налетчики: Философ, Татарин и Беспалый. Они и пойдут паровозами за все. Но теперь скажите: вам что, легче от этого станет? Сильно сомневаюсь! Эта троица – простые исполнители. Максимум, что мы за это сможем поиметь – это возмещение ущерба Сереге за набитую морду и Володе за покалеченную машину, но не более того! Вы же сами слышали: Философ категорически отказался свидетельствовать против Трофимова! А без его показаний нашим умозаключениям грош цена! Хуже того: если мы обозначим себя в этом деле, покажем наши козыри, то ничего не докажем, а вот Корзинкин с Трофимовым – те напротив: они поймут, что есть люди, обладающие информацией против них. И тогда они возьмутся не только за Серегу, но и за нас с удвоенной силой. А найти таких же тупых исполнителей – не проблемы, вы уж мне поверьте! И рано или поздно, но кто-то из этих исполнителей окажется более грамотным и более удачливым, чем эта незадачливая троица, которая сидит сейчас связанная в комнате у Сани.

- Ты что же, Виталя, испугался, что ли? – насмешливо спросил Бочкарев. – Вот уж от кого, но от тебя я такого не ожидал!

Все ехидно посмотрели на Виталя. Он в свою очередь слегка покраснел, но, тем не менее, напористо продолжал:

- Да пошел ты со своими приколами! Если бы я боялся, то никогда бы не стал впрягаться в такое дело! Есть трусость, а есть разумная осторожность и эти вещи суть разные! Весь смысл того, что я говорю, сводится к следующему: нам надо искать факты. Надо искать решение проблемы. Я только что доказал вам, что подавать материалы в суд – занятие совершенно бессмысленное. Это путь, как говорится, «в лоб». Но нам надо действовать не в лоб, а найти какое-то другое решение этого вопроса.

- А откуда этот твой Философ узнал о деньгах? – заметил Толстов. – Если даже такой гоблин узнал об этом, то уж мы-то не глупее: тоже можем узнать!

- Говорит, что сам Корзинкина об этом в разговоре сболтнул, - пробормотал Кулагин. – Кстати, сам Философ о Корзинкине крайне невысокого мнения.

- Я же говорил, что в Корзинкине навеки летаргическим сном уснул гений, но зато круглосуточно бодрствует идиот, - со злостью прошипел Сергей. – Даже гоблины это понимают – только до Штерна эта элементарная истина никак не дойдет.

Услышав такое заявление, ребята захохотали.

- А что если попробовать надавить на Вадика Громадского? – подал голос, молчавший до сих пор Симаков. – Что если попробовать поговорить с ним?

- О чем нам с ним говорить? – недоуменно спросил Бочкарев. – Предложить ему настучать на самого себя – так что ли?

- Почти, но не совсем, - ответил Игорь. – Что если попытаться объяснить Вадика, что он ввязался в очень нехорошее дело с банальной уголовщиной? Предъявить ему показания Философа, объяснить ему, что на самом деле из себя представляют Трофимов и Корзинкин?

- И что будет дальше? – вопросом на вопрос ответил Кулагин. – Во-первых, Философ предупреждал, что под протокол он уйдет в глухую несознанку и свидетельствовать ни против Корзинкина, ни тем более, против Трофимова, не станет. Ну ладно, допустим, я нашел способ надавить на Философа, допустим, мы смогли заставить его свидетельствовать против Корзинкина. Игорек, объясни ты мне, тупому, какое Вадика дело до этого? Свидетельствовать против самого себя никто не станет. Уверяю тебя, в современной России доказать факт коммерческого подкупа – делодохлое и практически невозможное!

- К сожалению, вынужден подтвердить то, что говорит Виталья, - с явным сожалением произнес Бочкарев. – Парни, есть одна притча. Японский чиновник едет в Китай, встречается с китайским чиновником и видит, что у него большой красивый дом, хотя получает он меньше японца. «Как это так? Зарплата у вас небольшая, а такой дом». Китайский чиновник проводит японца к окну, указывает на дорогу и говорит: «Дорогу видите? Мне с нее двадцать пять процентов пошло». Затем японский чиновник едет в Россию, встречается с нашим российским министром - и все повторяется. Только наш министр получает еще меньше китайского, однако у него дом гораздо шикарнее. Японец спрашивает: «Как это так?». Наш министр подводит японца к окну и говорит: «Дорогу видите?» «Нет там никакой дороги».- «Потому и нет, что мне с нее все сто процентов досталось». Если проводить параллели, то случай с китайским чиновником ближе к сфере закупок коммерческой организации, с российским - закупок для государственного сектора.

Все засмеялись.

- Для того чтобы поймать Корзинкина и Трофимова на факте коммерческого подкупа, необходимо, чтобы сам генеральный директор был заинтересован в этом, - продолжал Бочкарев. – Впрочем, это относится к любой организации.

- А вот интересно, - подал голос Толстов. – Как вообще можно предложить взятку незнакомому человеку? Как можно решить такой щекотливый вопрос между людьми, которые первый раз друг друга видят? Ведь, насколько я помню, Серега рассказывал, что Вадик Громадский не был ранее знаком с Корзинкиным.

- Санек, да это проще пареной репы! – расхохотался Бочкарев. – Ты пойми главное: все переговоры ведутся на русском языке, а не по-чукотски! А русский язык, насколько ты знаешь, чрезвычайно многогранен и полон двусмысленностей, которые зависят от контекста и интонации. Самым важным качеством менеджера, продавца, является умение повести разговор таким образом, чтобы каждую фразу можно было интерпретировать двояко: и как обсуждение «белой» стороны сделки, и как предложение банального «отката на лапу».

- Это как? – с недоумением спросил Толстов. – Пример – в студию, господи!

- Да это несложно, - улыбувшись, ответил Бочкарев. - Например, в начале беседы очень хорошо прощупать потенциального получателя отката разного рода двусмысленными фразами. Ну, например: «Для вас будет очень выгодно обслуживаться в нашей компании», «Мы готовы пойти вам навстречу, чтобы вы выбрали нашу компанию», «Возможна скидка в любой удобной для вас форме». Саня, повторяю еще раз: русский язык очень многогранен. Часто звучащее в двусмысленных фразах местоимение «вы» может пониматься двояко: «вы» как человек – или же «вы» как организация. В ходе общения с Трофимовым или Корзинкиным это самое «вы» Вадик Громадский может слегка интонационно выделять - полусекундная пауза, легкая смена интонации или громкости голоса прекрасно акцентируют внимание собеседника, подсказывая ему, что в словах Вадика есть определенный скрытый смысл. Второй важнейший навык при работе с откатами - нужно отслеживать реакцию потенциального получателя на эти самые двусмысленные фразы и понимать неявный смысл его слов. Например, Вадик произносит фразу вроде «Конечно, в коммерческом предложении невозможно отразить все наши преимущества. Поэтому я готов обсуждать любые вопросы для формирования предложения, которое полностью удовлетворит ваши интересы». Если в ответ он услышит от Корзинкина фразу типа: «У нас уже есть поставщик, с которым мы давно работаем, и который прекрасно учитывает все наши интересы и потребности», вывод только один - кто-то его уже купил. Единственный способ работы здесь - продолжать диалог с помощью все тех же двусмысленных фраз. Или другой пример: Вадик может задать Корзинкину полушутливый вопрос: «Вы коньяк в каком виде предпочитаете - в жидком или бумажном?» Само собой, этот вопрос обязательно предваряется разговором «о птичках» или фразой вроде «Мне вчера шутку рассказали». Уверяю тебя, Саня: эти приемы работают безотказно, как часы!

Все опять засмеялись.

- Но и это еще не все, - со смехом продолжал Бочкарев. – Есть достаточно хитрая практика «подсаживания» на откат, как наркомана на иглу. Сначала на какой-либо праздник – ну там, Новый год, на день рожденья или какой другой праздник! - дарится небольшой, но достаточно ценный подарок. Затем подарки начинали приноситься «просто так» - раз в квартал или после крупных закупок. При этом стоимость их пускай не очень резко, но зато постоянно возрастает. Ну и, наконец, появлялся «его величество конверт»! Конечно, со словами, что нехороший представитель поставщика просто «не успел» приобрести подарок, ибо боялся ошибиться! И пускай – неважно: Трофимов, Корзинкин, Махмуд Исаакович Приходько, Сара Гонсалесовна Проституткина! - «товарищ» сам приобретет себе то, что ему или ей нравится. Все, Санек, дело сделано! Потому что в следующий раз сумма в конверте уже будет связываться с показателями, на которые данный руководитель может повлиять: объемом закупки и отсутствием просроченной дебиторки. Кстати, насколько мне известно, за возникновение просроченной дебиторской задолженности руководителей штрафуют: в этом случае им не выдают откат.

- Так что же выходит? – с недоумением спросил Толстов. – Получается, что откаты всем выгодны, кроме государства и рядовых граждан. Тогда отсюда следует, что бороться с ними бессмысленно. И что же мы в итоге получили? Что воюем с ветряными мельницами?

- Ну не совсем так, - возразил Бочкарев. – Но во многом ты, к сожалению, прав. Для многих руководителей борьба с откатами сводится к периодическому поиску «негодяев». Но подобные разовые антиоткатные акции малоэффективны, и те самые «негодяи», переждав бурю, начинают наверстывать «недополученную прибыль». Вот это действительно война с ветряными мельницами! Для того, чтобы борьба с этим злом была эффективна, необходима система мер и в этом в первую очередь должны быть заинтересованы руководители организации. А если во главе организации будут стоять Корзинкины, Трофимовы, Штерны, то все это, как говорится, «суета вокруг дивана» - и не более того!

- Ну, хорошо, - не сдавался Толстов. – Предположим, руководитель искренне хочет избавиться от переплат за товары и услуги и желает искоренить откаты. Но Виталия только что сказал, что если тот же Вадик Громадский ничего не подтвердит, то мы ничего не докажем! Получается, Леша, что ты противоречишь сам себе!

- Здесь нет никакого противоречия, - улыбнулся Бочкарев. – Если бы Штерн действительно хотел искоренить эту заразу в институте, то это можно сделать достаточно несложно. Например, использовать метод провокаций.

- Это как? – поинтересовался Симаков.

- Вначале создается легенда о компании-поставщике, - объяснил Бочкарев. - Даже простенький сайт в Интернете делается! Далее формируются прайсы на продукцию, а потом, под видом представителя поставщика менеджер обращается в отдел закупок и, соответственно, предлагает откат. Как говорится, «слабое звено» внутри компании после ряда контактов соглашается. Ну, а потом все просто: жулика ловят за руку с поличным, а затем, разумеется, увольняют с позором. И при этом - обязательно! - поднимают большой внутрифирменный скандал! И всех сотрудников уведомляют, что подобным методом тайной проверки руководство намерено пользоваться и впредь.

- Толково, - уважительно хмыкнул Симаков.

- Есть и другие методы, - продолжал Бочкарев. - Можно также премировать снабженцев за экономию на закупке. Но при этом необходимо, чтобы отдел маркетинга регулярно проводил мониторинг цен на рынке, а товароведы контролировали качество поставленной продукции. Иначе закупщик купит за две копейки неликвид и получит свою премию. То есть получится та же ситуация, которой Корзинкин с Трофимовым и воспользовались.

- Но повторяю: это нужно делать превентивно, - подал голос Кулагин. – А в нашей ситуации вывести Корзинкина на чистую воду без помощи Философа и Вадика Громадского

невозможно. Причем, обоих. Стоит лишь одному из них отказаться – и все: наши стройные планы рушатся, как карточный домик.

- Более того, если даже при наличии доказательств Штерн не захочет поднимать шум, то мы тоже ничего не сделаем, - задумчиво пробормотал Сергей. - А соблазн не поднимать шум для Штерна слишком велик: к чему гоношиться, если гораздо проще отнять деньги у этих двух клоунов и уволить их тихо, без шума и пыли? Таким образом, Штерн получит почти три миллиона долларов, Трофимов и Корзинкин в лучшем случае, останутся с носом, а в худшем просто будут уволены, Стас останется героем, я оказываюсь на улице, а Володя – с разбитой тачкой... Веселенькая перспектива...

- Ну, тачку-то Володе восстановят, - буркнул Кулагин. – Те три скомороха, которые сидят в соседней комнате, сделают это с большим удовольствием – причем в самые короткие сроки! И тебе компенсацию заплатят, так что на какое-то время деньги у тебя будут. Но вот во всем остальном... Тут, к сожалению, боюсь, что ты прав.

- И что будем делать? – хмуро спросил Симаков.

- Единственное, что мне приходит на ум – вывести этих мерзавцев Корзинкина и Трофимова на чистую воду, - задумчиво сказал Кулагин. – Но нам придется действовать последовательно. Вначале надо прямо сейчас мне лично поработать с Философом поплотнее. Я пока что с ним ласково разговаривал – значит, поговорю с ним грубо. Ладно, это самое простое. Но дальше будет хуже: нам придется уговорить Вадика Громадского сотрудничать с нами. А вот это будет посложнее.

- Нет, парни, - неожиданно сказал Сергей. – Мне сейчас пришло в голову простое и элегантное решение. Никого уговаривать не надо: мы поступим иначе. И я, кажется, знаю, как.

Глава 15. Отступление

Как в людях многие имеют слабость ту же:
 Всё кажется в другом ошибкой нам;
 А примешься за дело сам,
 Так напроказишь вдвое хуже

И.А. Крылов. 1812

Несколько дней спустя, в начале рабочего дня Сергей подошел к дверям института. В руках у него вместо привычной сумки, набитой дисками и прочей компьютерной ерундой, был лишь тонкий полиэтиленовый пакет серого цвета, в котором смутно угадывалась папка с какими-то документами.

Погода стояла на редкость хорошая. На улице, на ослепительно синем сентябрьском небе нежаркое осеннее солнце полыхало ярким огнем. Редкие, раскиданные ветром, неправдоподобной белизны облака неслись вдаль, ежесекундно меняя свою форму.

Сергей на секунду задумался, после чего решительно и быстро поднялся к кабинету Корзинкина и открыл дверь.

Корзинкин сидел за столом и, опустив голову, сосредоточенно листал левой рукой какие-то бумаги, в беспорядке разбросанные на столе. В правой руке он сжимал трубку мобильного телефона. Время от времени он переводил взгляд с бумаг на телефон, вздыхал и снова утыкался в бумаги.

- Разрешите, Сергей Орестович? – негромко спросил Сергей и, не дожидаясь приглашения, неторопливым шагом подошел к столу своего начальника. Он взял стул, сел напротив Корзинкина и внимательно посмотрел на него.

Корзинкин вздрогнул от неожиданности и оторопело посмотрел на Сергея.

- Это вы? – смешался Корзинкин. – Да, заходите.

В его голосе явно звучали нотки растерянности и неуверенности. Неожиданное появление Сергея никак не вписывалось в стройную схему событий, выстроенную им накануне. Внезапное исчезновение его родственника Андрея Сабурова поселило в его трусливой душонке тревогу и неуверенность. При мысли о том, что Сабуров попался на своих криминальных делах и теперь может указать на него, как на заказчика преступления, Корзинкин холодел от ужаса. Он уже раскаивался, что ввязался в такое опасное и рискованное предприятие. Лучше бы он тихонечко, понемногу подворовывал бы, слегка завышая цены на договора – никто бы и не заметил. Чертов Трофимов – и дернул же черт пойти на поводу у этого гада! Сволочь... Он-то сам чистеньким окажется – это уж как пить дать, к бабке не ходи! Родственник этой жидовской морды, этого поганого гомосека Штерна – уж ему-то, конечно, ничего не грозит! А этот паразит Гильман – наверняка приперся не просто так: наверняка что-то раскопал! Он ведь предупреждал, что будет искать! Гад, сволочь, сукин сын, противная жидовская морда – убить тебя мало! Да и родственничек, рожа уголовная – не лучше! Втроем не смогли замочить эту мразь! И вот теперь этот недобиток сидит напротив, молчит, зараза, - значит, наверняка пришел шантажировать! И какого черта я не выгнал его раньше?! На кой ляд вообще брал на работу эту тварь?! Чтoб он сгорел, чтоб он сдох, чтоб он провалился, паскуда мерзкая! Ну, давай же, не тяни, гадина, выкладывай! Только спокойнее, Сергей Орестович, спокойнее, ни в коем случае нельзя показать этой сволочи, что я его смертельно боюсь! Надо держать себя в руках...

Сергей, зная, как неприятен шефу его прямой взгляд, молчал и, выдерживая паузу, смотрел Корзинкину прямо в глаза.

- Вы же сказали, что болеете, - нарушил молчание Корзинкин, стараясь придать своему голосу как можно больше значительности и властности. Но у него это плохо получалось: руки

подрагивали мелкой дрожью, глаза бегали, стараясь не встречаться взглядом с глазами Сергея. - Слушаю вас, Сергей Михайлович, что вы хотите?

Вместо ответа Сергей неторопливо открыл пакет, достал из него исписанный лист бумаги и протянул его Корзинкину. Последний, собрав в кулак последние остатки выдержки, стараясь унять дрожь в руках, посмотрел на документ.

Это было заявление на увольнение по собственному желанию.

Корзинкин несколько раз перечитал документ, боясь поверить в такую дикую, невероятную удачу. Он вцепился в документ, словно клещ, как будто боялся, что этот желанный документ сейчас исчезнет, растворится в воздухе, как мираж или Сергей, сидящий напротив, в любую секунду вырвет этот документ из рук, разорвет, съест, сожжет, уничтожит – и исчезнет этот призрак удачи, пропадет, словно падающая звезда надежды, растает в воздухе, будто утренний туман, покрывающий землю мягким ковром...

Мысли путались у Корзинкина в голове. По своей многолетней привычке, он искал в этом заявлении какой-то подвох, некий скрытый смысл. Он думал, размышлял – и не находил ответа. Его душа вновь наполнилась страхом и неуверенностью. Недавняя радость и эйфория медленно отступали перед темным облаком подозрительности и какого-то подсознательного ощущения беды.

Но ничего подозрительного он не видел. Корзинкин лихорадочно просчитывал в уме все возможные варианты. Нет, как ни крути, куда ни кинь, а увольнение Гильмана – это Победа! Он выиграл! Он разбил в пух и прах этого самодовольного еврея, эту тварь, которая каждым своим жестом, каждым взглядом подчеркивала его, Сергея Орестовича Корзинкина, полнейшее ничтожество.

Пусть увольняется – и чем скорее – тем лучше. Уволившись, потеряв доступ к данным, этот паразит ничего не сможет доказать.

Впрочем, не такой уж он и мерзавец: наверняка сообразил, что к чему. Понял, что с ним, с заместителем генерального директора такое ничтожество ничего сделать не сможет. В этой войне ему никак не победить. Противостоять ему, Сергею Орестовичу, бессмысленно. Подумав об этом, в душе Корзинкина шевельнулось некое странное чувство, сродни, пожалуй, симпатии к Сергею.

- Я вас очень хорошо понимаю, Сергей Михайлович, - сказал Корзинкин. Теперь он говорил еле слышно и вкрадчиво, тщательно подбирая слова. Он пытался придать своему голосу как можно больше искренности. – Поверьте, данное мое неприятное решение было вызвано исключительно производственной необходимостью и к вам лично ни у меня, ни у Александра Леопольдовича нет никаких претензий. Более того, такое ваше нынешнее решение лично у меня вызывает глубокое и искреннее уважение: вы поступили, как достойный и уважаемый человек! Я прекрасно понимаю ваше состояние и поэтому не склонен придавать большого значения вашим прежним словам, сказанным сгоряча. Наверное, на вашем месте я поступил бы точно также, а, скорее всего, и хуже. Ваша железная выдержка в подобной ситуации также вызвала у меня уважение...

- Сергей Орестович, - с загадочной полуулыбкой перебил Сергей Корзинкина. – Все дело гораздо банальнее.

Видя нервную реакцию Корзинкина, он старался сдерживать улыбку и поэтому говорил спокойно, серьезно и коротко. При последних словах Сергея Корзинкин похолодел. Тысяча вещей вспомнились ему в одно мгновение. Перед глазами, словно в каком-то нереальном кинематографе пронеслись все события последних дней. Вот оно, начинается! Сейчас этот мерзавец все ему выложит, продемонстрирует все свои козыри, ударит, убьет, сразит наповал! Ну, давай же, скотина, не тяни! Выкладывай, мерзавец, режь правду-матку!

Руки у Корзинкина затряслись. Лист бумаги в его пальцах задрожал, словно слабо замороженный студень.

- Тогда поясните, Сергей Михайлович, - выдавил из себя Корзинкин. – В таком случае боюсь, что я вас не совсем понимаю.

Сергей снова сделал небольшую паузу.

- Дело в том, Сергей Орестович, что мне тут сделали неожиданное, но весьма заманчивое предложение, - нарушил, наконец, молчание Сергей. – Мне предложили очень неплохую работу. Должность выше, чем в институте, оклад – в два раза выше, чем в институте. Плюс ежемесячные премиальные, плюс дополнительные льготы: например, мне компенсируют мобильную связь, затраты на бензин для машины. Плюс фирма организует бесплатные обеды для своих сотрудников. К тому же, ко дням рождения сотрудников фирма делает подарок в размере оклада. Кроме этого у фирмы есть и другие льготы. Впрочем, что я буду перечислять... Все и так понятно!

- Я искренне рад за вас! – горячо перебил Сергея Корзинкин. Мысли путались у него в голове. Он уже плохо соображал и лишь одна мысль, ОДНА МЫСЛЬ словно гвоздь, словно отбойный молоток, будто сверлила его мозг: он увольняется.

Этот негодяй уходит!

УХОДИТ!!!

УБИРАЕТСЯ КО ВСЕМ ЧЕРТЯМ!!!

ОН НЕ СТАНЕТ НИЧЕГО КОПАТЬ!!!

НЕ БУДЕТ НИЧЕГО ИСКАТЬ!!!

Это же Победа!

ПОБЕДА!!!

Душа Корзинкина до краев заполнилась ликованием. Но это мимолетное ликование сразу же заслонило стыд за страх, презрение к самому себе за свое собственное ничтожество, за то, что этот мерзкий, ненавистный Сергей Гильман, сидящий напротив заставил на одну секунду почувствовать Сергея Орестовича Корзинкина ниже его.

Корзинкин взглянул на Сергея и внутренне задрожал от бешенства: тот спокойно смотрел на него, слегка улыбался и, казалось, читал его мысли.

- Но есть одна небольшая тонкость, - продолжал Сергей спокойным и рассудительным тоном, пряча в глазах насмешку и презрение. – Так складываются обстоятельства, что они ждут меня на работе уже завтра. Чтобы завтра я уже смог приступить к работе. А моего ответа они ждут уже сегодня. Поэтому я вас прошу: давайте без лишних проволочек и формальностей организуем мое увольнение сегодняшним числом. В нашем телефонном разговоре вы обещали мне три вещь: что мне будет выплачена разовая премия, свободный график на время отработки, а также все материальные ценности с меня будут списаны. Предлагаю такой вариант: премию мне платить не нужно в обмен на то, что меня уволят сегодня же. Плюс с меня списываются все материальные ценности. Договорились, Сергей Орестович?

По мере того, как говорил Сергей, Корзинкин все больше и больше обретал свой уверенный и самодовольный вид. Ну, теперь все понятно! Этому ничтожеству требуется уйти на теплое местечко плюс списать материальные ценности! Наверняка, он напоследок ухитрился что-то спереть!

Ничтожество, подонок, мерзкая жидовская тварь! Как же я вас всех ненавижу! Какие же вы все мелкие, подлые и паскудные! Теперь все понятно! Ты пытаешься выиграть, но это у тебя не получится.

Ты пробудил во мне страх, поганец! Ты заставил меня на одну секунду бояться тебя! Сука, сволочь, мерзавец! Как же я тебя ненавижу! Чтоб тебе провалиться, гнида еврейская! Тогда я покажу тебе сейчас, кто есть кто!

- Это решение требует проработки, Сергей Михайлович, - Корзинкин сразу же обрел уверенность и свой обычный начальственный тон. – Мне необходимо время для того, чтобы изучить этот вопрос.

Корзинкин не сомневался в том, что сейчас Сергей, по своему обыкновению, немедленно согласится с его решением. Но реакция Сергея на этот раз оказалась иной.

- Вы уж меня извините, Сергей Орестович, - вежливо, но твердо произнес Сергей. – Но такой ответ меня в данный момент не устраивает. Дело в том, что если я сегодня не дам руководству этой организации положительный ответ, а завтра, соответственно, не выйду на работу, то эта вакансия будет упущена, поскольку на нее претендует еще один кандидат. Кроме того, ситуация усугубляется тем, что мне сегодня же до обеда необходимо исправить запись в больничном листе – иначе придется ждать до конца недели. Просто главный врач уйдет после обеда – вот и все. Следовательно, к сожалению, необходимо решить вопрос немедленно. Поэтому, если мы с вами не решим вопрос прямо сейчас, то тогда я не смогу устроиться на это место. Следовательно, я не могу оставаться безработным. А отсюда следует неумолимый вывод: в таком случае я свое заявление на увольнение аннулирую. Тогда я остаюсь работать в институте в том же качестве, что и раньше. И, разумеется, в этом случае буду разбираться в причинах своего увольнения и во всем прочем. Вам это надо?

Корзинкин чуть не задохнулся от бешенства.

- Вы что же, Сергей Михайлович, решили мне угрожать? – спросил Корзинкин, скрежеща зубами от злости. – Вы сами понимаете, что вы мне сейчас говорите?

- Прекрасно понимаю, - усмехнулся Сергей. – И упаси меня Господь от того, чтобы вам угрожать или тем более – шантажировать! Да у меня и мыслях этого не было! Это не угрозы, поймите меня правильно, Сергей Орестович: это всего лишь изложение реального положения дел. Мне необходимо уволиться сегодня, для того, чтобы завтра приступить к работе – вот и все, при чем же тут угрозы? Данная работа мне гораздо более выгодна, чем работа в институте. Ну, а вам выгодно, чтобы я как можно быстрее убрался из института. Так что, в этом вопросе наши с вами интересы полностью совпадают. Поэтому я прошу лишь одного: подписать мне мое заявление, - правда, с учетом тех обещаний, которые вы же мне и дали, вот и все.

Сергей уже давно привык общаться с Корзинкиным, как с больным идиотом. Поэтому данный разговор искренне его позабавил.

Корзинкин в свою очередь, убаюканный неторопливыми и рассудительными речами Сергея постепенно успокоился. Он слишком привык за два года относиться к Сергею, как к половой тряпке, о которую всегда можно без стеснения вытереть ноги. Он свыкся к мысли, что Сергей не достоин считаться в его глазах человеком, что Сергей – это некая аморфная масса, с мнением и чаяниями которой нет необходимости считаться. Поэтому подобное собственное решение Корзинкин воспринял, как нечто само собой разумеющееся, а возражение Сергея – как неслыханную дерзость.

То, во что ты веришь всем своим существом, не так просто сломать в одно мгновение.

В то же самое время Корзинкину больше всего хотелось, чтобы Сергей как можно скорее исчез из его жизни, испарился, провалился – и больше никогда, ни при каких обстоятельствах, он, Сергей Орестович Корзинкин, не вспоминал бы о нем!

Значит, подписать ему это заявление, зажать в зубах свою гордость – и дело с концом!

Но некий червячок сомнения не переставал терзать Корзинкина. Ему смутно, подсознательно казалось, что Сергей что-то замыслил, но он никак не мог угадать этот замысел. И это сомнение наполняло душу Корзинкина некой неясной тревогой.

Корзинкин сделал паузу и задумался. Сергей тоже молчал и с затаенной насмешкой наблюдал за Корзинкиным. В кабинете воцарилось молчание.

- Хорошо, тогда давайте сделаем так, Сергей Михайлович, - сказал, наконец, Корзинкин. – Двадцать минут для вас ничего не решит, так ведь?

Вместо ответа Сергей молча кивнул головой и продолжал смотреть на Корзинкина.

- Отлично, - удовлетворенно произнес Корзинкин. – Тогда зайдите ко мне ровно через двадцать минут. Я почти уверен, что мы все с вами решим к обоюдному удовольствию. Просто мне необходимо кое-что обдумать. Договорились?

- Хорошо, - улыбнулся Сергей. – Через полчаса я буду у вас.

Поднявшись с места, он вышел из кабинета.

Корзинкин тоже поднялся и, держа в руках заявление Сергея, быстрым шагом вышел из своего кабинета.

Заперев кабинет на ключ, он воровато огляделся.

Сергея поблизости не было.

Тогда Корзинкин, вопреки своему обыкновению ходить медленным и степенным шагом, быстро, чуть ли не бегом, подошел к соседней двери и вошел в кабинет.

Это был кабинет финансового директора Алексея Максимовича Трофимова.

Тот сидел за столом и негромко разговаривал с кем-то по телефону. При виде ворвавшегося в его кабинет Корзинкина, он прикрыл ладонью телефонную трубку и вопросительно посмотрел в лицо посетителя.

- Алексей Максимович, - без предисловий начал Корзинкин. – Есть срочный разговор.

И в подтверждение своих слов положил перед Трофимовым заявление Сергея.

- Слушай, тут ко мне люди пришли, - сказал Трофимов своему собеседнику. - Я тебе перезвоню примерно через полчаса.

Он повесил трубку, взял в руки заявление Сергея и погрузился в чтение.

- Ну, вот и славненько! – удовлетворенно произнес Трофимов, закончив чтение. – Значит, все складывается, как по писанному! И в чем же дело? Ты что, сам такой мелкий вопрос решить не можешь?

В голосе Трофимова явно зазвучали нотки насмешки и презрения.

- Да ты понимаешь, Алексей Максимович, - сказал Корзинкин, глядя Трофимову прямо в глаза. - Решить-то я могу и сам, без чьей бы то ни было подсказки, но в данном случае вопрос не такой уж мелкий.

- А что такое? – настороженно спросил Трофимов.

- Во-первых, Гильман требует, чтобы его уволили сегодняшним числом, - начал перечислять Корзинкин. – Причем, немедленно. А, во-вторых, он хочет, чтобы с него списали всю материальную ответственность за всю ту технику, которая на нем числится. А это, брат, немало. Вот я и думаю: нет ли здесь какого-нибудь тайного подвоха? Не задумал ли этот поганец напоследок какую-нибудь пакость?

- Тьфу ты, мать твою за ногу! – в сердцах выругался Трофимов. – Я-то подумал, будто и правда, что-то серьезное случилось! Что ты на пустом месте волну гонишь?

- Не понял, - растерянно сказал Корзинкин. – Ты считаешь, что оборудование на шестьсот тысяч долларов – это мелочи? А если этот ублюдок напоследок спер что-нибудь?

Трофимов посмотрел на Корзинкина с плохо скрываемым отвращением.

- Тогда послушай меня, дружище, - насмешливо процедил Трофимов. – Вся эта наша полная материальная ответственность – это, брат, филькина грамота! И не стоит ни гроша. Существует закон, согласно которому четко и ясно определен перечень лиц, с которыми МОЖНО заключать договора о полной материальной ответственности³¹. И расширению этот список не подлежит. При этом заметь: ни тебя, ни меня, ни даже этого проклятого Гильмана в этом списке нет и в помине. Поэтому можешь сам смело принимать на себя эту материальную ответственность – эта бумажка ничего не стоит. Ну, хочешь – я возьму эту ответственность на себя: ну и что же? А теперь сам подумай и рассуди здраво. В институте все работает? Работает. Жалобы есть? Пока нет. Значит, в целом основное оборудование на месте. Пока Гильман работал на своем месте и ни о чем не догадывался, то воровать оборудование было не в его интересах. А после своего ухода он больше в институте не появлялся. И что из этого следует? Значит, максимум, что он мог сделать – это украсть несколько ничего не значащих деталей. Ну и что же? Сколько они в совокупности стоят? Ну, допустим, тысячу долларов. И что с того? Да после любой инвентаризации мы их без проблем спишем. И чем ты рискуешь, приняв на себя материальную ответственность? Да абсолютно ничем! Теперь пойдем дальше. Что он еще может напоследок накуролесить? Влезть в сеть и что-то там натворить? Но тогда он уже пойдет по уголовной статье! Но чтобы тебе было спокойнее, прикажи этому своему Стасу, чтобы он заблокировал доступ Гильмана в сеть – вот тебе и вся недолга! Ты пойми простую вещь: Гильман понял, что в этой войне ему не победить! Это мы победили! Мы с тобой заработали по полтора миллиона долларов на брата! И Гильман уже ничего не докажет! Давай рассуждать логично. Он был опасен до тех пор, пока здесь работал, потому что был единственным человеком, который мог вскрыть те откаты, которые мы с тобой получали в «Комплект-Юните». Но после своего увольнения он нам уже не страшен. И что дальше он может сделать? Допустим, он подаст в суд на твоего родственничка за то, что он и два его приятеля его избили. И что с того? Мы-то с тобой тут, с какого боку замешаны? Мы тут совершенно ни при чем! Пойдем дальше. Допустим, он раскопал наши с тобой дела с «Комплект-Юнитом». Тут я с тобой согласен: это действительно было опасно: именно поэтому мы с тобой и убрали этого козла с глаз долой, именно поэтому мы все это и затеяли! Но, уволившись, Гильман уже ничего не докажет: Штерн его просто-напросто не примет! Он подаст в суд? Пожалуйста, милости просим! Директор «Комплект-Юнита» будет молчать, как партизан на допросе, ты уж мне поверь! Ведь он не сумасшедший, чтобы свидетельствовать против самого себя! Основную массу денег мы уже получили! И сделали это через посредника, через твоего родственника, который сам – заметь! - ни о чем не догадывался! Так что увольняй своего орла смело – пусть катится ко всем чертям, к едрени матери на быстром катере!

Корзинкин внимательно слушал Трофимова, стараясь не пропустить ни единого слова. Последние слова Трофимова, казалось, убедили его. Вместо ответа он молча кивнул, разложил перед собой заявление Сергея, достал из кармана авторучку и начал медленно выводить свою подпись. Однако рука Корзинкина слегка подрагивала: видимо, он все-таки размышлял о том, что он делает и не кроется ли здесь какого-нибудь подвоха.

- Ну, и молодчина, - удовлетворенно произнес Трофимов, глядя на все происходящее. – А сейчас извини, но мне работать надо.

И вежливо, но настойчиво и бесцеремонно, он подтолкнул Корзинкина к двери своего кабинета.

Корзинкин вышел из кабинета Трофимова и огляделся. Сергей уже стоял возле кабинета Корзинкина и выжидательно смотрел на своего бывшего шефа. Вместо ответа Корзинкин протянул Сергею подписанное заявление.

³¹ Речь идет о Постановлении Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 31 декабря 2002 г. № 85 «Об утверждении перечней должностей и работ, замещаемых или выполняемых работниками, с которыми работодатель может заключать письменные договоры о полной индивидуальной или коллективной (бригадной) материальной ответственности, а также типовых форм договоров о полной материальной ответственности». Согласно этому постановлению действительно определен перечень лиц, с которыми можно заключать договора о полной материальной ответственности и расширению этот список не подлежит. (Прим. Автора)

Сергей прочитал резолюцию:

«Отделу кадров. Уволить с сегодняшнего числа. Материальную ответственность за оборудование принимаю на себя».

- Вы удовлетворены, Сергей Михайлович? - услышал над ухом Сергей высокомерный голос Корзинкина.

- Да, вполне, - спокойно произнес Сергей. – Надеюсь, вы тоже остались довольны.

Произнеся эти слова, Сергей развернулся и, не попрощавшись и даже не взглянув на Корзинкина, направился в отдел кадров.

Все формальности заняли не более получаса.

Он вскоре вышел оттуда, держа в руках трудовую книжку с заветной записью:

«Уволен по собственному желанию».

Выйдя из здания института, Сергей убрал в карман джинсовой куртки трудовую книжку. Подставив лицо осеннему яркому солнышку, он довольно и слегка загадочно улыбнулся.

Глава 16. Смертельный удар

Чем нравом кто дурней,
Тем более кричит и ропщет на людей:
Не видит добрых он, куда ни обернется,
А первый сам ни с кем не уживется.

И.А. Крылов. 1813

Спустя неделю после описанных событий около полудня в кабинете генерального директора института Александра Леопольдовича Штерна раздался телефонный звонок.

- Александр Леопольдович, - раздался в рубке низкий голос Леры. – Вас Колотунин хочет услышать.

- Давай, - коротко и лениво ответил Штерн.

Он поднес к уху телефонную трубку.

- Я вас категорически приветствую, Александр Леопольдович, - раздался в трубке рокочущий бас заместителя директора головного предприятия Виталия Ивановича Колотунина, с которым Штерна связывали теплые дружеские отношения.

- Привет, Виталий Иванович, привет, дорогой, - голос Штерна излучал добродушие и искреннюю радость. – Рад тебя слышать, дружище!

- Слушай, Александр Леопольдович, - произнес Колотунин. – Мне тут на досуге твой сайт показали. Ну что могу сказать – ты, конечно, молодец!

- Стараемся, Виталий Иванович, стараемся, - довольно улыбнулся Штерн. – Ну а что же вы хотите – сейчас время такое: каждая солидная организация должна иметь свое представительство в Интернете!

- Да я уж вижу! – уважительно промолвил Колотунин. – И ты вдвойне прав: сейчас такое время, когда с помощью информационных технологий можно очень многое сделать! Вот ты и сделал, просто слов нет! Надо же – за неделю рейтинг сайта вон как взлетел: в первые строчки поисковых систем, о как! Да вот только вопросец один у меня к тебе имеется.

- Какой вопрос? – спросил Штерн, довольно улыбаясь.

- Ты часом местом работы не ошибся? – спросил Колотунин на этот раз уже серьезно. – Ты ничего не перепутал?

- Ты это о чем, Виталий Иванович? – озадаченно спросил Штерн. Он в самом деле ничего не понимал.

- Ты не забыл, что работаешь генеральным директором проектного института, а не гей-клуба? – ядовито спросил Колотунин. – Нет, разумеется, твои сексуальные предпочтения – это твое личное дело: я в это вмешиваться не собираюсь, трахайся, с кем хочешь и где хочешь. Но зачем все это грязное белье напоказ выставлять-то, а?

- Не понял, - растерянно пробормотал Штерн. – Вы это... сейчас что имеете в виду, Виталий Иванович?

- Что имею, то и введу, – передразнил Штерна Колотунин. – На кой черт ты свои похождения туда выставил? Потом: я сам, конечно, не святой. И водочку пополам с коньячком тоже, как и ты, сильно уважаю. Но на хрена же ты фотографии нашей последней пьянки на сайт поместил?! Тебе что: похвастаться больше нечем? И мою фотку ты на кой хрен туда впиндюрил? Зачем тебе это понадобилось?

Колотунин уже не говорил, а кричал.

- Я не понимаю вас, Виталий Иванович, - Штерн засуетился: впервые в жизни он не понимал, о чем идет речь. – Я месяц назад смотрел наш сайт – там все нормально было...

- Ну, ты красавец! – Колотунин задохнулся от возмущения. – Я теперь вижу, что в свое время сделал ошибку, когда при назначении генерального директора института на тебя, дурака, поставил. Ты ж не контролируешь ситуацию, не видишь того, что у тебя под носом делается. Вся эта байда у тебя на сайте уже неделю болтается! Вся страна уже неделю этим дерьмом любит. Неудивительно, что рейтинги вверх ползут: все хотят лично убедиться, что генеральный директор крупнейшего в стране института – банальный гомик! Ладно, изображения того, как ты каких-то козлов в задницу трахаешь – это твое дело! То, что ты своего заместителя в задницу имеешь – ну это в принципе тоже нормально: имеешь право! Но ты вообще смотрел на то – ЧТО там у тебя на сайте размещено? Ты вообще понимаешь – ЧЕМ это пахнет? Тебя ж, идиота, в порошок сотрут! Учти, я тебя отмазывать не стану – даже и не надейся!

- Виталий Иванович, - голос Штерна начал дрожать. – Я немедленно лично во всем разберусь и через час вам обо всем доложу.

- Доложи, доложи, - язвительно пророкотал Колотунин. – То, что ты доложишь, я не сомневаюсь. Но вот то, что это художество тебе с рук сойдет, я сильно сомневаюсь. Ладно, о чем с тобой сейчас говорить... Разберись – и сразу звони. А пока что – бывай, до скорого!

Колотунин повесил трубку. В его голосе явно сквозила издевка и возмущение.

Штерн включил компьютер. Он плохо разбирался во всех компьютерных премудростях и в случаях, когда в этом возникала необходимость, всегда обращался к своей секретарше, но в этот раз решил сделать все сам. После некоторых безуспешных попыток, он вошел на сайт института и пробежался по ссылкам.

В эту минуту в кабинет вошла Лера Малышева.

- Александр Леопольдович, - начала она и осеклась.

Штерн не отвечал. Глаза его налились кровью. Кровь поднималась по раздутым жилам его бычьей шеи, лицо напрягалось, мышцы сжались от бешеной ненависти, заполнившей его до краев. Лера, как замороженная, смотрела на компьютер, словно оттуда исходили некие неведомые и таинственные волны.

- Александр Леопольдович, - неуверенно повторила Лера.

Штерн поднял голову и посмотрел на нее.

- Пошла на х..., сука, б...дь! – неожиданно заорал Штерн.

Он схватил со стола папку с бумагами – первое, что попало ему под руку – и со всего размаха запустил им в Леру. Та инстинктивно пригнулась, пулей вылетела из кабинета и с шумом захлопнула дверь.

Штерн машинально схватил со стола хрустальную пепельницу и запустил ею уже в закрытую дверь: вдогонку Лере. Пепельница с грохотом и звоном разлетелась на множество сверкающих осколков. Затем снова уставился в экран. Глаза его яростно сверкали, потом помутнели от бессильной ненависти.

Впрочем, было, от чего прийти в ужас.

Внешне сайт остался точно таким же, как и задумывался изначально. Правда, на главной странице логотип института несколько изменился: вместо привычного названия «НИИГАЗ» красовалась надпись: НИИ «Унитаз». Вместо газовой горелки радужный голубой огонек вырывался из веселенького унитаза в игривый голубой цветочек.

Но это было далеко не самое страшное: стоило перейти по любой ссылке, то зрелище открывалось поистине незабываемое.

В разделе, посвященном руководству института, на самом видном месте красовалась фотография Штерна в полном неглиже. На следующих фотографиях были запечатлены половые акты Штерна с каким-то мужчиной. Лица пассивного партнера Штерна не было видно, но Александр Леопольдович не сомневался в том, что это был Стас. Наверняка, кто-то сделал эти снимки в клубе «Инмэн»: Штерн сразу же узнал это по внутреннему интерьеру помещения. На следующем фото был изображен Корзинкин в момент совокупления со Штерном. Не узнать обоих участников этого пикантного процесса было просто невозможно! Фотографии остальных заместителей Штерна, хотя и были в одежде, но, тем не менее, выглядели не менее живописно. Очевидно, эти фотографии были взяты с какой-то корпоративной пьянки, потому что вид был потрясающий. Корзинкин красовался в совершенно пьяном виде, с идиотски ухмыляющейся физиономией и корчил идиотские рожи. На другой фотографии тот же Корзинкин валялся весь в грязи, уткнувшись мордой в салат. Административный директор Толкунов, будучи не намного трезвее окружающих, нагло лез под юбку Лере. Да, неведомый папарацци потрудился на славу: все фотографии из серии «садо-мазо-скотоложество» или «топ-менеджмент института на лоне природы» были отличного качества. Не узнать любого из высших руководителей института было просто невозможно!

Раздел «О фирме» поверг Штерна в состояние глубочайшего шока. Мало того, что неведомый вредитель выложил на всеобщее обозрение номера счетов института и копию текущего баланса: это, в конце концов, открытая информация. Но кроме этого на самом видном месте красовались номера расчетного и дебетового счетов самого Штерна и высших руководителей института. Пройдя по ссылке «Контакты» Штерн увидел, что списки паролей и соответствующие им адреса электронной почты, а также номера кредиток и пароли к ним оказались также доступны любому желающему.

- Ни хрена себе, - покрутил головой ошарашенный Штерн. – Бляха муха, япона мать... Это какая же сволочь устроила подобное?

Когда же Штерн увидел имена, телефоны и электронные адреса директоров своих собственных оффшорных компаний на Кипре и отсканированные копии паспортов топ-менеджеров института и виз со всеми конкретными датами, у него закружилась голова. Он зажмурился, словно старался прогнать от себя как можно дальше это страшное видение. В эту минуту ему больше всего на свете захотелось, чтобы все происходящее оказалось просто сном, дурным сном, который сейчас исчезнет, растворится. Ну, конечно же, такого просто не может быть! Надо только покрепче зажмуриться... Нет, не так: надо еще крепче. А потом резко открыть глаза – и все исчезнет. Ну, давай же, просыпайся, сукин ты сын! Убирайся прочь, проклятое наваждение, уйди в небытие! Я просыпаюсь, просыпаюсь, ПРОСЫПАЮСЬ!

Мысли Штерна прервал телефонный звонок. Словно в полусне, он снял трубку.

- Алло, Александр Леопольдович, я тебя приветствую, - раздался в трубке голос Антона Исаева.

Внутри у Штерна что-то оборвалось. Исаев был куратором института из ФСБ, но на самом деле, попросту говоря, банальной «крышей». Так, значит, и он уже увидел эту пакость.

- Слушаю тебя, Антон Юрьевич, - Штерн попытался изобразить в голосе радушие, но у него это плохо получилось. – Сколько лет, сколько зим...

- Слушай внимательно, Шура, а не сношай мне мозги, - грубо перебил Штерна Исаев вместо обычного приветствия. Он сразу же заговорил резко, и этот жесткий недружелюбный тон моментально вернул Штерна в реальный мир. – Я, понимаешь, сейчас смотрю сайт твоей гребаной богадельни и нахожусь в мучительных раздумьях: сразу тебя пристрелить или же дать тебе немного помучиться и продлить удовольствие? Ты вообще как: от природы такой чудак на букву «м» или ты так искусно прикидываешься и косишь под порядочного человека?

- А что такое? – Штерн из последних сил попытался изобразить в своем голосе оскорбленное удивление. – Что тебе на нашем сайте так не понравилось?

- Что не понравилось? – Исаев расхохотался. – Нет, это просто потрясающе! Слушай, Александр Леопольдович, а ты свой сайт хотя бы иногда просматриваешь? Ты когда последний раз туда заглядывал?

- Честно говоря, неделю назад смотрел, - Штерн из последних сил изобразил в голосе искреннее недоумение. – Ты толком объясни: что там такого нехорошего, что вызвало у тебя такое возмущение. Ты только скажи – мы сразу исправим.

- То, что ты исправишь, я в этом ни на секунду не усомнился, - ядовито ответил Исаев. – И в том, что ты кретин, я теперь тоже убежден. Твою в бога душу мать – ты, вообще хотя бы иногда вникаешь в дела своей конторы?! Ты что же, гомик гнойный, делаешь?! Ты что творишь, страус беременный?!

Штерн не нашел, что ответить

- Короче, будет так, - Исаев сменил тон: теперь он говорил сухо, коротко и жестко. – Просмотри свой хренов сайт повнимательнее – это тебе вместо клизмы для мозгов будет. С перчиком и пургеном одновременно. И чтобы к концу дня это все гребанное безобразие я больше никогда в жизни не видел. Разбирайся, как хочешь, но даю тебе задание: всю эту погань немедленно убрать. Иначе – сам понимаешь. А когда уберешь – вот тогда потом мы с тобой разговаривать будем, и выясним: откуда у тебя такой компроматик и на кой ляд ты его собирал, придурок лагерный! И то – КАК мы с тобой будем беседовать – это уж от тебя зависит: насколько быстро ты всю эту хрень уберешь и какие объяснения своим действиям ты нам предоставишь. Впрочем, нет... Погоди-ка... Нет, ты пока что ничего не убирай. Через полчаса к тебе придет от меня один человек и он сам во всем тут разберется.

- Человек, - растерянно повторил Штерн. Даже сидя в кресле, он почувствовал, что колени его задрожали. К горлу противной волной подкатил страх. – А... это... зачем?

- Затем, что после всего этого содома тебе, барану, веры нет ни на грош! – жестким тоном ответил Исаев. - Да, заплатишь ему столько, сколько он тебе скажет – и без фокусов тут. Он тебе все скажет, что надо делать. А с тобой я потом поговорю: после того, как он мне все материалы представит. Тогда и решим, что с тобой, козлом, делать будем. Я все сказал.

И в трубке раздались короткие гудки.

Штерн снова зажмурился и несколько секунд сидел не шевелясь. Но когда он воровато приоткрыл глаза, видение не исчезло. Более того, опасно ткнув в ссылку «Деятельность института», генеральный директор почувствовал, что кресло под ним зашаталось. Потолок потерял свои четкие очертания и поплыл куда-то вдаль, словно табачный дым. Шум за окном превратился в неясный и далекий гул.

В этом разделе был список файлов. Но при первом же внимательном взгляде на этот список, Штерн понял, что это был его приговор. Приговор окончательный, бесповоротный и не подлежащий обжалованию. Это была высшая мера.

Там был список файлов компромата на местную администрацию и губернатора, фамилии тех кто, берет взятки в местном ФСБ с их фотографиями, а также суммы взяток и конкретные даты их выплат.

Ну, и тому подобные другие «невинные» мелочи.

В разделе «Высший менеджмент» информация была еще интереснее – по крайней мере, для самого Штерна. Это был полный перечень договоров и откатов по этим договорам: всем заместителям Штерна, включая и его самого. С конкретными датами и фирмами – вплоть до номеров платежных поручений. И конкретные суммы выплат наличными деньгами.

Эта информация произвела на Штерна эффект холодного душа и удара кувалдой одновременно. Он едва не подавился собственным бешенством. То, что сам Штерн имел с помощью откатов огромные деньги, это для него самого новостью не было. Он считал это, как нечто само собой разумеющееся.

За годы руководства институтом, несмотря на то, что фактическими его владельцами были люди из Москвы, Александр Леопольдович привык смотреть на организацию, как на свою собственность. И тот факт, что с огромного строительства полигона института ему в карман стекались громадные деньги, в глазах Штерна было нормальным явлением. Он искренне не считал, что совершает нечто предосудительное. По сравнению с этими деньгами те откаты, которые взяли себе Корзинкин с Трофимовым, были, словно капля в море. И Штерн считал это нормальным. Но теперь сам факт того, что кто-то кроме него позволил себе то же самое, поразили Штерна до глубины души.

Он счел это воровством из собственного кармана.

Штерн смотрел на экран компьютера и видел его словно в перевернутой бинокль. Хотя Александр Леопольдович знал, что стоит ему просто протянуть руку, и он сможет дотронуться до монитора, пощупать клавиатуру, мышку, но иллюзия была полной. Компьютер со страшной информацией находился где-то далеко-далеко. Как будто он стоял не рядом с ним на шикарном столе, а на другом конце света. Но Штерн очень хорошо его видел. Генеральный директор еще не мог проанализировать всю ситуацию с самого начала, но подсознательно уже понимал, что где-то допустил серьезный промах...

Где же именно?!

Звук очередного телефонного звонка разорвался в мозгу Штерна, словно граната. Череп сдавило словно обручем, перед глазами поплыли круги. Будто бы замороженный, Александр Леопольдович смотрел на телефонный аппарат, как будто оттуда исходили неведомые и невидимые волны, гипнотизирующие его, Штерна, как удав кролика. Словно сомнамбула, он машинально протянул руку и взял трубку.

- Слушаю, - Штерн отчаянно, из последних сил, пытался унять в голосе предательскую дрожь.

- Привет, Александр Леопольдович, - раздался в трубке приятный низкий мужской голос. – Рад, конечно, тебя слышать, но разговорчик к тебе имеется деликатный, серьезный и, полагаю, не совсем для тебя приятный.

- Привет, Матвей Ильич, - ответил Штерн. В его голосе уже звучала унылая безнадежность: звонил прокурор области Руденко. – Чем могу помочь?

- Да уж и не знаю, как сказать, - добродушно промолвил Руденко. – Ты только мне сразу скажи: может, я тебя когда-то в прошлом обидел чем-нибудь? Или ты на место нашего губернатора метишь?

- А что такое? – спросил Штерн. Он сразу все понял: в прокуратуре тоже просмотрели этот проклятый сайт. Все, теперь уже нет выхода. Теперь уже точно конец.

- Да тут, понимаешь, наши ребятишки сайт твоего института просмотрели, - ответил Руденко. – А когда посмотрели, то не на шутку и весьма удивились.

- Извини, Матвей Ильич, - твердо ответил Штерн. – Мне уже позвонили и мы сейчас с этим разбираемся. Честное и благородное слово тебе даю: это не моих рук дело. Кто-то наш сайт взломал. Все это монтаж, подтасовка фактов, ложь и клевета чистой воды, честное слово! Во всем этом нет ни слова правды, мамой тебе клянусь!

- А вот тут ты по большому счету, Александр Леопольдович, не совсем прав! – засмеялся Руденко. – Я, как только увидел все это безобразие, то сразу же дал задание своим ребятишкам проверить все эти материалы на подлинность. И выводы получились совершенно однозначные и

весьма любопытные: все эти материалы абсолютно подлинные, ты уж мне на слово поверь! Все правда: от первой до последней буквы. Каждая фотография - подлинная, в этом вопросе ты можешь несколько не сомневаться! Хотя, в принципе, мне по большому счету совершенно безразлично: с кем и когда лично ты трахаешься! Сношай ты хоть трипперных игуанодонов – это, брат, твое интимное и сугубо личное дело! Лично ты не в моем вкусе – наверное, с годами теряешь сексапильность, ну, да с этим уже ничего не поделаешь: годы, братец ты мой, годы! Поэтому я на твою честь и задницу не претендую: не переживай и не надейся, дружище.

В голосе Руденко звучала явная издевка.

- С другой стороны, я не исключаю, что к тебе могла попасть такая информация, - продолжал Руденко. – В конце концов, ведь не на необитаемом же острове мы живем, в самом-то деле! Но ведь ты, Александр Леопольдович, мужик-то вроде бы неглупый и должен понимать, КАК с такой информацией надо обращаться! Хранить такие вещи, мой сладкий, надо гораздо более тщательно, нежели ты оберегаешь невинность своей нежно любимой дочери!

Руденко перевел дух и сделал короткую паузу. Штерн молчал: его горло словно перехватила невидимая петля. Слова куда-то разом улетучились, перед глазамиплыли багровые круги, пульс в висках бешено стучал и каждый удар сердца отдавался в мозгу Штерна, словно стук метронома, отсчитывающего последние минуты его успешной, но – увы! – уже прошлой жизни.

- Поэтому вот то, что ты ненужную информацию у себя на сайте разместил – это, родной ты мой цыпленок, сделал большую ошибку, - на этот раз голос Руденко выражал осуждение и сожаление. – Поэтому, давай, дорогой, мы так с тобой договоримся. Ты дай команду своим архаровцам, чтобы всю эту ерунду они убрали как можно быстрее. А завтра я тебя жду у себя в кабинете, и мы с тобой спокойно и тихо потолкуем. И вместе подумаем: что теперь с этим со всем делать? Ну, и с тобой что теперь делать заодно... Плюс ко всему ты мне, кстати, объяснишь: откуда у тебя такая информация, кто тебе ее дал и для каких таких загадочных целей ты ее у себя на компьютерах хранил в открытом доступе? Договорились, мой хороший?

- Ага, договорились, - машинально ответил Штерн.

- Ну, вот и умница! – удовлетворенно проворковал Руденко.

И в трубке раздались короткие гудки.

Штерн некоторое время тупо держал телефон в руке. Посмотрев на свои дрожащие руки, он повесил трубку и чисто механически провел ладонью по лицу, ошупывая его, словно слепой. Компьютер и вся обстановка в кабинете вновь оказался на месте, рядом, но все было уже каким-то иным. Все это было из того, другого мира, который остался за невидимой чертой времени, навсегда отделившей его, Александра Леопольдовича Штерна от красивой и стабильной, но теперь уже прошлой жизни.

И весь этот ужас усугублялся осознанием собственного бессилия. Исаев запретил ему что-либо предпринимать. Он даже не мог дать команду немедленно убрать эту убийственную информацию и теперь, словно приговоренный к смертной казни, он должен сидеть и ждать, когда явится этот таинственный «человечек» с непонятными полномочиями. Что он будет делать? Исследовать, кто все это сделал? Или же просто достанет пистолет и пустит ему, Александру Леопольдовичу Штерну, пулю в висок, имитируя самоубийство?

Штерн открыл ящик стола, вынул оттуда сигару. Взяв в руки нож, он отрезал кончик дорогой сигары и закурил. Потом встал, подошел к бару. Открыв дверцу, он достал початую бутылку дорогого виски, налил себе бокал и, отхлебнув, вернулся на свое привычное место.

Лень и истома охватили его, он не мог заставить себя думать, анализировать, искать ошибку и выход. Он снова взял в руку бокал и сделал большой глоток.

Что же теперь делать?

Он пришел к финишу.

Либо немедленно удалить эту страшную информацию со всеобщего обозрения и впоследствии осторожно выяснить: кто, кроме Колотунина, Исаева и Руденко видел эту информацию – либо самоубийство. Третьего не дано.

Он вспоминал.

Шикарная квартира. Огромная дача с широкими деревянными лестницами. Сад, лужайка перед домом. Дочка играет в песочнице. На изящном столике в тени винограда составлены бутылки с элитными напитками и его любимые сигары. Рядом сидит он, Александр Леопольдович Штерн в кресле-качалке...

Женщины...

Любовницы...

Достаточно лишь намека, чтобы одежды слетали с самой прекрасной женщины мгновенно...

Все это ему доступно.

Власть... Богатство... Наслаждения...

Это было.

Но где же все это теперь?

Обладая практичным и трезвым умом, Штерн, разумеется, понимал, что размещение такого убийственного компромата на сайте института – это, скорее всего, просто злая выходка какого-нибудь хакера. Если бы его хотели шантажировать, то вряд ли это сделали бы просто так, без предупреждения, без переговоров. Если бы это был бы шантаж, то, по крайней мере, неизвестный шантажист вначале позвонил бы и потребовал выкуп. С другой стороны, кто же осмелится шантажировать его ТАКОЙ информацией?! Надо быть либо законченным клиническим идиотом, либо очень большим и сильным человеком, чтобы рискнуть играть с такими вещами. Шутка ли: компромат на высших руководителей области, на сотрудников спецслужб!

Таковыми вещами не играют...

Значит, тот, кто все это затеял, просто не знал цену всей этой информации!

А, возможно, напротив: слишком хорошо знал. Следовательно, в этом случае это был целенаправленный убийственный удар с целью разом уничтожить генерального директора.

Штерн сжал кулаки с такой силой, что ногти вонзились в ладони. Словно собрав в кулак всю свою выдержку, все остатки воли, Штерн еще раз внимательно просмотрел материалы на сайте и глубоко задумался.

Кто же может быть заинтересован в том, чтобы такой компромат появился? Штерн знал, что на его место метят многие и в том числе его приближенные – даже те, которых он сам же и вытащил «из грязи в князи». Он перебрал в уме всех своих заместителей. Нет, не сходится. Слишком уж трусливы и ничтожны все его заместители для того, чтобы рискнуть не то что разместить такой компромат в открытом доступе, но даже читать его! Тем более что все они непроходимо тупы в вопросах вычислительной техники и сами, без посторонней помощи осуществить подобную головокружительную операцию просто-напросто не в состоянии. А привлекать еще кого-либо они побоятся!

Нет, конечно, это не его заместители!

А может быть это кто-то извне? Может быть, это московские акционеры? Например, тот же Колотунин? Или кто-то из его окружения?

Нет, тоже маловероятно! Во-первых, на сайте размещена неприглядная информация и про его московское руководство. Не станут же они помещать компромат на самих себя! Во-

вторых, откуда у них столько материалов? Там много такого, что никак не могло попасть к москвичам в руки! Наконец, в-третьих, нет никаких данных о том, что он, Александр Леопольдович Штерн чем-то не устраивает своих московских хозяев. Да и потом: с какой стати? Слишком много лично на него завязано, и убирать его москвичам в настоящее время явно не с руки.

Значит, этот таинственный хакер просто вломился к нему, в его компьютер, украл материалы и, не разбираясь, выложил их на всеобщее обозрение, блин!

Но если то, что сказал Колотунин – информация висит на сайте института уже неделю! - значит, все этот кошмар уже видели.

Штерн всегда считал себя опытным интриганом и умелым кукловодом. Он всегда вертел людьми так, как ему это было выгодно, не считаясь ни с кем и ни с чем. Чужие судьбы, переживания и чаяния других людей никогда его не интересовали. Двуличный и скрытный, он всегда избавлялся от неугодных ему людей чужими руками. Но в то же самое время он был типичным руководителем так называемого «советского типа». Он испытывал какое-то внутреннее сопротивление, отвращение к компьютерам, считал явно ниже своего достоинства самому работать с компьютером, создавать и редактировать документы.

Но сейчас его подставили, растоптали, стерли в порошок с гениальной простотой, с пугающей легкостью, уничтожив в одно движение всю его предыдущую жизнь. И Штерн никак не мог понять: кто? Почему? Зачем?

Кому все это выгодно?

Он знал, что хакеры – это те, кто ищет пути вторжения в компьютерную систему или выводит ее из строя. Штерн читал, что хакерами чаще всего становятся мужчины в возрасте от шестнадцати до тридцати пяти лет, одинокие, образованные и обязательно технически грамотные: они прекрасно осведомлены о работе компьютеров и сетей.

В прошлом Штерн часто морально уничтожал людей, мешая их с грязью. Каждый раз на эти операции ему требовалась серьезная подготовка и немалые средства. Но теперь его уничтожили с детской непосредственностью и пугающей легкостью – причем, таким способом, который Штерну никогда даже в голову не приходил.

И это осознание того факта, что он, - Александр Леопольдович Штерн, генеральный директор института, доктор технических наук, лауреат разных престижных премий, богатый человек, опытный управленец – обманут, как мальчишка, каким-то неизвестным сопляком, без связей, без положения в обществе, без денег, разом лишило всей его железной воли и обратило в полнейшее ничтожество.

Штерн разом обессилел. Он не знал, что предпринять. Не видел пути решения проблемы. Он даже не испугался: он просто опустил руки.

Значит, никакого выхода у него нет.

Получается, ему остается одно: самоубийство.

Ибо обнародование подобного компромата ему никто и никогда не простит. Уж лучше самому пустить себе пулю в лоб, перерезать вены, принять яд, выброситься из окна, повеситься, утопиться, чем сидеть и ждать, когда откуда-то прилетит неведомая пуля, предназначенная персонально ему.

Впрочем, может быть, его и не станут сразу убивать. Возможно те, кто пожелает ему отомстить за обнародование такого убийственного компромата, приберегли для него нечто такое, что на самом деле окажется страшнее смерти...

Но в ту же секунду Штерн почувствовал, что каждую клеточку его тела, все его существо наполняет ненависть, жажда расправы и мести.

Нет, один он не отправится на тот свет! Он еще покажет им, сукам, что он, Штерн, не пустое место!

Но кто же это все устроил? Кто заварил эту кашу?

Так, Александр Леопольдович, погоди! Давай рассуждать логично. Пустить себе пулю в лоб ты всегда успеешь, это никуда от тебя не денется! Вначале надо понять: кому и зачем это все было выгодно?

Штерн припомнил все события, связанные с сайтом от начала и до конца.

Кто занимался сайтом? Вначале это поручили начальнице отдела документации Тамаре Алябьевой. Именно она нашла программистов, которые сделали этот сайт: какая-то фирма... Как же она называется? Хоть убей – совершенно не помню, вылетело из головы... Ладно, это все совсем нетрудно уточнить. Но все это было сделано год назад.

А что было потом?

Потом договор с этой фирмой расторгли и сопровождение сайта отдали...

Кому отдали?

Кто же здесь отвечал за поддержание его работоспособности?

Корзинкин!

В ту же секунду Штерн все понял. Картина преступления предстала перед ним с пугающей простотой и предельной ясностью.

Он все понял.

Ну конечно: это же старый козел, тупой, безмозглый и никчемный придурок Корзинкин! Это же его подчиненные занимались информационным наполнением сайта! И этот убудок вместе с его, Штерна родственником обворовали институт! Нет, не институт, а лично его, Александра Леопольдовича Штерна!

Ладно, сейчас разберемся!

В прочем, погоди, торопиться ни в коем случае нельзя! Корзинкин ни в коем случае не должен знать о том, что на сайте размещена такая информация. Иначе этот кретин станет суетиться и натворит массу ненужных глупостей. А доверять этому барану уже нельзя. Но вот то, что эта сволочь украла деньги – вот этот факт можно использовать!

Штерна захлестнула волна ярости. Ничего, как поступят с ним самим – это еще большой вопрос, это дело будущего. Но вот то, что он Корзинкину и Трофимову устроит «веселую» жизнь, которая будет во сто крат хуже смерти – это он, Штерн, гарантирует!

Штерн всегда считал себя – впрочем, далеко не без основания! – мастером аппаратной интриги. Обладая огромной властью, большими деньгами и, соответственно, немалыми возможностями, он умел уничтожить человека, растоптать, стереть в порошок! И иногда он именно так и поступал. Муки совести, сострадание – все эти простые человеческие чувства – были чужды Штерну. Он никогда не задумывался о том, что может чувствовать другой человек. Соразмерны ли его действия тому, что человек совершил? Справедливо ли он поступает?

Будучи от природы неглупым человеком и обладая трезвым умом и богатым жизненным опытом, Штерн, развращенный раболепием окружающих, властью, сосредоточенной в его руках, с годами окончательно утратил связь с реальностью. Он совершенно искренне стал считать себя кем-то вроде Бога, полагая, что все, что делает Он, то правильно и справедливо.

Как же теперь ему следует поступить с этими двумя продажными и подлыми стервецами, обманувших его доверие?

Убить к чертовой матери? Можно... И это будет правильно!

Нет, не так! Это будет правильно, но слишком легко и просто! От пули, яда или ножа чересчур легкая смерть! А Штерн до боли в затылке хотел видеть мучения Корзинкина и Трофимова, наслаждаться видом нечеловеческих пыток этих людей, которых он уже ненавидел всеми фибрами своей души!

Уволить? Выгнать с «черной меткой» - чтобы никуда больше не взяли?

Тоже нет: это слишком слабое наказание! Они наверняка смогут устроиться в другое место и при этом оставят деньги себе!

Посадить? Подставить их так, чтобы против них было возбуждено уголовное дело?

Неплохо... Тем более, что после таких фотографий Корзинкину на зоне место «возле параша». Он там будет вечным опущенным, «петухом».

Но хочется наказать их сильнее. Больнее...

Наказать надо так, чтобы они мучились, страдали, чтобы прокляли тот день и час, когда посмели обмануть его, Штерна, доверие!

Деньги! Вот где их слабое место! Ну что ж, значит, ударим туда, куда будет больнее всего! И так, чтобы всю оставшуюся жизнь они мучились!

Штерн открыл ящик стола и достал толстую папку с документами. Достав оттуда несколько листов бумаги с напечатанной информацией, он водрузил на нос очки и погрузился в чтение. Через несколько минут, Штерн оторвался от своего занятия, снял очки и задумался, сосредоточенно уставившись в окно.

Он не шевелился: казалось, в дорогом кожаном кресле сидит статуя.

Спустя некоторое время, Штерн медленно повернул голову и перевел взгляд на бумаги. Потом он еще раз взглянул на экран монитора и зловеще улыбнулся. Открыв ящик стола, он достал оттуда записную книжку и принялся сосредоточенно листать ее. Найдя нужную запись, он сделал пометку в своем календаре.

У него уже созрел план мести.

Остается неясным только одно: кто же тот таинственный хакер, который все это устроил? Ну, ничего, он и это рано или поздно выяснит. И тогда уж наверняка придумает – как с ним поквитаться!

Штерн резким движением с остервенением схватил телефонную трубку.

- Слушаю, Александр Леопольдович, - послышался дрожащий от обиды испуганный голос Леры.

- Сходи к Корзинкину, - Штерн старался говорить бесстрастно и спокойно, но его голос дрожал от плохо скрываемого злого торжества и радости от предвкушения наслаждения предстоящей расправой. – И возьми у него абсолютно все материалы по тому делу, которое я ему поручал неделю назад – он в курсе дела и знает, о чем идет речь! Если материалов у него нет – пускай ищет их, где хочет: это его проблемы! Но у меня все эти данные должны лежать на столе не позднее, чем через пятнадцать минут. Как принесешь мне эти бумаги – можешь на сегодня быть свободна. Все!

Не дождавшись ответа Леры, он изо всех сил швырнул трубку и в бессильной злобе разразился потоком мерзкой нецензурной брани.

- Твою мать, - пробормотал Штерн. Он сжал пальцами авторучку с такой силой, что она сломалась пополам, словно тонкая соломинка. – Ну ладно, твари, вы у меня сейчас попляшете. Прибью...

И, словно в ответ на его мысли, дверь кабинета Штерна открылась, и на пороге появился невысокий молодой человек. Он был невероятно худым с крупной лысеющей головой. В руках у вошедшего была кожаная сумка. Одет он был неброско.

- Здравствуйте, Александр Леопольдович, - без обиняков произнес вошедший. – Меня зовут Юдин Игорь Александрович. Меня к вам направил Антон Юрьевич Исаев. Я эксперт.

Глава 17. Экспертиза

Не презирай совета ничьего,
Но прежде рассмотри его

И.А. Крылов. 1814

- Да, я уже знаю, - сказал Штерн, буравя взглядом вошедшего. – Мне уже звонили. Проходите, садитесь.

Юдин подошел к столу Штерна и сел напротив него. Открыв сумку, он достал из нее записную книжку, авторучку и положил их перед собой.

- Я в общих чертах в курсе ваших проблем, Александр Леопольдович, - произнес Юдин. – Я специалист в области компьютерной безопасности и моя задача – найти злоумышленника, а также слабые места в вашей защите. Для этого мне необходим компьютер, подключенный к вашей сети, а также, весьма желательно, чтобы было выполнено два условия.

- Какие? – коротко спросил Штерн.

- Во-первых, мне необходимо, чтобы никто в это время мне не мешал, - ответил Юдин. – И второе условие. Необходима полная конфиденциальность моей работы. Нельзя, чтобы кто-либо из сотрудников – кроме вас, разумеется! - узнал о содержании моей деликатной миссии. Вы меня понимаете?

- Я понимаю, - кивнул головой Штерн. – Это мы без проблем обеспечим. Ваше рабочее место будет за столом моей секретарши. Там вас никто не побеспокоит. На телефонные звонки не отвечайте. Что же касается второго вашего условия, то в этом вы можете быть совершенно уверены: никто ничего не знает – кто вы, откуда вы, зачем вы здесь и что вы тут делаете. Что-нибудь еще от меня нужно?

- Пожалуй, нет, - ответил Юдин. Он сделал движение, чтобы подняться, но Штерн остановил его повелительным движением руки.

- Сколько вам на это понадобится времени? – спросил Штерн. – Я имею в виду следующее: когда вы сможете назвать мне имя злоумышленника?

- Сейчас пока что трудно сказать, - задумчиво протянул Юдин. – Полагаю, что два-три дня мне на это потребуется. Впрочем, погодите: насколько мне известно, ваши специалисты проводили какие-то исследования? Это так?

- Да, это так, - утвердительно кивнул головой Штерн. – Эти материалы мне должны принести с минуты на минуту.

- Кто проводил эти исследования? – спросил Юдин. – Впрочем, меня сейчас интересует не сколько фамилия этого человека, сколько его профессиональная квалификация.

- Я поручил это своему заместителю, - ответил Штерн. - По его заданию это делал наш системный администратор, который неделю назад уволился. Об уровне его профессиональной квалификации я судить не берусь: я не программист. Но по слухам, говорят, что он неплохой специалист.

- Тогда есть большая вероятность того, что мы сможем ответить на этот вопрос гораздо раньше, - бесстрастно ответил Юдин. – Мне надо посмотреть эти материалы.

Будто услышав последнюю фразу, дверь открылась и в кабинет Штерна вошла Леша, неся в руках толстую папку с бумагами. Она опасно приблизилась к Штерну и дрожащей рукой протянула ему папку с документами.

Глаза у нее были заплаканные.

Штерн, не обращая ни малейшего внимания на состояние Леры, взял в руки папку, протянул ее Юдину и коротко бросил через плечо:

- Можешь на сегодня быть свободна.

На Леру он даже не взглянул.

- Это те документы или не те? – спросил Штерн, когда дверь его кабинета оказалась закрытой за Лерой.

- Очень и очень похоже, что те, - задумчиво пробормотал Юдин, листая бумаги и делая в них какие-то непонятные Штерну пометки. – Во всяком случае, мне необходимо кое-что проверить и если то, что изложено в этих бумагах, соответствует действительности, то есть большая вероятность, что свои исследования я закончу сегодня к вечеру и смогу назвать вам имя злоумышленника.

- Отлично, - удовлетворенно крикнул Штерн. – Тогда приступайте.

- В таком случае, Александр Леопольдович, нам с вами осталось обсудить последний вопрос, - негромко сказал Юдин.

- Что за вопрос? – спросил Штерн.

- Размер моего гонорара, - ответил Юдин и испытующе посмотрел на Штерна.

- Сколько вы хотите? – деловито спросил Штерн.

Юдин сделал паузу. Достав из кармана платок, он протер очки.

- Тысячу долларов, - негромким, но твердым тоном ответил Юдин.

Штерн возмутился. Тысячу долларов за работу, которая продлится максимум два-три дня?! Ни хрена себе! Что этот червяк о себе возомнил? Ему и трехсот долларов хватит за глаза! Обнаглели совсем!

Штерн хотел уже возразить и поставить этого нахала на место, но в ту же секунду вспомнил предостережение Исаева.

Нет, эти споры ему сейчас не нужны и дополнительная ругань с Исаевым ему явно не с руки. Черт с ним, пускай подавится этой тысячей! Сейчас важно другое: как можно скорее выяснить, кто этот таинственный хакер. А потом эту тысячу он взыщет с этого ублюдка в десятикратном размере, не будь он Штерн!

- Хорошо, - кивнул головой Штерн, стараясь не выдать своих чувств. – Считайте, что договорились. Вы получите деньги сразу же после того, как назовете мне имя злоумышленника. Но, у меня есть к вам один вопрос или, вернее, условие.

- Я слушаю вас, - Юдин слегка наклонился к Штерну и посмотрел на него своими внимательными глазами. – Какое условие?

- Я надеюсь, что ваша экспертная оценка будет однозначная и никоим образом не двусмысленная, - произнес Штерн. – А также надеюсь, что перепроверять вашу информацию мне не придется. Вы можете мне гарантировать, что ваши выводы будут истинными и точными? Я могу быть уверен, что, если дело дойдет до суда, какой-нибудь другой эксперт не опровергнет ваши выводы? Если ваши выводы предъявить злоумышленнику, то я могу быть уверен, что он не сможет отпереться?

Услышав эти вопросы, Юдин, впервые с начала разговора слегка улыбнулся.

- В этом, Александр Леопольдович, вы можете быть уверены на все сто процентов, - с улыбкой произнес Юдин. – Я официально работаю экспертом и деньги получаю не просто так. Я знаю, за что расписываюсь, ибо за недобросовестную или подложную экспертизу несу уголовную ответственность. Если вы предъявите результаты экспертизы злоумышленнику, то я, разумеется,

не могу дать вам стопроцентную гарантию, что он не станет отпираться, ибо не знаю уровень его профессиональной подготовки. Но если он станет это отрицать, то это означает отрицание очевидных вещей. Например, если подозреваемому в преступлении предъявляют заключение экспертизы о том, что на орудии убийства найдены отпечатки пальцев подозреваемого, то, конечно, теоретически подозреваемый может уйти в глухую неосознанку и начать отрицать очевидные вещи. Типа, мол, понятия не имею, откуда там мои пальцы и вообще это все ерунда: не может там быть моих отпечатков! Но вы же понимаете, что это будет очень глупо! Так вот, Александр Леопольдович, поверьте мне на слово: мои выводы и экспертные заключения будут не менее однозначны и неопровержимы. Я ответил на ваш вопрос?

- Вполне, - удовлетворенно крикнул Штерн. – И еще прошу вас ответить попутно еще на один вопрос: как это делали? Это делали извне или изнутри организации. Скажу сразу, что я имею некоторые основания подозревать, что это делали мои сотрудники изнутри организации.

- Очень возможно, - кивнул головой Юдин. – Разумеется, я проверю оба варианта, но лично мне ваша версия тоже представляется наиболее правдоподобной.

– Тогда идемте, - подвел итог разговора Штерн и поднялся с места.

Они вдвоем вышли из кабинета Штерна. Войдя в приемную, Штерн указал Юдину на рабочее место Леры.

- Располагайтесь здесь, - коротко бросил Штерн. – Если что-то понадобится – звоните лично мне. Как только будут результаты – немедленно ко мне в кабинет. Кто бы у меня ни находился. Я буду ждать результатов и не уйду домой до тех пор, пока не получу нужную информацию.

Произнеся эти слова, Штерн круто развернулся, вошел в свой кабинет и закрыл за собой дверь.

Подойдя к своему столу, он плеснул себе виски в пустой бокал. Сев в кресло, он закурил сигару, отхлебнул виски и глубоко задумался.

Одна мысль упорно не давала ему покоя.

Кому все это понадобилось?

Для чего?

Какая тайная цель у всей этой затеи?

Мысль о том, что на основании этой убийственной информации Штерн выявил воришек у себя в подчинении, теперь уже отошла на второй план. Он продумал план мести, никуда Корзинкин с Трофимовым не денутся. Штерн уже обложил их, словно волков: они оба в мышеловке. И теперь Штерну остается лишь наслаждаться своей мстостью.

Впрочем, это дело будущего, хотя и не такого уж далекого.

Но вот размещение этой информации... Это намного серьезнее!

Факт того, что эта информация могла оказаться в чужих руках, не удивил Штерна. Многие из этих файлов он хранил у себя на компьютере. Но непонятно: зачем их выставлять на всеобщее обозрение?!

Чем больше Штерн размышлял о произошедшем, тем меньше он видел в этом событии какую-либо логику.

Между тем, наступил вечер, сгустились сумерки. Штерн встал и зажег в кабинете верхний свет. Его каждый раз подмывало встать и пройти в приемную, чтобы посмотреть на работу Юдина, чтобы поинтересоваться результатами его труда, но он каждый раз удерживал себя от этого: слишком уж несолидно для генерального директора выглядело бы подобное проявление нетерпения!

Штерн сидел за столом и в сотый раз просматривал компромат на сайте, как вдруг ненавистные файлы исчезли. На их месте снова появились привычные изображения.

Штерн недоуменно смотрел на файлы, когда дверь его кабинета открылась, и на пороге снова появился Юдин.

- Я закончил, Александр Леопольдович, - произнес Юдин.

Он подошел к столу Штерна, достал из своей сумки кипу бумаг и разложил перед собой.

- Слушаю вас очень внимательно, - сказал Штерн. – Что вы обнаружили?

- В процессе работы я, прежде всего, проанализировал те материалы исследований, которые вы мне дали, – начал Юдин. – Они подлинные и совершенно достоверны: можете в этом не сомневаться. Далее, на основании уже имеющихся данных, я исследовал системные журналы. После окончания исследования, я вернул ваш сайт в привычное состояние. Хотя, на всякий случай, сделал копию всего этого компромата. Мало ли что... И теперь вся информация у меня имеется.

- Меня сейчас в первую очередь интересует только одно, - жестким и властным тоном сказал Штерн. – Кто конкретно разместил всю эту информацию в Интернете? Остальное – это уже второй вопрос. Как эта информация попала к злоумышленнику, где он ее взял, чем он руководствовался, выставляя все это на всеобщее обозрение – с этим мы разберемся сами и уже без вас. Это уже наше внутреннее дело. Но в настоящий момент меня интересует личность злоумышленника. Кто это конкретно? Вы это выяснили?

Юдин помолчал немного, обдумывая ответ.

- Выяснил, Александр Леопольдович, - ответил, наконец, Юдин негромким голосом. – Сразу скажу, что мне очень помогли те материалы, которые вы любезно предоставили. Именно опираясь на них, я смог провести расследование довольно быстро. Вы оказались совершенно правы. Все операции действительно производились изнутри вашим сотрудником.

- Кто? – выдохнул Штерн. – Кто это делал?

- И просмотр вашей почты, и копирование ваших файлов, и – самое неприятное! - размещение на сайте вашей организации компрометирующих материалов, делал один человек, - коротко сказал Юдин и опустил глаза. – Это делал ваш сотрудник Станислав Владимирович Лановенко.

Глава 18. Результат

Над хвастунами хоть смеются,
А часто в дележе им доли достаются.

И.А. Крылов. 1813

Услыхав подобное заявление Игоря Юдина, Штерн чуть не свалился с кресла.

Он был внутренне готов услышать любое другое имя. Внутренне Штерн желал, чтобы таким шпионом оказался бы Гильман или сам Корзинкин или Трофимов – о, тогда с каким бы наслаждением он отдал бы этих поганых тварей на съедение Исаеву и Руденко!

Но, услышав имя Стаса, Штерн подумал, что ослышался.

- Что вы сказали? – медленно переспросил Штерн. – Вы сказали Стас Лановенко – я вас правильно понял?

Лицо Юдина ничего не выражало: ни удовлетворения, ни злобы. Вместо ответа он кивнул головой и внимательно посмотрел в лицо Штерна, ожидая продолжения.

- Так, - только и смог произнести Штерн. – Интересное развитие сюжета...

Он замолчал и рассеянно огляделся по сторонам. Затем встал, подошел к бару, достал оттуда бутылку виски, два бокала и коробку дорогих сигар. Затем, вернувшись к столу, он поставил это все перед собой и с остервенением стал вертеть в руках авторучку с монограммой.

- Хотите выпить? – машинально спросил Штерн.

Юдин отрицательно помотал головой. Штерн плеснул себе в бокал виски и достал сигару из коробки.

- Сигару? – спросил Штерн, протягивая сигару Юдину.

- Спасибо, я не курю, - коротко ответил Игорь.

Штерн достал из коробки специальные ножницы, отрезал кончик сигары и шелкнул зажигалкой. Выпустив клуб ароматного дыма, он откинулся на спинку кресла и пустым, ничего не выражающим взглядом, уставился в окно.

В комнате воцарилось молчание.

- Ошибка исключена? – спросил Штерн, повернувшись к Юдину и буравя его взглядом.

- Исключена полностью, Александр Леопольдович, - ответил Юдин. – Я не стану утомлять вас всякими техническими подробностями, не буду вдаваться в различные специфические детали и раскрывать вам свои профессиональные секреты, поэтому скажу лишь одно: в данном вопросе ошибка исключена полностью. Я эксперт и обязан отвечать за свои слова. Именно за это вы мне и платите деньги.

- Тогда следующий вопрос, - Штерн нетерпеливо прервал Юдина движением руки. – А что если это подстава?

Юдин недоуменно уставился на Штерна.

- Что вы имеете в виду, Александр Леопольдович? – удивленно спросил Игорь. – Какая подстава? Кого?

- Ну, я имею в виду другой вариант, - пояснил Штерн, поморщившись, словно от зубной боли. – Возможно ли в данном случае такое развитие событий, что на самом деле это сделал не Стас, а кто-то другой под именем Стаса? То есть в действительности кто-то просто решил подставить Стаса Лановенко? Такое возможно?

- Вообще-то это уже не мой вопрос, - слегка улыбнулся Юдин. – Мы определили, что все операции делались под учетной записью Стаса. И это не подделка.

Юдин на секунду задумался.

- Теоретически это исключать, конечно, нельзя, Александр Леопольдович, - пожав плечами, ответил Юдин после недолгого молчания. – Но практически... На практике в данном случае такое развитие событий крайне маловероятно и практически исключено. И вот почему. Во-первых, мы обнаружили, что все операции производились под учетной записью Стаса. Во-вторых, с его компьютера. В-третьих, мы не нашли никаких следов пребывания на этом компьютере кого-то постороннего. Поэтому, если предположить, что Стаса подставляют, то тогда надо сделать слишком много невероятных допущений. Кроме того, мне крайне неприятно об этом вам говорить, но в пользу того, что это сделал именно Стас, говорят и некоторые другие факты.

- Какие факты? – спросил Штерн и отхлебнул виски из бокала. – Говорите все.

Юдин полез в свою сумку и, покопавшись в ней, извлек на свет папку с документами. Раскрыв ее, он достал несколько бумаг и разложил их перед собой.

- Кроме работы в вашем институте, Станислав Владимирович Лановенко работает по совместительству в фирме «Град-Проджект», - сухим официальным тоном произнес Юдин. - Вот, посмотрите: официальный перечень сотрудников этой фирмы с указанием размеров заработной платы каждого. Кроме того, на Станислава Лановенко в настоящее время заведено уголовное дело по статье мошенничество. Он занимался мошенничеством в сети Интернет. Он пытался выманивать деньги у пользователей кошельков в платежной системе «Яндекс-Деньги» от имени фирмы «Град-Проджект». Технология обмана была следующей: он рассылал фальшивые информационные письма, что, данная фирма является уполномоченным партнером платежной системы и освобождает от всех налогов абсолютно все фирмы, которые занимаются проектным бизнесом, риэлтерскими операциями, а также куплей-продажей промышленного оборудования. Надо лишь все операции проводить через его кошелек. Менее чем за месяц ему удалось выманить более двухсот тысяч долларов. Но, учитывая то обстоятельство, что в фирме «Град-Проджект» ряд документов проходит под грифом «Секретно», то дело автоматически было передано в ФСБ. Поэтому, Александр Леопольдович, вариант с подставой сами понимаете: крайне маловероятен.

Произнеся последние слова, Юдин протянул Штерну папку с документами.

Штерн взял папку в руки и бегло просмотрел документы. Его лицо побагровело от бешенства, но он старался держать себя в руках.

- Ладно, тогда последний вопрос, - дрожащим от ярости голосом произнес Штерн. – То, что Стас копировал мои документы, просматривал мою почту и все такое прочее – в этом вы меня убедили. Но, если я правильно вас понял, информацию на сайте разместил тоже он?

- Тоже он, - утвердительно кивнул головой Юдин.

Штерн замолчал и задумался. Потом, очевидно, решившись, он рубанул ладонью воздух.

- Хорошо, - произнес он. – Тогда я расскажу вам все.

- Я внимательно вас слушаю, Александр Леопольдович, - вежливо сказал Юдин и приготовился слушать.

- Дело в том, что эти материалы, которые я вам дал, собрал наш бывший системный администратор Сергей Михайлович Гильман, - начал Штерн, вертя в руке пустой бокал из-под виски. – То, что мою почту кто-то просматривает, я заметил давно. И поручил расследовать это дело своему непосредственному заместителю. А он в свою очередь поручил это расследование своему подчиненному Гильману. Улавливаете мысль?

Юдин отрицательно помотал головой и продолжал внимательно слушать Штерна, глядя ему прямо в глаза.

- Так вот, когда Гильман провел эти исследования, то сразу определил, что шпионил за мной Стас Лановенко, - продолжал Штерн. – Не стану вдаваться в подробности – сейчас они

совершенно не важны! Скажу только, что на тот момент у меня имелись достаточно веские основания сомневаться в истинности данной информации. Короче говоря, я заподозрил, что Гильман возводит на Стаса напраслину. Ну, и в результате всего этого Гильман был вынужден уволился. Не стану скрывать: он уволился не по своему хотению. Следовательно, у него были основания для обид и мести. Это произошло неделю назад. Сопоставив факты, я пришел к выводу, что увольнение Гильмана совпало по времени с хакерской атакой на наш сайт, и, соответственно, размещением на нем компрометирующей информации. Вот почему я и спрашиваю вас прямо: возможна ли ситуация, при которой Гильман по каким-то причинам – давайте отвлечемся от причин! – решил отомстить Стасу и подставить его?

- Видите ли, Александр Леопольдович, - ответил Юдин. – Я просто эксперт – и только. Поэтому обязан оперировать только фактами, добытыми с помощью проверенных методов. Поэтому отвечу вам осторожно: найденные улики не подтверждают это предположение.

- А мог ли Гильман использовать какие-то новые методы, которые вам не известны? – настойчиво спросил Штерн. Он отчаянно, словно утопающий за соломинку, цеплялся за последнюю надежду.

- Теоретически, конечно, мог, - ответил Юдин и слегка улыбнулся. – Но я обязан использовать только проверенные методы исследования. И вот почему. Я поясню вам это очень на простом примере. Вы, разумеется, знаете, что такое дактилоскопия: это метод идентификации человека по отпечаткам пальцев, основанный на уникальности рисунка кожи. Как известно, дактилоскопия широко применяется в криминалистике. Но любопытна история дактилоскопии. Сама по себе идея об уникальности отпечатков пальцев существовала в Китае и Японии ещё в седьмом веке нашей эры. Впервые в Европе эту гипотезу - о неизменности и уникальности папиллярного рисунка ладонных поверхностей кожи человека - выдвинул англичанин Вильям Хершель в тысяча восемьсот семьдесят седьмом году. Но лишь восемнадцать лет спустя, только в тысяча восемьсот девяносто пятом году усилиями английского антрополога Френсиса Гальтона дактилоскопия была официально принята в Англии в качестве метода регистрации уголовных преступников и стала признаваться судом в качестве доказательства. После Англии разные страны мира вводили у себя дактилоскопические методы в течение следующих двух десятилетий. В России дактилоскопия применяется с тысяча девятьсот шестого года. Кстати, одной из последних стран, официально признавших дактилоскопию, была Франция.

- Зачем вы мне все это рассказываете? – недоуменно спросил Штерн. В его голосе явно сквозили нотки нетерпения.

- Затем, что если бы до официального признания дактилоскопии Вильям Хершель представил бы в любом английском суде результаты дактилоскопической экспертизы в качестве доказательства, то эти данные не принял бы к рассмотрению ни один английский суд. И это в лучшем случае. А в худшем случае Хершеля подняли бы на смех. И в нашем с вами случае все то же самое. Я обязан оперировать только теми методами и инструментами, которые официально признаны и которые примет к рассмотрению любой суд. И который, кстати, не опровергнет ни один адвокат подсудимого. В начале нашей предыдущей беседы, когда вы ставили мне задание, то вспомните, Александр Леопольдович: вы задали вопрос: будет ли моя экспертная оценка однозначная и недвусмысленная? Могу ли я гарантировать, что выводы будут истинными и точными? Можете ли вы быть уверены, что, если дело дойдет до суда, какой-нибудь другой эксперт не опровергнет сделанные выводы? Если эти выводы предъявить злоумышленнику, то можно ли быть уверенным, что он не отопрется? Я однозначно вам ответил: да. Так вот, Александр Леопольдович, системные журналы совершенно однозначно говорят о том, что все это дело рук Станислава Лановенко. Другие люди здесь ни при чем.

- А это еще чем-нибудь подтверждается, кроме этих самых системных журналов? – спросил Штерн. Впрочем, ему уже все было ясно, и последний вопрос он задавал больше для очистки собственной совести. В ответе Юдина он уже не сомневался.

- Как вам сказать, - задумчиво пробормотал Юдин. – Записи в системных журналах, подтверждающие факт копирования Стасом этих файлов на сайт, ничем не отличаются от других записей. Я не нашел никаких следов взлома и подделки. Поэтому, если предположить, что шпионил за вами именно Стас, то нет никаких оснований считать, что копировал файлы на сайт кто-то другой. Поймите, Александр Леопольдович, были ли у Стаса враги, есть ли у вас враги и кто они – это не мой вопрос: я всего лишь эксперт. И окончательный вывод следующий: и просмотр вашей почты, и копирование ваших файлов, и размещение на сайте вашей организации компрометирующих материалов, делал один человек. Фамилию этого человека я вам уже называл.

- Зачем ему это? – пробормотал про себя Штерн.

Хотя последние слова Александр Леопольдович произнес про себя, Юдин услышал их.

- Этот вопрос также не ко мне, - негромко ответил Юдин. – Этот вопрос вам следует адресовать уже самому господину Лановенко. Я всего лишь эксперт.

- Да-да, я понимаю, - рассеянно отозвался Штерн и снова уставился в окно.

В кабинете воцарилась зловещая тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов.

- Я вам еще нужен, Александр Леопольдович? – осторожно спросил Юдин.

- А? – встрепенулся Штерн. – Нет, спасибо! Мне уже все ясно.

- Тогда, с вашего позволения, я пойду, - негромко сказал Юдин. – И если у вас ко мне нет больше вопросов и просьб, то хотелось бы получить свой гонорар.

Штерн понимающе кивнул, встал из-за стола, подошел к небольшому сейфу, стоявшему в углу кабинета и набрал секретный код. Открыв дверцу, он достал оттуда пачку денег и протянул Юдину.

- Вот, возьмите, Игорь Александрович, - коротко произнес Штерн. – Всего хорошего, до свидания!

И, подойдя к столу, он сел в кресло и уткнулся в бумаги, показывая всем своим видом, что аудиенция закончена.

- До свидания, Александр Леопольдович, - вежливо сказал Юдин. Сложив деньги во внутренний карман пиджака, он взял в руку сумку и направился к выходу.

Но Штерн уже не смотрел на Игоря: будто его и не было в кабинете.

Он рассеянно листал бумаги, разбросанные на столе, и мучительно размышлял.

Всю свою жизнь Штерн стремился к вершинам власти, топча и раскидывая людей. Окружающих он всегда использовал лишь для удовлетворения своих сиюминутных желаний и похотей, ни на секунду не задумываясь о мыслях и чаяниях людей.

Он редко бывал к кому-то милостив и благосклонен. Напротив, Штерн всегда жестко спрашивал с людей, не прощая ни малейшей неточности. Про него недаром говорили в институте, что от Александра Леопольдовича в принципе можно услышать похвалу: один раз в год, да и то в високосный! Похвалы, добрые слова Штерн говорил подчиненным и вообще окружающим людям крайне редко.

Но за каждый свой милостивый взгляд, он считал, что человек ему уже навсегда обязан.

Тем более, если он делал для этого человека что-то доброе.

Но сейчас в первый раз в его жизни сопливый пацан, мелкий, ничтожный человечиска, который был ему, Александру Леопольдовичу Штерну обязан всем на свете, подставил его с пугающей легкостью и абсолютно непонятными целями.

До сих пор Штерн питал к Стасу какое-то странное чувство, похожее на привязанность. Вряд ли это была любовь – Штерн вообще был не способен кого-то любить! Любовь требует

самопожертвования и всепрощения – тех чувство, на которые Александр Леопольдович был в принципе не способен. Скорее всего, это было просто теплое чувство, симпатия к человеку, с именем и обликом которого связаны приятные минуты чувственного наслаждения. Разумеется, никаких разговоров о взаимных обязательствах Штерн со Стасом не вел, но Александр Леопольдович на уровне подсознания был искренне убежден в том, что теперь Стас должен по меньшей мере отдать за него, Штерна, свою жизнь!

Вот почему предательство Стаса повергло Штерна в состояние глубочайшего шока. У него не осталось даже ярости: он смертельно устал.

Но теперь эти чувства сменились совершенно другими. Осознание той пропасти, в которой он оказался по милости Стаса, вызвал в душе Штерна мгновенный переворот. Симпатия к Стасу превратилась в острую ненависть.

И теперь Штерн жаждал расправы и мести.

Что ему теперь делать со Стасом?

Уволить?

Убить?

Посадить?

Кстати, последнее будет весьма неплохим решением: место петушка возле параша этому щенку обеспечено!

Но в этом прекрасном решении есть одна мелкая неприятность: он и так рано или поздно окажется в тюрьме. За свои мошеннические подвиги ему прямая дорога на зону. И Штерн не сможет приложить к этому руку, не сможет ни воспрепятствовать этому, ни ускорить это.

А такие решения, которыми он не мог управлять, Александр Леопольдович не любил.

Впрочем, недаром в институте говорили, что вопросах мести Штерну не было равных. Каждый раз, расправляясь с человеком, он проявлял недюжинные способности и потрясающую изобретательность.

Штерн напряжено думал.

Потом зловеще улыбнулся.

Глава 19. Корзинкин

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник

И.А. Крылов. 1813

Дверь в кабинет Штерна открылась и на пороге появился Корзинкин.

- Вызывали, Александр Леопольдович?

- Да, заходи, - ответил Штерн.

Корзинкин подошел к столу Штерна и сел на стул напротив него.

- Слушай, Сергей Орестович, - без обиняков спросил Штерн. – У тебя машина на ходу?

- Машина? – недоуменно переспросил Корзинкин. – Вы имеете в виду мой автомобиль?

Штерн утвердительно кивнул и посмотрел на Корзинкина поверх очков.

- Да, на ходу, - с готовностью утвердительно кивнул Корзинкин. – Прекрасно бегаёт, машина практически новая, ей всего год и она...

- Ладно, все понятно, - перебил Штерн Корзинкина. – Это хорошо, что на ходу. Это я просто так спросил... Тут вот какой вопрос к тебе имеется. Ты давеча говорил, что твой сын хорошо разбирается в компьютерах, так?

- Да, отлично разбирается! – довольным тоном подтвердил Корзинкин и расплылся в улыбке. Его лицо излучало удовольствие и добродушие. – Он, Александр Леопольдович, в этих вопросах, можно сказать, профессор!

- Я тут вот что подумал, - произнес Штерн. – Стасу, наверное, рановато быть начальником отдела... Он хороший специалист, но... Так вот, хотел с тобой посоветоваться: как ты полагаешь: твой сын потянет вместо этого... как его, Господи, твоя воля... Гильмана, о!?

- Да о чем вы говорите, Александр, Леопольдович! – радостно подхватил Корзинкин. – По сравнению с этим – извините меня за такое грубое выражение! – неучем и спорщиком Гильманом мой сын – это же просто небо и земля! Я очень жалею, что в свое время взял эту ходячую беду Гильмана на работу! Надо было сразу предложить кандидатуру моего сына, но в тот момент я счел это нескромным. Если мой сын будет работать у нас, то, уверяю вас, все проблемы просто в принципе исчезнут! В принципе! Мой сын – это грамотный профессионал и очень ответственный человек. Он прекрасно разбирается в вопросах сетей и программ. Он...

- То есть, если я тебя правильно понял, то он разбирается в вопросах безопасности сетей? – снова перебил Штерн Корзинкина. – Он разбирается в вопросах, типа, кто, когда и как влез в мою почту и все такое прочее?

- Да, разумеется, Александр Леопольдович! – подтвердил Корзинкин. Он был вне себя от счастья. – Уверяю вас, мой сын – очень грамотный профессионал в вопросах компьютеров!

- Это хорошо, - зловеще промолвил Штерн. – Это очень хорошо... Ты даже себе не представляешь – насколько это замечательно...

Он развернул монитор компьютера в сторону Корзинкина и коротко спросил:

- Что ты на это скажешь, Сергей Орестович?

Корзинкин посмотрел на экран и обомлел.

Это был полный отчет обо всех его «подвигах» и откатах с фирмой «Комплект-Юнит». На те самые три миллиона долларов. Со всеми номерами платежных поручений.

Корзинкину показалось, что под ним зашатался стул.

- Александр Леопольдович, - плачущим голосом пролепетал Корзинкин. Если бы он в данный момент не сидел бы на стуле, то, кажется, упал бы на колени. – Богом клянусь, чем хотите вам клянусь – это все гнусная клевета!

- Ты Бога-то оставь, подлая тварь, - прошипел Штерн. – Твои дела не имеют к делам Господа никакого отношения. Тебе что же, мразь ползучая, этих фактов мало?

- Подтасованы эти факты, Александр Леопольдович, - стонал Корзинкин. – Подтасованы! Чтобы я, у вас... Да никогда! У вас даже копейку украсть – это же великий грех! Великий! А тут такие деньги! Я же за каждый потраченный рубль могу отчитаться! За каждый!

Штерн неожиданно замолчал, будто был поражен какой-то новой идеей и посмотрел на Корзинкина, казалось, даже где-то дружелюбно.

- А что! – неожиданно спокойным и миролюбивым тоном произнес Штерн. – Это хорошая идея. Можно организовать проверку. Например, вот сейчас я позвоню с прокуратуру Матвею Ильичу Руденко. А заодно и в налоговую. И мы совместно устроим встречную проверку и у нас, и в фирме «Комплект-Юнит». Вот только меня одолевают смутные сомнения, что директор «Комплект-Юнита» Вадим Громадский станет тебя покрывать. Как полагаешь, Сергей Орестович?

Корзинкин что-то снова залепетал о своей невинности, но его бормотание с каждой секундой становилось все более невнятным и бессвязным. Наконец, он замолчал, глядя на Штерна глазами, полными мольбы и животного ужаса. Штерн напротив, смотрел на Корзинкина, казалось, дружелюбно. Во взгляде Александра Леопольдовича проскальзывало даже некое сочувствие.

Вдруг, словно по мановению волшебной палочки выражение лица Штерна изменилось: на Корзинкина смотрел жесткий и властный человек с выражением беспредельной жестокости и жажды мщения.

Сердце Корзинкина оказалось словно сжато неведомыми могучими тисками. Он смертельно побледнел, на висках выступили крупные капли пота.

- Короче говоря, будет так, - теперь Штерн больше не играл и не делал лирических отступлений. – Либо я сейчас звоню в прокуратуру и налоговую инспекцию и мы организуем встречную проверку у нас в институте и в «Комплект-Юните». Если при этом они найдут хотя бы копейку – я тебя посажу. А заодно и Трофимова. И скидок тебе делать я не стану. Но есть вариант, что ты мне все честно расскажешь, то есть облегчишь жизнь. Тогда мы с тобой вместе подумаем, как выйти из этой ситуации. Времени на раздумье я тебе не даю. Говори сразу: да или нет?

Произнеся эти слова, Штерн демонстративно взял в руки телефонную трубку, решительно набрал номер и включил громкую связь.

В наступившей тишине отчетливо прозвучал телефонный звонок.

- Слушаю, - раздался баритон прокурора области Матвея Ильича Руденко.

- Привет, Матвей Ильич, - улыбнувшись, произнес Штерн. – Ну, как я и обещал, мы, в основном, разобрались с этим инцидентом. Правда, сейчас я лично работаю с некоторыми фигурантами и выясняю, на хрена им это понадобилось.

- Да, я уже знаю, - ответил Руденко. – Мне Исаев уже звонил.

При этих словах прокурора Корзинкин побледнел еще больше. Одними губами он зашептал скороговоркой:

- Да, да, да!!!

И закивал головой, словно боевой конь при виде любимого хозяина. На секунду Штерну показалось, что у Корзинкина откуда-то появился хвост, и он им отчаянно, по-собачьи, завилял.

- Короче говоря, Матвей Ильич, как только все выясню, то отдам этих голубчиков тебе, - довольно проговорил Штерн, с презрением глядя на ужимки Корзинкина. – Так сказать, отдам на

поток и разграбление. Можешь обижать их так, как сочтешь нужным. Ну, это ведь не телефонный разговор, ты ведь меня понимаешь...

- Интересно, весьма интересно, – проговорил Руденко. – Это что же получается: значит этот голубчик работал не один?

- Именно так, Матвей Ильич, - Штерн с трудом сдержал радостную улыбку: даже он не ожидал, что Руденко, сам того не зная, так удачно подыграет ему. – Но пока что я тебе ничего говорить не буду. Вначале сам разберусь во всем.

- Ладно, не буду тебя торопить, - ответил Руденко. – Но разговора нам с тобой все равно не избежать.

- Разумеется, Матвей Ильич, разумеется, - поспешно согласился Штерн. – Дам, так сказать, полный отчет.

- Ну, тогда удачи, - проговорил Руденко.

- Счастливо, - ответил Штерн.

Он повесил трубку.

- Итак, Сережа, я что-то твой ответ не очень хорошо расслышал твой ответ, - саркастически спросил Штерн и вопросительно посмотрел на Корзинкина.

Забыв о гордости, о своем положении, об элементарном чувстве собственного достоинства, Корзинкин заплакал.

Он знал Штерна уже почти тридцать лет. Всем окружающим Корзинкин с гордостью говорил, что они с Александром Леопольдовичем «дружат семьями». Хотя, редкие совместные пьянки, на которых Штерн и Корзинкин присутствовали не одни, а вместе с женами, вряд ли могут служить достаточным основанием для того, чтобы сделать такой далеко идущий вывод.

Однако было бы величайшей неправдой утверждать, что на самом деле Корзинкин не питал к Александру Леопольдовичу Штерну никаких глубоких чувств. В действительности Сергей Орестович питал к Штерну два сильнейших чувства: ненависть и страх.

Еще участь в школе Сережа Корзинкин никогда не блистал своими способностями. Напротив, учителя отмечали даже некоторую заторможенность мальчика, называя его тугодумом.

В том, что человек не умеет быстро соображать и не блещет успехами в науках, нет ничего страшного или предосудительного. Нельзя быть специалистом во всем. С другой стороны, бесталанных людей не бывает. Каждые в чем-то всегда талантливы.

Сережа Корзинкин тоже достаточно быстро обнаружил свой талант: страсть к интригам.

В то же самое время в нем стала пробуждаться зависть. Он всегда завидовал одноклассникам, которые в учебе добивались успехов гораздо больших, нежели он. Но благодаря своей хитрости и изворотливости, Сережа учился сравнительно неплохо: в искусстве списывания, пользования шпаргалками ему не было равных, наверное, во всем городе.

Но зависть к более успешным не давала ему покоя.

Одноклассником Сережи Корзинкина был Витя Гельфанд: тихий и скромный еврейский мальчик, который поражал своей великолепной памятью и блестящими математическими способностями. Почему-то именно его Сережа Корзинкин возненавидел больше остальных.

Они росли в те годы, когда скрытый антисемитизм в Советском Союзе пронизывал всю атмосферу общественной жизни. Нет, разумеется, на всех углах висели кумачовые лозунги о пролетарском интернационализме, все передовицы газет были полны статей о том, что Советский Союз – это счастливая семья народов, по телевизору часто показывали замечательную комедию Александрова «Цирк» с блистательной Любовью Орловой в главной роли. Это все было.

Но в то же самое время происходила фактическая реабилитация Сталина... В то же самое время те же самые газеты гневно осуждали «израильскую военщину»... В то же самое время на многих кухнях велись разговоры о том, что как же был прав Иосиф Виссарионович Сталин, когда распорядился уволить всех евреев с оборонных заводов... Именно в те годы, для того, чтобы поступить в университет на факультеты, после окончания которых хотя бы теоретически можно было получить работу в оборонном комплексе, этническому еврею необходимо было быть во сто крат умнее и талантливее представителей других национальностей...

Как известно, все люди примерно одинаковы. Не следует считать, что граждане Советского Союза в основной своей массе в восторгом воспринимали эти веяния. Основная масса нормальных людей воспринимала любой национализм, как проявление психического заболевания, представителей которого необходимо лечить с такой же заботливостью, как и повредившихся в уме буйно помешанных. Практически в любой семье в Советском Союзе братья, отцы или деды воевали на фронтах Великой Отечественной войны и все помнили, что именно они спасли мир от коричневой чумы нацизма.

Но, к сожалению, ядовитые семена скрытого национализма проникали во многие души. И именно Сережа Корзинкин в этом вопросе не стал исключением. Осознавая свою неполноценность, он избрал в качестве объекта для ненависти Витю Гельфанда. Будучи трусливым по натуре, он не осмеливался открыто драться с ним. Он травил его исподтишка, издевался над ним.

Так продолжалось довольно долго до тех пор, пока перед экзаменам не понадобилось написать серьезную контрольную по математике. Задачи попались достаточно сложные, и весь класс мучился над их решением. И Витя Гельфанд, который решил свои задачи за десять минут, оставшиеся полчаса до конца урока ухитрился не только решить еще два варианта этих задач, но и раздать шпаргалки своим одноклассникам.

Результаты этой контрольной поразили даже директора школы. Больше половины учеников класса получили «четверки» и «пятерки». «Четверки» и «тройки» получили лишь те, кто второпях наделал ошибок при переписывании. Лишь одна «двойка» была в классе: ее получил Сережа Корзинкин. И вовсе не потому, что он торопился. Просто у него не хватило мозгов даже на то, чтобы правильно списать написанный готовый вариант.

После уроков Сережа Корзинкин, будучи весь вне себя от бешенства, подбежал к Вите Гельфанду и рванул его за рубашку.

- Значит ты, сволочь, так решил мне отомстить? – заорал Сережа и тут же замолчал, почувствовав на своем плече чью-то тяжелую руку.

Он обернулся: это был первый силач класса Коля Громов. Он был перворазрядником по боксу, школьную науку постигал неважно, но та «четверка», которую он получил благодаря помощи Вити, позволяла ему без проблем закончить школу.

- Слышь, Корзина, остынь, - спокойно и рассудительно сказал Коля. – Витек всему классу помог. И тем, кто твой вариант писал. «Банан» сегодня получил только ты. Значит, за свои успехи можешь благодарить только самого себя. Вначале списывать научись, а потом вкаты будешь. А к Витьку не приставай.

Возразить было нечего.

С этого момента Сережа возненавидел не только Гельфанда, но всех евреев вообще.

Но дальнейшие события стали развиваться так, что Сереже показалось, будто бы злая судьба просто издевается над ним в этом вопросе. После окончания школы Сережа поступил в институт. И здесь ситуация повторилась с пугающей закономерностью. В одной группе с Сережей учился Моня Нейман.

Иногда Сереже, а впоследствии Сергею Орестовичу казалось, что кто-то целенаправленно издевается над ним. После окончания политехнического института, он поступил на работу инженером в научно-исследовательский институт. Туда же распределился на работу Моня – нет, теперь уже не Моня, а Моисей Саулович Нейман.

Тогда же Корзинкин познакомился со Штерном.

Шло время. В отличие от Сергея Орестовича, Моисей Саулович и Александр Леопольдович быстро сделали карьеру в институте, и пошли вверх по служебной лестнице. Напротив, Сергей Орестович надолго засиделся в должности мелкого клерка.

Разобидевшись на такое положение дел, Корзинкин вскоре ушел из института. Он долгое время переходил из одной организации в другую, снедаемый жаждой денег и власти, но нигде не поднялся выше начальника мелкого отдела. В то же самое время он начал много пить.

Когда Штерн стал генеральным директором института, а Нейман – его первым заместителем, то вначале Корзинкин решил, что теперь и ему что-то обломится от этого пирога. Он решил поговорить со старыми друзьями.

За два года до описываемых событий Штерн затеял в институте крупную реорганизацию, и появление Корзинкина на горизонте показалось ему весьма кстати. Окружить себя лояльными заместителями – мечта любого управленца. Он уже посадил в кресло финансового директора родственника своей жены Алексея Максимовича Трофимова и еще один заместитель вроде Корзинкина, который будет ему лизать задницу, показался Штерну удачным выбором.

Усевшись в удобное кресло заместителя генерального директора, и придя в себя после схлынувшей эйфории, Корзинкин вскоре с ужасом обнаружил, что ничего не смыслит в деле. Он боялся признаться самому себе, что такая должность подходит ему – человеку без опыта, без знаний! – не лучше, чем бегемоту балетная пачка.

И Корзинкин одновременно боялся и ненавидел. Он боялся, что в один далеко не прекрасный день Штерн поймет все его ничтожество. И за это ненавидел его всеми фибрами своей души.

Есть старинное правило: ни один руководитель – если он, конечно, в здравом уме и твердой памяти! – не решается нарушить негласную моду, неписанные законы, общепринятую этику. Если в начале двадцатого века антисемитизм, расизм в разных его формах и проявлениях был нормой во ВСЕМ цивилизованном мире – равно как и убеждение, что у женщин и мужчин не может быть равных прав, а аристократы не равны простолюдинам! – то в начале века двадцать первого ситуация изменилась.

С тех пор люди «в душе», может быть, не слишком изменились. Стоит там-сям поскрести в частном разговоре – почувствуете шерсть орангутанга и услышите соответствующие речи. Кстати, и сами евреи в этом вопросе, разумеется, не исключение! Но изменились НОРМЫ общества! И никто не решается «напрасно спорить с веком» – и ограничивать в правах по национальному, половому признаку, ну а о признаках «сословных» странно и говорить, ввиду отсутствия таковых. Если сто лет назад было бессмысленно перебирать антисемитов среди знаменитостей того времени – куда проще назвать тех, кто по каким-то причинам шел против общей моды, общего правила! – то в наше бурное время ситуация поменялась с точностью до наоборот

Корзинкин в этом вопросе не был исключением, уподобляясь щепке плывущей по воле волн. Но, работая под началом еврея Штерна, он был вынужден терпеть все его приступы самодурства.

Особенно эта неприязнь усилилась после посещения клуба «Инмэн». Корзинкин, разумеется, знал, что Штерн любит посещать это клуб: это была своеобразная тусовка для избранных и особ, приближенных к генеральному директору. И, получив приглашение провести вечер со Штерном в этом элитном клубе, Корзинкин вначале был на седьмом небе от счастья.

Но то, что произошло на этой вечеринке, подействовало на Сергея Орестовича как эффект ледяного душа. Будучи слабым духом и трусливым по натуре, он не решился в мягкой форме, но, тем не менее, недвусмысленно отказать Штерну в его домогательствах.

Дальнейшие события развивались стремительно: тогда произошло то, что и должно было произойти, в итоге случилось то, что должно было случиться: Корзинкин возненавидел Штерна лютой ненавистью. Он ненавидел его за все: за свои постоянные унижения, за сексуальные домогательства, за свой страх, за то, что он, Сергей Орестович Корзинкин, чистокровный русский, вынужден пресмыкаться перед этой жидовской мордой Штерном.

Но с появлением в институте Сергея Гильмана судьба преподнесла Корзинкину неожиданный подарок. Вначале, услышав фамилию Сергея, Корзинкин задрожал от бешенства: снова очередная еврейская морда, снова, снова, СНОВА!!!

Но потом Корзинкина вдруг осенило. Годы тайной ненависти и зависти научили его другим полезным качествам: терпению, наблюдательности, изворотливости. Он начал внимательно присматриваться к Сергею, изучал его привычки и реакцию на различные внешние раздражители.

Спустя некоторое время Корзинкин понял характер Сергея. Он понял, что Сергей – достаточно миролюбивый и спокойный человек, терпелив, настоящий профессионал, стремится сделать порученное ему дело как можно лучше.

Вскоре случилось то, что неизбежно должно было случиться: Корзинкин начал вымещать на Сергее все свои обиды. Унижая и оскорбляя Сергея, придираясь к нему по ничего не значащим пустякам, он вымещал на нем все то, что не мог высказать Штерну и Нейману.

Есть одна мудрость: то, чего человек более всего боится, рано или поздно с ним случается. Корзинкин больше всего на свете боялся увольнения. Он понимал, что за пять лет до пенсии шансы на нормальное трудоустройство для него практически равны нулю. Не умея ничего делать, не обладая никакой реальной профессией и не владея никаким ремеслом, он умел лишь одно: изображать из себя важного человека и пресмыкаться перед начальством. Вот почему, услышав разговор Штерна с Руденко, он, не зная предыстории этого разговора, он пришел в ужас. И, будучи уже морально сломлен, он был готов на все – лишь бы смягчить свое наказание.

Вся его предыдущая жизнь пронеслась перед его мысленным взором.

- Итак, Сережа, я что-то твой ответ не очень хорошо расслышал твой ответ, - саркастически спросил Штерн и вопросительно посмотрел на Корзинкина.

- Я согласен, Александр Леопольдович, согласен, - торопливо бормотал Корзинкин, размазывая по лицу слезы.

Штерн с плохо скрываемым отвращением посмотрел на своего заместителя. Однако, зная, как пугают Корзинкина внезапные смены настроения и тона генерального директора, Штерн заговорил неожиданно миролюбиво и спокойно.

- Если согласен, то тогда сядь прямо и начинай мне все рассказывать, - сказал Штерн и посмотрел на Корзинкина, казалось, дружелюбно.

- Ради Господа Бога, Александр Леопольдович, простите меня, - торопливо забормотал Корзинкин. – Но видит Бог – я лишь исполнитель этого ужасного преступления. Я не хотел в это ввязываться – клянусь вам здоровьем моего сына! – меня заставили это сделать! И при этом уверяли, что вы в курсе всей этой операции!

- Вот как! – деланно удивился Штерн. – Попробую угадать: кто же это? Неужели это мой родственничек Трофимов?

- Он, Александр Леопольдович, Богом клянусь – он! – скороговоркой заговорил Корзинкин. Он начал говорить быстро, буквально тараторил, словно боялся, что Штерн сейчас встанет, перебьет его, ударит, уволит. – Он уверял меня, что все это нужно для вас, но именно вам нельзя

светиться в этом деле. Он убеждал меня, что вы в курсе дела. А поскольку Трофимов ваш родственник, то как же я мог ему не поверить?! Простите меня!

И Корзинкин снова заплакал.

- Вот дурак, - спокойно и ласково произнес Штерн. – Сергей Орестович, да как же ты мог поверить такой сволочи, как Трофимов?! Я давно подозревал, что он тут что-то крутит против меня! Ты бы пришел ко мне, рассказал бы! И мы бы с тобой все бы обсудили. И не было бы сейчас этого неприятного разговора! Сергей Орестович, вот веришь – я ж тебе верю гораздо больше, чем Трофимову! Ты человек честный, порядочный, а на рожу моего родственничка только взгляни – вылитый ворюга! Ладно, ладно, успокойся. Ты меня тоже извини, что я на тебя так жестко наехал, но ты ведь понимаешь, что иначе никак было нельзя!

Корзинкин продолжал плакать, но уже от счастья. Несмотря на свою ненависть к Штерну, в эту секунду он почти любил его.

Штерн встал из-за стола, подошел к Корзинкину и ласково положил ему руку на плечо. Корзинкин схватил руку Штерна, прижал к своей груди и, уткнувшись лицом в пиджак Штерна, зарыдал в голос.

- Я тут вот что подумал, - продолжал Штерн, не меняя ни тона, ни позы. – То, что ты оказался крайним во всей этой истории – это принципиально неправильно. Поэтому ты мне сейчас обо всем подробно напишешь. Прямо сейчас. Вот тебе бумага, ручка – пиши на мое имя служебную записку. И изложи там все. Подробно изложи, разверни тему. И укажи, что, несмотря на то, что тебя сделали крайним, ты действовал по заданию Трофимова.

- Да, конечно, Александр Леопольдович, - радостно забормотал Корзинкин. Он вытер слезы, схватил авторучку и принялся быстро писать. Штерн, стоя у него за спиной, читал все написанное.

Корзинкин писал и писал, уткнувшись в лист бумаги, и поэтому не видел выражения лица Штерна: лицо генерального директора выражало презрение и почти физическое отвращение.

- Вот, Александр Леопольдович, я все написал, - пробормотал Корзинкин, закончив свое занятие, и протягивая Штерну исписанные листы бумаги.

Штерн взял их в руки и пробежал глазами: фактически это был полный отчет о преступлении, предусмотренного статьей двести четыре уголовного кодекса – коммерческий подкуп.

Все складывалось как нельзя лучше.

- Молодец, - похвалил Штерн Корзинкина, прочитав его опус. Он поднялся, открыл сейф и положил туда документ, запер сейф и вернулся на свое место. – Ну, теперь осталось сделать завершающий аккорд: верни награбленное в мозолистые руки.

- Что? – переспросил Корзинкин.

- Ну, ты ведь понимаешь, что это не твои деньги, - рассудительно и спокойно промолвил Штерн. – Эти денежки вы с Трофимовым поделили пополам, так ведь? Вот и верни полтора миллиона зеленых. С Трофимовым я уж сам разберусь – благодаря твоей помощи! А все, что украл – то верни. Как вернешь – забудем о произошедшем. Как о дурном сне. Ты же сам сказал, что твоя машина на ходу. Вот и отправляйся домой – или где ты там деньги хранишь? – и привези деньги. Через два часа жду тебя в своем кабинете. Все, Сергей Орестович, время пошло.

Произнеся эти слова, Штерн уткнулся в бумаги и больше не обращал на Корзинкина никакого внимания. Будто бы его вовсе не существовало.

Корзинкин вел машину и размышлял. Впрочем, вряд ли этот мысленный сумбур можно было назвать размышлением: скорее, это было просто поток страха помноженного на отчаянье и безнадежность.

Он не питал иллюзий относительно своей дальнейшей судьбы. О мстительности и злопамятности Александра Леопольдовича по институту ходили легенды. И то, чтобы Штерн простил ему, Корзинкину такое страшное преступление – нет, это просто фантастика!

Но, в любом случае, эти деньги надо Штерну обязательно вернуть!

Наверняка, после того, как он вернет деньги Штерну, последний уволит его с работы. Конечно, это неприятно: ведь Корзинкину до пенсии остается всего-навсего пять лет! Но это не катастрофа: еще есть шанс устроиться куда-нибудь на другую работу. Кроме того, и жена, и сын работают на высокооплачиваемых должностях, да к тому же за время работы в институте Корзинкин смог поднакопить значительную сумму денег. Так что, семья голодать не будет.

При любом раскладе, худшее из возможного – это месть Штерна. Дай Бог, чтобы он удовлетворил свое чувство мести лишь одним увольнением!

А потом, когда он устроит свою судьбу, можно будет поквитаться и с Гильманом! Жизнь положу, но этого ублюдка уничтожу!

... Корзинкин опасливо вошел в кабинет Штерна и прикрыл за собой дверь.

- Разрешите, Александр Леопольдович? - проблеял Корзинкин.

- Да, конечно, заходи, - радушно ответил Штерн.

Корзинкин подошел к Штерну и, словно «челнок» на оптовом рынке, протянул ему огромную сумку.

Штерн открыл сумку: там аккуратными пачками лежали доллары. Александр Леопольдович не торопясь пересчитал деньги: там было ровно полтора миллиона долларов.

- Ну, вот и молодец, - удовлетворенно крикнул Штерн и посмотрел на Корзинкина.

- Я могу идти? – спросил Корзинкин, трусливо переминаясь с ноги на ногу.

- Нет, погоди, – жестом остановил его Штерн. – Еще есть пара слов. Присаживайся.

Душа Корзинкина снова наполнилась страхом. Он опасливо сел на стул напротив Штерна и внимательно посмотрел на него, всем своим видом выражая собачью преданность.

- Ты про Пашу Васнецова хорошо помнишь? – спросил Штерн и замолчал, внимательно глядя на Корзинкина.

Ну, еще бы! Эту историю Корзинкин помнил очень хорошо и не забыл бы даже в день Страшного Суда!

Лет пять назад Павел Сергеевич Васнецов был начальником отдела в институте. В отличие от остальных руководителей, приближенных к Штерну, он обладал сильным независимым характером и частенько возражал генеральному директору на планерках.

Как известно, два медведя в одной берлоге не уживаются. Поэтому вскоре события стали развиваться с неизбежностью снежной лавины, несущейся по горному склону: Штерн возненавидел Васнецова. И однажды на планерке он жестоко и обидно унизил Васнецова, причем, сделал это намеренно. Трудно сказать, на что рассчитывал Штерн. Возможно, он хотел просто поставить Васнецова на место, поскольку понимал, что, несмотря на свой характер, Павел Сергеевич был отличным специалистом и дело свое знал прекрасно. Возможно, была какая-то другая цель.

Но события пошли по иному пути и в дальнейшем развивались иначе: во всяком случае, не так, как задумывал Штерн. Вместо того чтобы проглотить обиду, Васнецов ответил Штерну. Причем, ответил жестко и по делу. В результате, в дураках остался Штерн, а не он. И вдобавок, спустя несколько минут, Васнецов положил Штерну на стол заявление об уходе.

Но этим дело не ограничилось. Буквально в течение недели Васнецов, найдя инвесторов и партнеров, создал свою фирму, в которую ушел почти весь его отдел – практически все те люди, которыми он руководил, работая в институте.

Это был плевок в лицо. Положение усугублялось тем, что конфликт произошел на глазах у всех непосредственных подчиненных Штерна, которые, разумеется, не вмешивались в развитие ситуации, но это могло послужить им совершенно нежелательным примером. Поэтому Штерн поклялся отомстить.

Спустя еще неделю Васнецов вместе с партнерами решили отметить удачное начало совместного бизнеса. Для этого, как обычно, они закупили водки, мяса и решили устроить неплохую вечеринку с шашлыками на природе. Для этой цели была выбрана небольшая уютная дача Васнецова. К полудню все приехали на дачу, оставив свои машины за воротами в поле.

Вечеринка удалась. Шашлыки получились отменными и прекрасно пошли под водочку. Песни под гитару, теплая летняя ночь – все было прекрасно. В тот вечер все угомонились довольно поздно и легли спать.

Ночью Васнецова разбудили крики на улице. Он вскочил и увидел, что его дача полыхает огнем. С трудом все едва успели выбежать на улицу, даже забыв одеться. Попытки потушить дом ни к чему не привели: дача сгорела дотла.

Но когда Васнецов, с трудом придя в себя после такого несчастья, подошел к тому месту, где еще вчера оставил машину, он с трудом устоял на ногах: перед ним предстала некая груда металлолома, которая еще вчера была почти новеньким «Опель Вектра». На машине не осталось ни единого живого места. Казалось, каждая деталь подверглась акту сознательного вандализма.

Всем было совершенно ясно, что это умышленные действия неизвестных хулиганов. Однако в милиции разбираться почему-то не стали: как только выяснилось, что все участники трагедии накануне выпивали, дело было сразу же закрыто. Более того, над Васнецовым еще и посмеялись.

Однако деятельную натуру Васнецова было не так-то легко ввергнуть в уныние: не такой он был человек. Он с удвоенной энергией взялся за развитие нового бизнеса, справедливо полагая, что и на новую машину, и на строительство дачи он сумеет заработать за год – максимум, два.

Но далее несчастья обрушились на голову Павла Сергеевича с новой силой. Спустя еще несколько дней, возвращаясь с работы, жена Васнецова попала в автомобильную аварию: неизвестный водитель сбил ее прямо на пешеходном переходе и умчался вдаль, даже не притормозив. Было темно, и никто не разглядел не только номер машины, но даже ее марку. В результате жена Васнецова с тяжелыми переломами оказалась в больнице. А еще через неделю неизвестные подонки избили сына Васнецова, возвращавшегося домой.

После последнего происшествия, сопоставив события последних дней, Васнецов заподозрил, что в этом деле без руки Штерна не обошлось. Эти подозрения переросли в уверенность, когда в конце квартала, менее чем через месяц после начала работы фирмы, к нему зачастили проверяющие из самых разнообразных инстанций.

Все эти мытарства закончились весьма печально: Васнецов был вынужден закрыть фирму. Впрочем, уйдя работать по найму, он вскоре смог осуществить свою мечту и открыл новую фирму, в которой работал и по сей день.

Но этот случай получил в институте широкую огласку. Особое впечатление эта история произвела на Корзинкина. Он был готов, скорее, сунуть голову в львиную пасть, чем возразить Штерну даже в самых ничтожных мелочах. Корзинкин знал, что Штерн мстителен и злопамятен. Бывали случаи, когда Александр Леопольдович мог забыть какую-то мелочь, касающуюся просьбы сотрудника. Но не было ни единого случая, чтобы Штерн прощал сотрудникам даже самые невинные прегрешения: он всегда с лихвой квитался за обиды, причем обладал в вопросах мести поистине дьявольской изобретательностью. Мечь Штерна была всегда неожиданной,

поражала невиданной жестокостью и при этом методы и способы возмездия практически никогда не повторялись.

- Я тебе, кажется, вопрос задал, - повторил Штерн, упиваясь животным страхом Корзинкина.

- Да, Александр Леопольдович, помню, конечно, - упавшим голосом произнес Корзинкин. – Только... это... а почему вы спросили?

- Да это так, - махнул рукой Штерн. – На всякий случай спросил. А то вдруг забыл – всякое ведь бывает...

- А теперь мне что делать? – упавшим голосом спросил Корзинкин. – Написать заявление об уходе?

- Зачем? – деланно удивился Штерн. – Я этого не говорил. Ты мне еще здесь понадобишься.

Корзинкин ожидал все, что угодно – только не такого поворота событий. Он непонимающе уставился на Штерна и не нашел, что ответить.

- Не понимаешь? – насмешливо глядя на Корзинкина, спросил Штерн.

Корзинкин, не находя в себе силы вымолвить хотя бы слово, лишь отрицательно помотал головой.

- Тогда, слушай меня очень внимательно, козел многогрешный, - произнес Штерн. – Ибо дважды повторять я не стану. А посему, жертва аборта, слушай и запоминай следующее.

Произнеся эти слова, Штерн с ненавистью глядя на Корзинкина. Тот сидел ни жив, ни мертв от ледящего страха и своей мертвенной бледностью мог поменяться с любым покойником.

- То, что ты мне вернул украденное – хорошо, хвалю, молодец, - милостивым тоном промолвил Штерн. При этих словах Корзинкин попытался улыбнуться. Но это у него плохо получилась: улыбка вышла жалкой и заискивающей. Штерн с отвращением посмотрел на своего заместителя и продолжал:

- Вдвойне хорошо, что все свои подвиги ты изложил на бумаге и указал на истинных виновников. Но это еще не все. В общей сложности ты украл еще триста семьдесят восемь тысяч долларов. Вот тебе, парень, список.

Корзинкин взглянул на список, который дал ему Штерн и обомлел: это был полный список договоров, по которым тот получал откаты от Вадика Громадского.

Это был конец.

- Учитывая то, что ты это делал регулярно в течение двух лет, то, с учетом банковского процента, плюс моральный ущерб ты мне должен вернуть еще пятьсот тысяч долларов, продолжал Штерн. - Вот пока ты мне эти деньги не вернешь, то будешь работать здесь на прежней должности. Учти, что с этого момента включается счетчик в размере банковского процента за потребительский кредит. Чем быстрее вернешь, тем быстрее освободишься. Считай, что я тебе сейчас предоставил потребительский кредит на пять лет. Следовательно, будешь возвращать мне по сто тысяч долларов ежегодно плюс банковский процент. Платить будешь ежемесячно, наличными. Как ты мне это будешь возвращать, где станешь брать деньги – твои проблемы. У тебя неплохая зарплата, есть квартира, машина, дача, сын работает, жена твоя работает – вот и возвращай. А чтобы у тебя не возникло соблазна учудить что-либо, то запомни: за все твои подвиги в случае чего будут отвечать твоя жена и твой сын. Если ты станешь работать плохо, то за тебя ответит твоя семья. Если ты взглянешь на меня таким образом, что мне не понравится – ответит твой сын. Если ты решишь сбежать, то ответит твой сын. Если вдруг случайно с тобой что-то случится – ну, там, попадешь под машину, вывалишься из окна или утонешь – по твоим долгам ответит твой сын. Если ты станешь болтать больше, чем я тебе это позволю – за это

ответят твои жена и сын. Если же ты еще что-то у меня украдешь, то тогда точно сядешь в тюрьму, а за тебя будет отвечать твой сын. Учитывая твоё пикантное прошлое, то подумай сам: что тебя ждет на зоне, а?

Штерн сделал паузу, отхлебнул виски из бокала и затянулся сигарой.

- А теперь ты, великий комбинатор, мне расписочку напишешь на этот должок, - закончил Штерн. Он пододвинул к Корзинкину чистый лист бумаги и зловеще подмигнул. – Тогда временно можешь спать спокойно. Давай, пиши: время пошло.

Корзинкин слушал Штерна, но слова доходили до него с трудом. Он понимал, что это конец. Штерн, с дьявольской, иезуитской изобретательностью не оставил Корзинкину никакого выхода. Он попал в цугцванг – так в шахматах называют ситуацию, при которой любой твой ход является заведомо плохим и ведет к поражению. Разница лишь в том – сколько ходов оставит тебе соперник.

Но Штерн не оставлял ему уже ничего. Он не оставлял ему шанса начать новую жизнь. Не было возможности даже покончить с собой.

Оставалось только одно: покорно исполнять волю Штерна.

Ибо альтернатива в этом случае была только одна: смерть не только его, но и всей его семьи.

И ладно бы только смерть! Корзинкин на собственном опыте понимал, что такой страшный человек, как Штерн, вполне может изобрести нечто похуже смерти.

Корзинкин больше не обольщался на свой счет. Он прекрасно понимал, что у него нет возможностей и – самое главное! – воли и силы духа противостоять Штерну. Имея такие связи и материальные возможности, учитывая то, какие деньги стоят на кону, можно не сомневаться, что Александр Леопольдович все предусмотрел и наверняка одержит победу, если Корзинкин осмелится вступить с ним в схватку.

О мести Гильману Корзинкин больше не помышлял: ему уже было не до этого.

Поражение начинается, прежде всего, в мозгу человека. Проигрывает тот, кто проиграл еще до схватки, добровольно расписавшись в собственном бессилии. Как в свое время неплохо сказал немецкий генерал Гудериан, нет отчаянных положений, есть отчаявшиеся люди.

Корзинкин был тем самым отчаявшимся человеком, растерявшим в одно мгновение последние остатки воли и собственного достоинства.

Впрочем, он потерял собственное достоинство уже давно: с той самой минуты, когда позволил Александру Леопольдовичу помыкать собой, когда отдался Штерну в клубе «Инмэн» исключительно ради благосклонности шефа.

Он сразу признал свое поражение. И, не пытаясь сопротивляться, не сделав ни единой попытки постоять за себя, за свою семью, он, словно жертвенное животное, покорно шел на заклятие, прекрасно осознавая, что происходит и какие будут последствия.

Он молча написал расписку.

Штерн взял ее в руки и внимательно просмотрел.

Все было правильно: это была расписка на то, что Сергей Орестович Корзинкин взял в долг у Александра Леопольдовича Штерна пятьсот тысяч долларов сроком на пять лет. Расписка была написана по всем правилам юриспруденции.

- Ну что ж, все правильно, - удовлетворенно произнес Штерн, пряча расписку в ящик стола. – А теперь пошел вон!

Глава 20. Трофимов

«А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

И.А. Крылов. 1812

На следующий день после вышеописанных событий на столе Трофимова зазвонил телефон.

Он снял трубку: звонила жена.

- Слушай, Алеша, - послышался в трубке сердитый голос дорогой и любимой подруги жизни. – Я сейчас в магазине, пытаюсь оплатить покупки, но мне продавщица говорит, что на карточке нет денег. Я не понимаю: ты же сам дал мне эту карточку! В чем дело?

- Нет денег? – удивленно переспросил Трофимов. – Очень странно! Оля, а ты ничего не перепутала?

- Это ты перепутал, - обиженно ответила Оля. – А я оплачиваю той карточкой, которую ты же мне и дал!

- Хорошо, я сейчас разберусь, - ответил Трофимов. - Ты можешь перезвонить мне через десять минут?

- Да, могу, - раздраженно ответила Оля и бросила трубку.

«Ерунда какая-то, подумал Трофимов. Наверняка что-то перепутала. Ох, бабы, бабы, техника в ваших руках – хуже динамита».

Подумав об этом, Трофимов улыбнулся и включил компьютер. Ну, никак не может такого быть, чтобы на карточке не было денег: там ведь около полутора миллионов долларов!

Трофимов быстро набрал нужный код и посмотрел на состояние счета. Впервые после разговора с женой улыбка сползла с его лица.

Счет был пуст.

Не веря своим глазам, Трофимов снова и снова пытался просмотреть состояние счета.

Ошибки не было.

Трофимов тупо смотрел на экран, пытаясь понять суть происходящего. Затем, подумав немного, он взял в руку телефонную трубку и набрал нужный номер.

- Алло, барышня, - заговорил Трофимов. – Тут у меня произошла одна маленькая неприятность: мне ваша система говорит, что на моей карточке нет денег. А я точно знаю, что деньги там должны быть. Вы не могли бы проверить? Или сразу скажите: может быть у вас сбой какие-то сегодня?

- Нет, никаких сбоев нет, - ответил Трофимову мелодичный женский голос. – Я сейчас проверю. Код назовите.

Трофимов назвал код.

- Нет, все совершенно правильно, - ответила девушка после непродолжительной паузы. – На этом счете остаток равен нулю. Вы сегодня утром сами перевели эти деньги на другой свой счет.

Трофимов подумал, что ослышался.

- Что? - переспросил он. – А... это... на какой счет?

- Извините, но по телефону мы таких справок не даем, - мягко, но в то же самое время недвусмысленно и однозначно ответила девушка. - Направляйте официальный запрос в наш процессинговый центр – и мы дадим вам подробную и официальную справку. До свидания.

И в трубке раздались короткие гудки.

Снова зазвонил телефон.

Трофимов снял трубку: это снова была его дражайшая супруга.

- :Ну, ты, наконец, разобрался с этим вопросом? – раздраженно спросила она. – Я могу, наконец, идти в кассу?

- Значит так, дорогая, - ответил Трофимов. – Ты сейчас можешь идти, но не в кассу, а к прилавку. Положи все, что ты накупила, на место и возвращайся домой. С нашей карточкой случились некоторые неприятности, она заблокирована. Завтра я во всем разберусь, и ты купишь все, что хотела и даже больше. А сейчас извини, но я занят. Сегодня мне больше не звони: дома поговорим.

И, не дожидаясь ответа жены, Трофимов бросил трубку.

Он ничего не понимал. Что произошло? Куда делись деньги? Он ведь еще не сошел с ума и знает, что ничего и никуда не переводил: ни вчера, ни сегодня – никогда! Трофимов машинально, снова и снова проверял свой счет.

Пусто.

Остаток: ноль рублей, ноль копеек.

Пусто.

ПУСТО!!!

И что же ему теперь делать? До зарплаты еще две недели, на счете нет ни гроша. Даже продукты к обеду купить не на что!

Впрочем, этот вариант он сейчас может поправить. На счету его оффшорной компании на Кипре – той самой, которой он владеет на паях со Штерном – в настоящий момент должно быть около двух миллионов долларов. И у него есть доступ к управлению банковским счетом; он может прямо сейчас перевести на свой счет любую сумму.

Ну, конечно же, так и надо сделать! А потом он найдет, как объяснить Штерну свои действия. Самое главное сейчас – перевести две-три тысячи долларов на свой счет на текущие расходы. А затем надо будет тщательно обдумать свои дальнейшие действия и план разговора со Штерном. За дело!

Трофимов быстро открыл страницу, дающую ему возможность удаленного управления своим банковским счетом в оффшоре, и ввел коды доступа. Но – странное дело! – на экране появилась надпись:

«Введены неверные данные! В доступе отказано!»

Не веря своим глазам, Трофимов тщательно все проверил и медленно, по буквам, повторил ввод. На экране появилась та же самая убийственная надпись.

- Что за чушь, - пробормотал про себя Трофимов. – Как это может быть?

Может быть, он забыл пароль или код доступа? Трофимов достал из кармана бумажку, на которой были крупными буквами напечатаны вводимые данные. Все было правильно. Он снова и снова повторял ввод, но результат не изменялся.

Это просто дурной кошмарный сон: ведь еще вчера вечером он входил в свой счет! Еще накануне все было нормально – что же произошло сейчас?!

Нет, Алексей Максимович, подожди! Самое главное - не паникуй! Надо позвонить в этот треклятый банк – возможно, это просто какой-то сбой в работе системы. Если это так, то в этом случае он просто одолжит у Штерна на пару дней деньги на текущие расходы, а потом со всем разберется.

Трофимов снял трубку телефона и набрал нужный номер.

- Добрый день, служба информации приветствует вас, - раздался в трубке мелодичный женский голос.

- Добрый день, - вежливо сказал Трофимов. – Вас беспокоит ваш клиент. Я сейчас не могу войти в систему удаленного управления свои банковским счетом. Вы не могли бы мне помочь и объяснить: что происходит?

- Одну минуту, - любезно проворковал женский голос. – Я сейчас все проверю. Назовите ваш личный код доступа.

Трофимов назвал.

- Действительно, вы были зарегистрированы, как наш клиент, - спустя некоторое время отозвался голос. – Но вчера вечером вы были удалены из списка лиц, которые могут управлять данным счетом. Весьма сожалею, но поскольку все было сделано в полном соответствии с нашими правилами удаленной работы, вы не можете в настоящий момент управлять своим счетом и не имеете к нему доступа.

- То есть как это «был удален»? – опешил Трофимов. – Кем был удален? На каком основании? Зачем? Девушка, я еще не сошел с ума: вчера лично я ничего не удалял.

- Я и не говорю, что эта операция была сделана вами, - любезно ответила девушка. – Но, повторяю: поскольку все было сделано в соответствии с нашими правилами, то никаких нарушений не зафиксировано. Поэтому на ваши вопросы я сейчас, к сожалению, ответить не могу: мы не имеем права давать такие справки по телефону. Но вы можете направить нам официальный запрос либо лично прибыть в наш офис с документами, удостоверяющими вашу личность. В этом случае мы сможем дать вам официальный ответ.

- Да, я вас понял, большое спасибо, – машинально ответил Трофимов. От полученной ошеломляющей новости, он говорил, словно робот. – Пожалуй, я так и сделаю.

- До свидания, - любезно проворковала девушка дежурным тоном. – Спасибо за ваш звонок, всего хорошего!

- До свидания, - медленно произнес Трофимов и опустил трубку.

Он сидел, словно придавленный внезапно свалившимися на него проблемами.

Как такое могло произойти? Кому это понадобилось? Штерну? Бред сивой кобылы, зачем ему это нужно? Еще вчера они любезно с ним общались, вечером распили бутылочку дорогого французского коньяка, поэтому никаких оснований подозревать Штерна в том, что это сделал именно он, у Трофимова не было. Тогда кто же?

Внезапная мысль, словно молния, поразила Трофимова в самое сердце.

Гильман!

Вот кто все это сделал! Только он – и никто, кроме него!

СУКА!!!

Только Гильман мог найти в сети те файлы, на которых Трофимов хранил информацию о его оффшорных компаниях, номера банковских карточек и пароли к ним! Не полагаясь на свою память, Трофимов хранил эти данные на своем компьютере. Разумеется, он позаботился о том,

чтобы защитить эту информацию, но наверняка такому специалисту, как Гильман, не составило труда взломать эту защиту!

Трофимов много раз слышал и читал про то, как хакеры взламывают банки и воруют огромные суммы денег. Разумеется, он не знал, - да и не мог знать и судить! – истинного уровня профессиональной подготовки Сергея Гильмана, но интуитивно чувствовал, что этот уровень достаточно высок.

И поэтому он боялся Сергея. Именно по этой причине он сразу посоветовал Корзинкину избавиться от Сергея. Именно поэтому он сделал все от него зависящее, чтобы очернить Сергея в глазах Штерна.

Он все понял.

Вот зачем этому гаденышу понадобилось в такой спешке срочно увольняться! Разумеется, все эти досужие разговоры о выгодной работе – все это словесный понос. А этот дурак Корзинкин и уши развесил!

Обиднее всего в этой ситуации для Трофимова было то, что он прекрасно понимал, что сам же и посоветовал Корзинкину выгнать Гильмана, как можно скорее на все четыре стороны!

Как же он мог упустить из виду такую элементарную вещь?! Почему же он не подстраховался?!

Но, с другой стороны, слушая рассказы этого законченного болвана Корзинкина, он в итоге сам уверовал в то, что Сергей – трусливый и никчемный человек. Поэтому Трофимов не мог даже помыслить о том, что Гильман может решиться на какие-то ответные действия. Увольнение Сергея было в глазах Трофимова отличной превентивной мерой для того, чтобы тот даже случайно не смог раскопать их с Корзинкиным темные делишки, которые они прокручивали за спиной Штерна.

И что же теперь ему делать?

Заявить в милицию? Скорее всего, так и следует поступить. Но в этом случае неизбежно встанет вопрос о другом: откуда у Трофимова такая громадная сумма на банковской карточке? Шутка ли: полтора миллиона долларов!!! Кроме того, он в одно мгновение лишился всего: и денег на банковской карточке, и своей оффшорной компании на Кипре! Ну, ладно, компанией на Кипре они владели вдвоем на паях со Штерном, этот факт Александр Леопольдович и сам прекрасно знает! Но о полутора миллионах долларов Штерн ни сном, ни духом не знает и не ведает!

Но если будет возбуждено уголовное дело по факту кражи средств с его, Трофимова банковской карточки, то Штерн об этом факте неизбежно узнает! А вот тогда последствия могут быть непредсказуемыми!

Штерн чрезвычайно мстителен и злопамятен. Он в гневе страшен. И тот факт, что он, Алексей Максимович Трофимов является родственником Штерна, гнева Штерна не уменьшит, а, наоборот: в этом случае будет только хуже.

Значит, с заявлением в милицию о краже денег с его карточки следует пока немного повременить – по крайней мере, на пару часов. Надо будет для начала обратиться в банк с заявлением, чтобы эту карточку временно заблокировали. И выдали ему другую. А вот о том, что его удалили из списка лиц, которые имеют право удаленного управления банковским счетом в оффшоре – об этом следует немедленно сказать Штерну. В это напротив, нет никакой опасности. Наверняка, Штерн будет в бешенстве. При этом, обладая связями на самом верху, в прокуратуре и в ФСБ, Штерн сумеет договориться о том, чтобы к расследованию были подключены самые лучшие силы.

Трофимов резким движением схватил в руки телефонную трубку мобильного телефона и набрал номер Штерна.

- Алло, - раздался в трубке ровный голос Александра Леопольдовича. – Слушаю тебя, Леша. Что случилось?

- Слушай, Саша, ты сейчас можешь меня принять? – без обычного приветствия спросил Трофимов. В институте он был одним из немногих, кто мог себе позволить называть генерального директора на «ты» и по имени без отчества. – Тут одна проблема серьезная нарисовалась, которая нас обоих касается.

- А что такое? – обеспокоено спросил Штерн.

- Да это не телефонный разговор, - уклончиво ответил Трофимов. – Так я зайду?

- Знаешь, я сейчас немного занят, - замялся Штерн. - Давай сделаем так: в двенадцать часов я освобожусь, и мы с тобой побеседуем. За полчаса уложимся?

- Скорее всего, уложимся, - быстро ответил Трофимов. Он знал, что это заведомая неправда, но он помнил и другое: Штерн очень не любил долгих разговоров и всеми правдами и неправдами старался их избегать.

- Ну и отлично, - удовлетворенно крикнул Штерн и повесил трубку.

До назначенного срока было еще полтора часа. Трофимов встал, подошел к изящному сервировочному столику и налил себе кофе.

К пятидесяти годам у Трофимова фактически не было ни друзей, ни профессии. Вся его жизнь была чередой невероятных поворотов, взлетов и падений. Окончив физический факультет университета, он долгое время часто менял места работы. Интерес к своей профессии он проявлял лишь время от времени. Он проявлял интерес лишь к тому, что могла принести ему ощутимую выгоду. Его жизнь в основном заключалась в том, что он просиживал на работе, обдумывая способы быстрого обогащения. Но в то же самое время он всегда хотел быть неоспоримым победителем: Трофимов стремился к власти.

Этот шанс судьба предоставила ему тогда, когда его родная сестра вышла замуж за Штерна. Трофимов сразу понял, какие возможности дает ему высокое положение его новоявленного родственника. Будучи от природы неплохим психологом, он сразу понял характер Александра Леопольдовича.

Он начал обхаживать Штерна издалека. Почти ежедневно он нашептывал ему страшные рассказы об ужасных последствиях того, что на высоких постах находились предатели. Рассказывая подобные истории, Трофимов при этом не уставал повторять, что только преданный родственник может обеспечить Штерну спокойствие и богатство на долгие годы. При этом он явным образом ничего не просил лично для себя.

Есть старая истина: если человеку сто раз сказать, что он свинья, то на сто первый раз человек хрюкнет. Как известно, вода и камень точит. Если человеку изо дня в день повторять одно и то же, то рано или поздно даже самый трезвомыслящий индивидуум начинает в это верить. Подобными разговорами Трофимов добился своего: Штерн пришел к выводу, что такой человек, как Алексей Максимович, ему жизненно необходим.

После того, как Штерн предложил Трофимову стать его заместителем по финансам, Трофимов недолго сопротивлялся и размышлял: он почти сразу же согласился. Несмотря на то, что в финансах он разбирался не лучше, чем пингвин в аэродинамике, он с удовольствием уселся в уютное кресло финансового директора. Правда, большую часть времени он просто бесцеремонно вмешивался в работу других подразделений, собирал сплетни, а потом в искаженной форме передавал их Штерну.

Он знал, что Штерн чрезвычайно жаден до денег. Имея доступ к финансовой информации, Трофимов очень быстро понял источники обогащения своего зятя. И стал ждать своего часа: он обладал терпением.

Этот час пришел в тот момент, когда заместителем Штерна по производству стал Корзинкин. Трофимов сразу понял, что трусливый, беспринципный и недалекий Корзинкин готов на все – лишь бы заслужить благосклонность генерального директора.

Ему не пришлось долго уговаривать Сергея Орестовича обогащаться на откатах. Он понимал, что закупки оборудования для огромного института – это золотая жила, на которой можно неплохо погреть руки...

...Трофимов вошел в кабинет Штерна, всем своим видом показывая, что случилось нечто, из ряда вон выходящее.

- Ну, рассказывай, что случилось? – участливо спросил Штерн.

- Ты давно проверял наш счет в офшоре? – без обиняков спросил Трофимов.

- Наш счет? – удивленно переспросил Штерн. – Вчера вечером, а что такое?

- А сегодня ты его проверял? – задал другой вопрос Трофимов, пропустив мимо ушей замечание Штерна.

- Нет, не проверял, - тем же тоном ответил Штерн. – Ты можешь толком объяснить: что произошло?

- Сначала проверь наш счет, - уклонился от ответа Трофимов. – Я хочу тебе кое-что продемонстрировать. А потом тебе все объясню.

- Да, пожалуйста, - с деланным недоумением пожал плечами Штерн. – Если ты хочешь, то сейчас все проверю.

Он включил компьютер и пощелкал клавишами. Трофимов терпеливо ждал и испытующе смотрел на Штерна. Тот, сделав несколько операций, через несколько минут развернул монитор к Трофимову и с недоумением уставился на последнего.

- Ну вот, я вошел в режим удаленного управления счетом, - удовлетворенно произнес Штерн и вопросительно уставился на Трофимова. – Все деньги на месте, со вчерашнего дня ничего совершенно не изменилось. И что ты мне хотел показать?

Трофимов ожидал всего, что угодно, но только не такого развития событий. Он растерянно переводил взгляд с монитора на Штерна, молчал и напряженно думал: как же так? Штерн без проблем вошел в режим удаленного управления – значит, таинственный хакер не посмел его тронуть и заблокировал вход исключительно для одного Трофимова.

Впрочем, все понятно, тут же решил для себя Трофимов. Ничтожный и трусливый Гильман не осмелился поднять руку на самого Штерна и решил сделать мелкую пакость в отношении финансового директора. Все сходится.

Впрочем, вряд ли можно назвать «мелочью» кражу денег с его банковской карточки. Но это уже дело поправимое. Узнав, что кто-то копается в счетах его фирмы, Штерн, наверняка, придет в совершеннейшую ярость.

Ну, все, трындец котенку, то есть Гильману!

Подумав об этом, Трофимов снова пришел в отличное расположение духа.

- Итак, я не совсем понимаю, что же тебя так взбудоражило? – повторил свой вопрос Штерн, испытующе глядя на Трофимова. – Надеюсь, теперь-то ты мне все расскажешь и пояснишь: в чем, собственно, дело?

- Теперь расскажу, - утвердительно кивнув головой, ответил Трофимов. – И начну я свой рассказ с того, что, кажется, к нам на банковский счет нашей офшорной фирмы вломился хакер. И я теперь догадываюсь, кто он конкретно.

- Иди ты..., - испуганно пробормотал Штерн. - Хакер? Ну, надо же! И что этот хакер натворил? Ты знаешь, кто он?

- Имя этому хакеру – Сергей Михайлович Гильман, - торжественно произнес Трофимов, глядя на Штерна. – И он сделал следующее: вломился на счет нашей фирмы и заблокировал мне вход в удаленное управление счетом. Точнее, он удалил меня из списка лиц, которые могут управлять данным счетом. Вот такие пироги! Но это еще не все! Он перевел куда-то деньги с моей банковской карточки и заблокировал ее! Как тебе?

- А, вот ты о чем, - неожиданно спокойно и небрежно бросил Штерн и вальяжно развалился в своем кресле. – Насчет этого события я уже в курсе. Сергей Гильман тут совершенно ни при чем.

- Да? – растерянно и в то же время с любопытством в голосе спросил Трофимов. – А что же ты мне ничего не сказал? Что, этим уже твои друзья из прокуратуры занимаются, да? Ну, Саша, тогда я просто перед тобой преклоняюсь: молодец! Оперативно работаешь, супер! Не Гильман, говоришь? Очень интересно! А кто же это, если не секрет?

- Это я тебя удалил из списка лиц, которые могут управлять данным счетом, - спокойно ответил Штерн, не меняя ни тона, ни позы.

Если бы сейчас перед Трофимовым внезапно появился сам царь Соломон или если бы Штерн сообщил, что будет баллотироваться на пост президента Израиля – наверное, и в этом случае Трофимов не был бы так поражен услышанным.

Он подумал, что ему послышалось.

Ну, конечно же, такого просто не может быть! Разумеется же, Александр Леопольдович сказал не «я», а он, наверное, произнес «ни х...я»! Типа, «не бзди, братуха»!

Вот ведь, почудится же такая ерунда!

Трофимов на всякий случай даже тряхнул головой и через силу слегка улыбнулся.

- Извини, Саша, я просто задумался и поэтому не расслышал тебя, - сказал Трофимов и напрягся, стараясь не пропустить ни единого слова. – Что ты сейчас сказал?

- Не изображай из себя клинического идиота, - презрительно скривился Штерн. – Впрочем, его тебе и не надо из себя изображать. Леша, дорогой, все ты прекрасно слышал. И хотя говорят, что глухому попу две обедни не служат, тем не менее, повторяю: это я тебя удалил из списка лиц, которые могут управлять данным счетом. И деньги с твоей банковской карточки на свою карточку перевел тоже я. А потом я твою карточку заблокировал.

Трофимов, широко раскрыв глаза, непонимающе смотрел на Штерна.

- А..., - заикаясь, пролепетал Трофимов. – Ты... это... а... зачем?

Он сглотнул слюну и вытер со лба крупные капли пота. Несмотря на теплый день, Трофимову неожиданно вдруг стало холодно. Посмотрев на свои руки, он обнаружил, что они дрожат мелкой дрожью.

- А ты что считаешь, что можешь безнаказанно воровать у меня деньги, можешь меня кидать, копать под меня – и я это молча проглочу? – вопросом на вопрос жестко ответил Штерн. Впервые с начала разговора в его голосе послышались нотки ярости и плохо скрываемой злобы. – Ты полагал, что тебе эти художества сойдут с рук? Ты что же, родственничек хренов, думал, что можешь за моей спиной брать миллионные откаты – и я об этом никогда не узнаю? Ты на самом деле считал, что я такой дегенерат?!

- Саша, опомнись, - с трудом вымолвил Трофимов. – Подумай, что ты говоришь? Мы ведь одна семья – как ты мог обо мне такое подумать?!

- Семья? – Штерн расхохотался. – Вот только семью не приплетай! Я с тобой после всего этого на одном поле гадить не сяду!

Штерн рывком, словно фокусник, одним движением откуда-то извлек папку, достал из нее ксерокопию показаний Корзинкина и швырнул в лицо Трофимову.

- На, смотри! Да, конечно, я знаю, что сейчас ты будешь клясться мне, что это все гнусная клевета и все такое прочее! Ладно... Но, может быть, ты, сволочь, хочешь, чтобы я тебе еще и конкретные номера платежных поручений показал? Так ты только скажи: это, пожалуйста: на, любуйся! – Штерн выхватил из той же папки другой документ и со всего размаха припечатал его к столу перед самым носом Трофимова.

- А, может быть, тебе и этого мало? Нет, ну вы только посмотрите, господа присяжные заседатели, мой подзащитный, оказывается, редкостный упрямец! – саркастически проговорил Штерн. – Тогда я представляю суду сравнительный анализ цен на оказанные услуги, взятые мной по запросу в пяти фирмах города, среди которых есть вышеозначенная фирма «Комплект-Юнит». Смотрите, ваша честь, а точнее, ваша нечисть!

Произнеся эти слова, Штерн схватил в руки другую толстую папку, лежавшую на столе и со всего размаха хлопнул ею на стол перед Трофимовым.

- Причем, обратите внимание, господа присяжные заседатели, - язвительно продолжал Штерн прямо в лицо Трофимова. – Суммы завышения в фирме «Комплект-Юнит» поразительно совпадают с половиной тех денежных сумм, которые оказались на банковской карточке моего подзащитного! Странно, не правда ли?

Трофимов сидел ни жив, ни мертв. Он глотал ртом воздух, словно рыба, вытщенная из воды, но не произносил ни единого слова.

- Разве не правда? – громовым голосом заорал Штерн, брызгая слюной, приведя Трофимова в содрогание.

- Ну и в завершении своей речи, господа присяжные заседатели, хотелось бы предоставить вашему вниманию одну магнитофонную запись, - театрально продолжал Штерн. – Предупреждаю сразу, что эта запись одна из многих, но, полагаю, что и ее вполне достаточно.

Штерн ткнул в клавиатуру. В наступившей тишине из динамиков послышался четкий голос Трофимова:

«Мы с тобой заработали по полтора миллиона долларов на брата! И Гильман уже ничего не докажет!».

- Ну, что ты на это скажешь, родственничек Леша? - саркастически спросил Штерн. – Говори, Леша, думай, что ты можешь сказать в свое оправдание. Ведь чем длиннее пауза, тем больше это обстоятельство работает против тебя! Ну, скажи же хоть что-нибудь!

Но Трофимов молчал. Он пытался что-то сказать, но все слова, которые он еще час назад с такой тщательностью обдумывал, разом вылетели у него из головы. Его глаза бегали по комнате, словно ища хоть какую-нибудь поддержку, подсказку, но, как назло, он каждый раз натывался взглядом то на докладную записку Корзинкина, то на сравнительный анализ цен, то на злополучные компьютерные динамики, из которых только что прозвучал его голос, то на самого Штерна, который сидел напротив и выглядел загадочно, словно сфинкс.

- В таком случае я кончил, господа присяжные заседатели, - насмешливо произнес Штерн и замолчал, с презрением уставившись на своего родственника.

Трофимов пытался что-то сказать, но не находил слова. Наконец, собравшись с силами, он сглотнул слюну, набрал в легкие воздух и произнес:

- И что же мне теперь делать?

Штерн не ответил. Усмехнувшись, он взял со стола чистый лист бумаги и небрежно швырнул его Трофимову.

- Пиши заявление об уходе, - Штерн говорил негромко, но каждое слово Штерна отдавалось в голове Трофимова, словно удар. – Чтобы я тебя больше не видел. Я не звоню Руденко и не сообщаю ему о твоих художествах только по одной причине: не хочу марать свое имя. Но учти: если хотя бы раз ты появишься в поле моего зрения, - пеняй на себя.

Трофимов все понял. Ухватившись за шанс уйти с миром, восприняв этот вариант, словно спасательный круг, он быстро написал заявление и протянул его Штерну.

- Ну вот, - удовлетворенно хмыкнул Штерн, бегло пробежав глазами написанное. – Теперь пошел вон и чтобы больше я тебя не видел.

Трофимов попытался что-то сказать, но, опустив глаза, быстро поднялся и направился к выходам.

- Да, чуть не забыл, - раздался за спиной насмешливый голос Штерна. – Через два часа тебя супруга твоя ждет.

Трофимов вздрогнул от неожиданности, услышав последние слова Штерна, и резко обернулся.

- Чего? – растерянно переспросил Трофимов. – Кто ждет? Кого ждет?

- Да ты, оказывается, совсем дурак, - презрительно хмыкнул Штерн. – Тебя твоя жена ждет через два часа. В ЗАГСе она тебя ждет. На развод она подает, Леша - разводится с таким болваном. Я уже договорился – разведут вас безо всяких проблем. Да, и вот еще что учти: при разводе все имущество ей остается. Ты ей добровольно все свое имущество отдаешь. Мой тебе добрый совет: сделай так, чтобы она осталась довольна. Если она сегодня вечером мне позвонит и скажет, что были какие-то проблемы и что-то пошло не так – лучше сам себе харакири сделай.

Услышав последние слова, Трофимову показалось, что под ним зашатался пол. Он понимал, что Штерн не шутит. С другой стороны, он отчетливо понимал и другое: его успешная обеспеченная жизнь кончилась.

Можно было сказать, что она вообще кончилась.

Глава 21. Стас

«Ай, Моська! знать, она сильна,
Что лает на Слона!»

И.А. Крылов. 1808

Стасу снилось, будто бы он идет по берегу моря. Ноги вязли в песке, идти было тяжело. Вдруг неожиданно откуда-то взялась огромная волна и она начала накатывать на него, угрожая накрыть с головой. Стас почувствовал липкий ужас, но не мог сделать ни единого движения. Волна накатила и накрыла его с головой...

Он в ужасе проснулся и сразу почувствовал боль во всем теле.

Руки, ноги, спина, каждая косточка его скелета - все болело так, словно накануне он попал под асфальтовый каток. Несмотря на теплое сентябрьское утро, его знобило. Было безумно холодно. Тиканье часов каждым звуком отдавалось в больной голове, словно удары молотка.

Ему было так хреново, что он не знал: на каком он свете? От дикой боли во всем теле хотелось кричать во весь голос.

Что это с ним произошло? Последнюю неделю он каждый вечер проводил время в клубе «Инмэн» в компании Штерна. Правда, в отличие от прежних посещений на этой неделе они, кажется, не занимались любовью: все больше пили и веселились.

Стас попытался вспомнить: что же там было? Каждый раз все начиналось с употребления элитных и дорогих напитков, а потом... Что же было потом? Стас вдруг поймал себя на том, что он абсолютно ничего не помнил из событий вчерашнего вечера! Полнейший провал в памяти!

Ну, теперь все понятно! Обыкновенное похмелье! Нет, надо завязывать с такими темпами употребления спиртного! А то ведь такими темпами и спиться недолго! Штерн-то сам – тот еще лось: ему хоть литр в глотку влей, хоть два литра – все едино, что слону дробинка! А Стасу с его субтильной комплекцией такое количество выпитой «огненной воды» явно противопоказано!

Впрочем, когда Штерн угощает, то ему не очень-то откажешь! Таким людям, как он, отказывать, говорить, что, мол «не пью», или «больше не могу» нельзя по определению! Несмотря на то, что Стас накопил достаточную сумму денег и вполне уже мог открыть свое собственное дело, пока что ссориться с Леопольдычем ему явно не с руки! Еще немного надо потерпеть этого старого самовлюбленного гомика – а дальше Стас смоется из этого паршивого городишки и забудет эти неприятные ощущения, как страшный сон!

Но сегодня он точно совершенно нетранспортабелен! Надо позвонить Леопольдычу и сказать, что сегодня он на работу не сможет выйти!

Звонить Корзинкину или своему непосредственному начальнику, Стас считал ниже своего достоинства.

Но с каждой минутой Стасу становилось все хуже и хуже. Он с трудом добрался до тумбочки, взял в руки трубку мобильного телефона и непослушными трясущимися пальцами набрал номер Штерна.

- Привет, Стасик, – раздался на другом конце доброжелательный голос Штерна. – Что стряслось, дорогой?

- Здравствуйте, Александр Леопольдович, - глухим дрожащим голосом ответил Стас. – Понимаете, я тут заболел неожиданно. Можно я сегодня на работу не пойду?

- Заболел? – с тревогой в голосе переспросил Штерн. – А что такое?

- Да знобит меня что-то, - произнес Стас. – И все тело болит.

- Опаньки! – обеспокоено протянул Штерн. – Конечно, отлежись, выздоравливай. Только мы сделаем так: чтобы не связываться с больничным листом, ты врача не вызывай, а через полчаса – максимум через сорок минут, к тебе придет домой медсестра и сделает укол.

И, не дожидаясь, ответа Стаса, Штерн повесил трубку.

Вот старый козел, усмехнулся про себя Стас. Похоже, он не на шутку занервничал, узнав про то, что его любовник плохо себя чувствует. Как будто, у меня месячные!

Блин, ну до чего же мне хреново!

Когда через двадцать минут в квартире Стаса зазвонил дверной звонок, он вообще расклеился. Казалось, что смерть подошла совсем близко и он сейчас умрет.

С трудом, преодолевая боль во всем теле, заполнившую его до краев, доплетаясь до двери, Стас в десятой попытке смог открыть дверной замок.

На пороге стояла невзрачная невысокая девица в короткой юбке и потрепанной джинсовой курточке. В руках у нее была яркая дамская сумочка.

- Ну, здравствуй, - хриплым прокуреным голосом произнесла девица, переминаясь с ноги на ногу. – Ты Стас, да?

- Ага, - с трудом выдавил из себя Стас. – Вы... это... как его... медсестра, да?

Он был, словно пьяный: каждое слово давалось ему с превеликим трудом.

- Можно и так сказать, - кокетливо хмыкнула девица и, пройдя мимо Стаса, скользнула в комнату. – Мне сказали, что тебе помощь нужна.

- Делай, что хочешь, - пробормотал Стас. Ему было так плохо, что он даже не мог найти в себе силы махнуть рукой.

Он развернулся, с трудом доплелся до кровати и в изнеможении рухнул на нее.

Даже не потрудившись разуться, девица подошла к кровати, на которой лежал Стас. Затем она критически и бесцеремонно осмотрела его с головы до ног.

- Так, все ясно, – небрежно выдавила она.

Раскрыв свою сумочку, привычным движением она достала из нее одноразовый шприц, прозрачную ампулу какого-то лекарства, вату и небольшой пузырек с прозрачной жидкостью. Набрав в шприц лекарство, она открыла пузырек и обмакнула в него кусочек ваты. В комнате запахло спиртом.

Сделав несколько необходимых манипуляций, она посмотрела на Стаса.

- Руку давай, - коротко и негромко произнесла девица.

Стас протянул ей руку. Привычным отточенным движением девица сделала Стасу укол в вену.

Странное дело: буквально через несколько секунд боль, еще недавно державшая Стаса в своих цепких когтях, куда-то отступила. В теле появилась необыкновенная легкость и упругость. Стас почувствовал, будто бы он перешел из тьмы на яркий свет.

- Класс! – с радостным удивлением пробормотал Стас. – Сразу все прошло!

- Ну, если оклемался, то тогда я пошла, - произнесла девица. Ее глаза ничего не выражали: ни радости, ни участия.

- Да ты погоди, - смущенно пробормотал Стас. – Сколько я тебе должен?

- Нисколько, - ответила его недавняя спасительница. – За все уже заплачено.

- А ты Александра Леопольдовича давно знаешь? – спросил Стас. Не то чтобы девица ему очень понравилось, но он хотел поддержать разговор: после укола ему захотелось приключений и подвигов.

- Кого? – с недоумением переспросила девица. – Никакого Леопольдыча я не знаю. Мне сказали, что тебе помочь надо – вот я и помогла. Еще вопросы есть?

- Вообще я смотрю ты классный специалист, - уважительно протянул Стас. – И уколола безболезненно, и вообще... Зовут-то тебя как?

- Катя, - ответила девица. - Ну ладно, я пошла.

- Не, ты погоди, - Стас уверенным движением привлек девушку к себе и попытался поцеловать. – Куда спешить, день только начинается...

- Пусти, - сердито ответила Катя и несильно оттолкнула Стаса. – Сегодня мне некогда. Вот завтра – пожалуйста.

- Так ведь завтра мне на работу надо, - игриво ответил Стас. – А сегодня я свободен, как фанера над Парижем, и душа просит любви.

Произнеся эту немыслимую ахинею, показавшейся ему самому жутко оригинальной и остроумной, Стас снова попытался обнять Катю. Та в очередной раз попыталась его оттолкнуть, теперь она это сделала уже не так настойчиво.

- На какую работу? – недоуменно переспросила Катя, слабо отбиваясь от приставаний Стаса, который уже начал весьма недвусмысленно лезть ей под юбку. – Мне сказали, что тебе три дня надо ширять. Курс провести.

- Ну, так тем лучше, - радостно подхватил Стас и начал торопливо расстегивать на Кате джинсовую курточку. Он уже ее не слушал, а лишь жадно мял свободной рукой ее упругую грудь.

Махнув рукой, Катя обняла Стаса. Он уверенным движением залез ей под юбку и запустил руку в ее тонкие трусики...

- А ты ничего, симпатичный, - оценивающе произнесла Катя, лежа рядом со Стасом и рассеянно теребя его волосы. - Заводной! Мне такие нравятся.

- Ты тоже ничего, - ответил Стас, поглаживая Катю по упругой ягодице.

- Ладно, мне пора, - извиняющимся тоном произнесла Катя.

Она встала с кровати и начала деловито одеваться, несколько не смущаясь Стаса, который бесцеремонно разглядывал ее с головы до ног. Полежав немного, Стас лениво поднялся, надел широкие трусы и прошлепал в коридор.

- Ну что, завтра увидимся? – спросил Стас.

- Конечно, - улыбнулась Катя. – Завтра приду в это же время.

- Давай, - в тон ей ответил Стас. – Я пиво прикуплю, чипсы.

- На всякий случай, вот тебе мой телефон, - бросила через плечо Катя. Она достала из сумочки клочок бумаги и авторучку и накарябала на нем номер телефона. – Если что – звони, а то мало ли что: всякое бывает! Скажешь, что от Алены Макаровны. Тогда тебе помогут. Но, сам понимаешь: это уже будет за конкретное бабло!

- От какой Алены Макаровны? – с недоумением спросил Стас.

- Да это неважно, - ответила Катя и звонко чмокнула Стаса в щеку. – Пока!

Закрыв за Катей дверь, Стас лениво потянулся и вышел на балкон.

День складывался удачно. Стас чувствовал себя отлично. Хотелось развлечений и приключений.

Одевшись, он спустился вниз и вошел в мини-маркет. Купив пива и чипсов, он вернулся домой. Усевшись в старенькое кресло-качалку, он, не торопясь, достал из пакета банку холодного пива и откупорил ее.

Попивая из банки прохладное пиво, он время от времени довольно улыбался.

Все складывалось на редкость удачно. Когда Гильман обнаружил факт шпионажа за Штерном, Стас вначале серьезно испугался. Впрочем, это был нормальный ход: сработать на опережение. Правильно он сделал, что сразу побежал к Штерну. От такой информации генеральный пришел в совершеннейшее бешенство. Ну, правильно, как же: его любимого Стасика обижают! Похоже, этот старый хрен в него всерьез влюбился! Смех – да и только!

Впрочем, черт с ним! Стас отнюдь не питал к Штерну нежных чувств: напротив, его отношение к своему любовнику было сродни неприязни. Стас лишь терпел опостылевшие ласки Штерна исключительно из-за тех милостей и льгот, которые давал ему статус любовника генерального директора.

Наверное, именно по этой причине он ни секунды не сомневался, когда директор «Град-Проджекта» намекнул ему, что хорошо заплатит за коммерческую информацию института. Можно сказать, что это был не промышленный шпионаж, а возмещение морального вреда за эксплуатацию своей тощей задницы.

Весь день он чувствовал себя отлично, однако к вечеру ему стало несколько хуже. Проснувшись утром, он ощутил знакомое по вчерашнему дню состояние червяка, которого переехал грузовик. С трудом дождавшись визита Кати, он на сей раз с готовностью, чуть ли не у порога протянул ей руку для укола.

Следующая часть дня Стаса была как две капли воды похожа на день предыдущий за исключением того, что вечером ему позвонил Штерн.

- Ну, как ты, больной? - участливо спросил Штерн. – Лечат там тебя?

- Да, лечат, Александр Леопольдович, - ответил Стас. – Спасибо вам большое!

- Уколы тебе там делают? – деловито поинтересовался Штерн. – Не обижают?

- Да, все нормально, - ответил Стас и скривился. Как же ему надоел этот старый баран!

- Давай, лечись, - сказал Штерн. – Завтра еще отдохни, а послезавтра жду на работе.

- Так ведь послезавтра уже суббота, Александр Леопольдович, - улыбнулся Стас. – Я, наверное, только в понедельник появлюсь.

- А, ну так даже лучше! - довольным тоном крикнул Штерн. - Бывай.

Утром следующего дня, когда все повторилось, как под копирку – ужасное состояние, визит Кати, укол, эйфория, бурный секс – Стас, несмотря на свой «пофигизм», начал задумываться над тем, что с ним за последнее время происходит?

Чем же он болен? Что это за такая странная болезнь: все хорошо, к вечеру становится хуже, утром он не в состоянии даже пошевелиться и каждое движение причиняет невыносимую боль, а после укола Кати его состояние моментально улучшается? Чем вообще она его колет?

В тот день он не пошел пить пиво: на всякий случай он решил зайти в поликлинику, которая располагалась недалеко от его дома.

В регистратуре ему выписали направление к участковому врачу. Та в свою очередь, осмотрев Стаса и не найдя у него никаких признаков болезни, удивленно и подозрительно хмыкнула и выписала ему направление на анализ крови.

- А когда будет готов анализ? – спросил Стас, вытирая ваткой кровь, сочившуюся из пальца.

- Завтра все будет готово, - ответила врачиха. – Приходите к десяти часам утра.
- Завтра? - удивился Стас. - Завтра же суббота. Разве вы по субботам не отдыхаете?
- Мы работаем по субботам, - улыбнулась женщина. – Мы в понедельник отдыхаем.

К вечеру Стасу снова стало плохо. Проснувшись утром, он ощутил знакомое состояние разбитости и озноба.

Но сегодня Катя не придет: несмотря на туман, который заволакивал его мозг, он помнил это. Стас смутно помнил, что сегодня он должен что-то сделать. Но что?

Вспомнил! Сегодня же он должен идти в поликлинику и получить результаты анализа крови! А потом он пойдет к этой врачихе и она назначит ему курс лечения.

Превозмогая боль во всем теле, Стас с трудом доплелся до поликлиники. Он не видел никого вокруг себя и только один смутный образ отпечатался в его мозгу: Катя. Ее невзрачное личико ассоциировалось в воспаленном мозгу Стаса с избавлением от страданий.

Войдя в кабинет участкового врача, Стас без приглашения в изнеможении плюхнулся на стул: у него просто не было больше сил стоять на ногах.

- Вы получили результаты анализа? - не поздоровавшись, спросил Стас.

- Во-первых, здравствуйте, молодой человек, - строго сказала врачиха и как-то странно посмотрела на Стаса.

- Да, извините, - с трудом выдавил из себя Стас. – Здравствуйте.

- Во-вторых, мы получили результаты ваших анализов, - уже нормально и спокойно ответила врачиха и бросила на Стаса какой-то странный взгляд.

- И чем же я болен? – спросил Стас.

- Ваша болезнь, молодой человек, называется абстинентный синдром, - бесцветным тоном ответила врачиха. Ее взгляд не был виден из-за толстых роговых очков, скрывавших половину лица. Она замолчала, ожидая реакции Стаса. – Или, если угодно, синдром физической зависимости.

- А что это такое? – спросил Стас. – Это что-то серьезное?

Женщина с недоумением и даже с выражением некоторой брезгливости посмотрела на Стаса.

- Синдром физической зависимости, молодой человек, это наркоманический синдром, появляющийся на определенной стадии развития болезни, включающий физическое влечение, - словно по учебнику, ответила врачиха. - Это способность достижения состояния физического комфорта в интоксикации и абстинентный синдром. Появлению синдрома физической зависимости в течение наркомании предшествуют синдром измененной реактивности и синдром психической зависимости.

- Чего? – недоуменно переспросил Стас. – А можно... того... как-нибудь попроще?

- Ну что ж, можно и попроще, - жестко ответила женщина, откинувшись на спинку стула. Она пронизывающе посмотрела на Стаса, словно хотела испепелить его взглядом. Сделав недолгую паузу, она четко произнесла:

– У вас наркотическая ломка, молодой человек. Если ТАК вам будет более понятно.

Увидев непонимающее и ошалелое выражение лица Стаса, врачиха окончательно потеряла терпение.

- Вы наркоман, молодой человек! Причем, наркома законченный! У вас сейчас самая настоящая «ломка», если так вам будет более понятно! И хватит мне тут «включать дурака» и

делать вид, будто вы ничего не понимаете! Лучше отвечайте: как давно вы употребляете наркотики?

- Наркотики? – растерянно переспросил Стас. Он ничего не понимал. – Я не понимаю... не принимаю... А... это... какие наркотики?

- Уж этого я не знаю: какие конкретно, - саркастически ответила врачиха. В порыве гнева она резким движением сорвала с себя очки и громким голосом запричитала:

– Господи, всеблагий, всемилостивейший, Господь милосердный, и чего же вам, молодым еще надо?! У вас есть все, что нужно для полноценной счастливой жизни: молодость, сила, здоровье! Перед вами открыты все двери! Впереди у вас целая жизнь! Боже мой, зачем же вам надо пихать в себя эту смертельную мерзкую дрянь?! Чего же вам еще не хватает?! Кайфа, как вы изволите выразаться?! ЧЕГО???. Боже мой, вы хотя бы раз в жизни брали в руки Священное Писание?! Или вы слушаете только попсу, смотрите исключительно порнуху, а в свободное время только пьете пиво и трахаетесь?!

Стас смотрел на нее непонимающим взором. Он искренне пытался понять: о чем же говорит ему эта старая сердитая женщина? Но, сидевшая напротив него врачиха, распалась все больше и больше: очевидно, эта тема задела ее за живое.

- Но и это еще не все, молодой человек, - добавила врачиха. – Мы провели анализ вашей крови на ВИЧ. И этот анализ дал положительные результаты.

- Ну, вот и хорошо, что положительные, - радостно промолвил Стас с идиотским выражением на лице. – Положительно – это ведь значит хорошо!

Врачиха посмотрела на Стаса, как на убогого дауна или несчастного калеку.

- Молодой человек, вы что сейчас издеваетесь надо мной? – строго спросила врачиха. – Вы вообще в своем уме? Вы что же, окончательно утратили возможность соображать? Вы понимаете – ЧТО я вам сейчас сказала?

- Нет, - растерянно невпопад ответил Стас. – Я, наверное, не совсем понимаю... Точнее, совсем не понимаю... Поясните, пожалуйста...

- Да СПИДом вы больны, молодой человек! – закричала врачиха. Она уже не сдерживалась. – Положительный результат – это как раз в вашем случае очень плохо! Так плохо, что и сказать нельзя!

Подобное известие разорвалось в мозгу Стаса, словно граната. Он сидел и с трудом понимал происходящее.

Наркотики?

СПИД?

Откуда все это?

На секунду ему показалось, что он спит и видит страшный сон.

- И что мне теперь делать? – растерянно спросил Стас.

- Прежде всего, думать головой, молодой человек, - резко сказала врачиха. – Я вижу две проблемы: СПИД и наркотики. Что касается первого, то есть курсы лечения. Не скрою, они весьма дорогостоящие и длительные, но все это в принципе имеется. Вы сможете вести нормальную жизнь, хотя вам это обойдется далеко не дешево. А вот что касается вашего пристрастия к наркотикам, то тут, молодой человек, все зависит от вас. Есть курсы лечения от наркомании. Но без вашего желания, без вашей силы воли все эти лечения – пустая трата времени и денег. Если же не откажетесь от этого своего пагубного пристрастия, то имейте в виду следующее: будущего у вас нет в принципе. По определению: НЕТ! Я не знаю, как давно вы употребляете наркотики. Судя по количеству следов от уколов на ваших руках, то относительно недавно. Для детального ответа

необходимы более глубокие исследования, а такие анализы мы не проводим в нашей поликлинике. Но в любом случае, если вы не откажетесь от наркотиков, то максимум, что вам осталось – это четыре-пять лет. Крайне маловероятно, что больше. Дальше - решать вам.

Произнеся эти слова, женщина уткнулась в бумаги на ее столе, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

Стас поднялся и, шатаясь, словно пьяный, побрел к выходу.

Он шел, не понимая, куда и зачем он идет? Сквозь боль, заполнившую его тело, сквозь туман, стоящий перед его глазами, он из последних сил пытался понять: как такое стало возможным? Как это произошло?

Стас знал, что такая ломка, как сейчас у него – верный признак того, что он действительно регулярно принимает наркотики.

Но ведь он точно знал, что наркотики он не принимал!

Как же такое стало возможным?!

Он с трудом стал припоминать события последних дней. Когда же впервые его стало «ломать»? Ну, да, три дня назад, до этого момента с ним все было нормально... Но ведь вряд ли его стало бы так ломать, если бы до этого регулярно не принимал бы наркотиков. Значит, минимум неделю до этого в него вкачивали эту дрянь.

Что же было за ту неделю? Днем он, как обычно, ходил на работу. А вечером? Каждый вечер на прошлой неделе он был со Штерном в клубе «Инмэн». Вначале пили, гуляли, а потом, как всегда, трахались...

Стоп!

Они со Штерном на прошлой неделе разве трахались?

Нет, вот теперь, в эту минуту, Стас уже не мог сказать этого с уверенностью. Он вдруг поймал себя на мысли, совершенно не помнит: чем заканчивалось на прошлой неделе каждое посещение клуба. После нескольких выпитых бокалов – неважно, чего! – полнейший провал в памяти.

А утром он всегда просыпался свежий и бодрый дома в своей постели.

Значит, теоретически только в те моменты, когда он «вырубался» и валялся пьяный, как бревно, ему могли что-либо подмешивать и вливать некую дрянь.

Но ведь с ним все время был Штерн... Значит, получается, он все это видел? Следовательно, это именно он и является инициатором того, что Стаса из здорового молодого человека превратили в законченного наркомана, а заодно и носителя вируса СПИД...

Кстати, откуда взялась эта шалава Катя? Ее ведь тоже прислал ему на квартиру ни кто иной, как Штерн... И что она ему колола? Стас отчетливо вспомнил, что именно после уколов Кати ему было необыкновенно хорошо, боль мгновенно отступала. Значит, эта сучка тоже колола ему наркотики!

Вот проклятая тварь!

Стас был легкомысленный, необразованный, беспринципный, но по-житейски достаточно неглупый парень. И теперь вся картина того, что с ним стало, предстала перед ним со всей пугающей ясностью.

Получается, что наркоманом и носителем вируса СПИД Стаса сделал именно Штерн. Или во всяком случае с его ведома и согласия, а, скорее всего, по его личному приказу.

Бред какой-то! Но зачем это все нужно лично Штерну? Чем Стас ему лично не угодил? Елки-палки, неужели он обо всем узнал? Но ведь он вначале не поверил Гильману, он

безоговорочно встал на защиту Стаса. Значит, Гильман каким-то образом все-таки сумел убедить Штерна в своей правоте... Как же тогда Гильман смог прорваться к Штерну? И когда это произошло? Впрочем, совершенно необязательно, чтобы Штерн узнал о подвигах Стаса через Гильмана. Он вполне мог поручить провести дополнительную проверку кому-нибудь еще: некоему независимому эксперту.

Но неужели за такую мелочь, за то, что Стас всего-то просмотрел почту генерального директора, нужно калечить ему всю оставшуюся жизнь?!

Ну, Штерн и сволочь!

Полный жалости и сочувствия к самому себе, Стас в тот момент совершенно не задумывался о том, каковы были последствия его «компьютерных шалостей». А уж то, что он обманул доверие человека, обласкавшего его и осыпавшего милостями, которые Стас явно не заслуживал – эта мысль просто не пришла ему в голову. А о том, что из-за него, Стаса, невиновный человек был уволен с работы, о том, что он оклеветал Сергея Гильмана – об этом «невинном» факте Стас в ту минуту даже не вспомнил.

К сожалению, такова уж человеческая натура: все, что идет мне, любимому, на пользу – то, разумеется, является справедливым и правильным. А то, что приносит мне, родимому, неприятности, что идет вразрез с моими интересами – то неправильно, несправедливо и подлежит осуждению!

Что же теперь с ним будет?

Все существо Стаса наполнил страх перед неизвестностью.

Но, кроме Страх, оставалась еще и Боль. Стас уже был готов на все – лишь бы прекратить эту терзающую его дикую боль, эти нечеловеческие пытки.

А, гори оно все синим пламенем! Сейчас надо прежде всего убрать эту боль, отогнать ее подальше, чтобы он мог ясно мыслить и хоть что-то соображать.

Стас взял в руки клочок бумаги, на котором кривым почерком Кати был написан телефон, и набрал указанный номер.

- Да, - нехотя ответил в трубке незнакомый хриплый мужской голос.

- Я от Алены Макаровны, - произнес Стас. Его голос уже ничего не выражал: в нем было только желание поскорее убрать эту невыносимую боль, терзающую каждую клеточку его организма. – Помочь надо...

Глава 22. Штерн

Свет полон дружбою такою.
 Про нынешних друзей лъзя молвить, не греша,
 Что в дружбе все они едва ль не одинаки:
 Послушать, кажется, одна у них душа, —
 А только кинь им кость, так что твои собаки!

И.А. Крылов. 1815

Штерн сидел в своем кабинете и просматривал бумаги, которые утром принесла ему Лера в большой малиновой папке.

Настроение у него было прескверное.

Еще недавно вся душа Штерна была наполнена злым мстительным торжеством от осознания того, как ловко и жестоко он проучил своих недругов. Это уже не «око за око, зуб за зуб»: это, скорее, «голова за око и челюсть за зуб»! Он растоптал Корзинкина, унизил, уволил и разорил Трофимова, стер в порошок Стаса. Особое наслаждение Штерн испытал от мысли, что последствия его страшной мести жертвы будут ощущать на себе всю оставшуюся жизнь. Ну, еще бы: Трофимов – полный банкрот, который в лучшем случае до конца дней будет работать грузчиков или сторожем, Корзинкин теперь до конца своих дней будет трястись от страха, боясь хмурого взгляда Штерна – да еще, к тому же, до пенсии будет платить Штерну дань! Стас попадет в тюрьму законченным наркоманом и больным СПИДом. Кроме того, учитывая его сексуальную ориентацию, можно не сомневаться, что на зоне ему устроят «веселую» жизнь.

Но вся мстительная радость разом закончилось уже на следующий день.

Все началось со звонка Антона Исаева.

- Александр Леопольдович, - начал Исаев без своего обычного приветствия. – Сегодня к тебе подойдет один человек. Его зовут Андрей Бодряков.

Обычно Исаев разговаривал со Штерном спокойно и вежливо, ничем не подчеркивая своего статуса. Стороннему наблюдателю, если бы он мог присутствовать при их встречах, могло показаться, что разговаривают старые добрые друзья. Если Исаеву что-то было нужно от Штерна, он всегда выражал свою просьбу в мягкой и не обидной форме. Но после того скандального размещения убийственного компромата на сайте института тон Исаева в разговорах со Штерном резко изменился. Теперь он разговаривал со Штерном сухо и официально: почти неприязненно. Он уже не просил: он приказывал, каждым словом подчеркивая вину Александра Леопольдовича.

Штерн сразу почувствовал эту перемену настроения, и его душа вновь наполнилась тревогой и неуверенностью.

- Приветствую, Антон Юрьевич, - ответил Штерн, стараясь изобразить в голосе радушие. – Как ты говоришь? Андрей Бодряков? Хорошо, я все понял, обязательно приму его у себя. И что он хочет?

И Штерн сделал пометку на календаре.

- Он будет работать у тебя системным администратором, - тоном, не допускающим никаких возражений, ответил Исаев. – Теперь запомни: в структуре организации и в штатном расписании ничего не меняй. Пускай он подчиняется твоему заместителю Корзинкину: так даже лучше. Но все ключевые распоряжения он должен теперь получать от тебя лично. Ты меня хорошо понял?

- Да, все понятно, - ответил Штерн. В его голосе звучала плохо скрываемая обида. – А когда...

Он хотел задать дежурный вопрос «а когда я смогу тебя увидеть». Эта фраза была выработана в нем уже практически до автоматизма.

- Тогда бывай, - перебил Исаев и, не дослушав Штерна, повесил трубку.

Штерн со злостью швырнул трубку и откинулся на спинку кресла, задыхаясь от бессильной злобы. Вот оно, начинается!

Власть была для Штерна чем-то вроде наркотика. Деньги, женщины, роскошь, красивая жизнь – все это для Штерна, конечно, имело важное значение. Но главным была Власть. Право вершить судьбы людей, право быть выше всех, право принимать только те решения, которые он считал правильными. И тот факт, что ему, словно сопливному мальчишке, указывают, кого ему принимать на работу, поразил Штерна в самое сердце.

Он почувствовал себя глубоко оскорбленным и униженным.

Вскоре подошел парень, которого Исаев представил Андреем Бодряковым. Это был невысокий молодой человек с невзрачной внешностью. Штерн сухо побеседовал с ним и затем вызвал к себе Корзинкина. Сухим официальным тоном он представил ему нового системного администратор и велел немедленно оформить Бодрякова на работу и ввести его в курс дела.

Впоследствии Штерн не мог особо пожаловаться на качество работы Андрея Бодрякова и предъявить ему какие-то претензии. Правда, почти сразу же произошел серьезный сбой в работе сети, и организация почти на две недели оказалась отрезанной от сети Интернет, но в дальнейшем такие проблемы больше не повторялись. В отличие от Сергея Гильмана, которого Корзинкин и близко не подпускал к Штерну и распоряжения генерального директора передавал Гильману лично – наверное, именно из-за этого и происходили те самые чудовищные и комичные недопонимания! – Бодряков сразу же занял место на планерках возле генерального директора. Он вел себя скромно и тихо, ничем не выделяясь в свите генерального директора. Он никогда не пытался завоевать расположение Штерна или показать свою значимость. Но Штерн, понимая, что Бодряков – это не его человек, а ставленник Исаева, сразу же испытал к новому системному администратору глубокую внутреннюю неприязнь. Бодряков в глазах Штерна был немым свидетельством его, Александра Леопольдовича, глубокого унижения. Он понимал, что теперь вся детальная информация о деятельности института регулярно – а, скорее всего, ежедневно! – оказывается на столе Антона Юрьевича Исаева. И совершенно неизвестно, какие выводы последний делает на основании этой информации.

Но на этом злоключения Штерна не закончились: напротив, они теперь только начинались. Через две недели после вышеописанных событий Штерну позвонил прокурор области Матвей Ильич Руденко.

Разговор получился почти аналогичным разговору с Исаевым, как под копирку: Руденко потребовал, чтобы Штерн принял на работу двух техников в помощь Бодрякову. Правда, надо отдать должное Руденко: в этом разговоре он не изменил своего ровного и добродушного тона и пощадил Штерна, разговаривая с ним мягко и уважительно.

Но это уже совершенно не меняло суть дела. Штерн понимал, что отныне и он лично, и вся возглавляемая им организация находится под полным колпаком у спецслужб и прокуратуры и любой его шаг становится известен и в ФСБ, и в прокуратуре.

Хотя сразу же после звонка Исаева Штерн самолично удалил с компьютера все свои файлы, содержащие личную компрометирующую информацию, а затем съездил в клуб «Инмэн» и за огромную взятку добился полного удаления компрометирующих его фотографий, это не добавило ему внутренней уверенности. Он прекрасно отдавал себе полный отчет и понимал, что все эти материалы уже давно находятся «там, где надо» и «у кого надо». Следовательно, обнаружение этого компромата на него – лишь вопрос времени, не более.

Ну, и, разумеется, необходимости! Значит, теперь он, генеральный директор института Александр Леопольдович Штерн, будет вынужден плясать, как марионетка, под дудку Исаева и Руденко. И останется он на этом посту лишь до тех пор, пока он играет по их правилам. А как только появится тот, кто устроит их больше, чем он – его уберут в одно мгновение.

К величайшему сожалению, он в самом начале оказался совершенно прав: в арсенале Исаева и Руденко имелись такие методы воздействия, которые для него, Штерна, на поверку оказались страшнее смерти.

Но морально добил Штерна не Исаев и не Руденко. В конце концов, Штерн понимал, что они выполняют свою работу и потому особых претензий ни к одному из них у Александра Леопольдовича не было.

А последний страшный удар ниже пояса Штерну нанес его старый друг Виталий Иванович Колотунин.

Колотунин прилетел в институт без предупреждения, свалившись в кабинет Штерна, словно снег на голову.

Их разговор – точнее, монолог Колотунина – оставил в душе Штерна самые тяжкие и неприятные воспоминания. Колотунин своим громоподобным голосом изливал душу, матеря Штерна последними словами. Словно, ему доставляло какое-то дьявольское наслаждение мешать Штерна с грязью под ногами.

Но дело было вовсе не в словах, а в том, что за ними последовало дальше и в тех оргвыводах, которые Колотунин сделал. Штерн не пытался оправдываться и молча слушал Виталия Ивановича, будучи морально готов даже к тому, что Колотунин объявит ему о том, что он уволен со своей должности.

Штерн даже приготовил лист бумаги и авторучку, когда-то подаренную ему Колотуниным. Но решение Колотунина вначале поразило Штерна: его никто не собирался увольнять, он просто формально отделался выговором. Но это было далеко не самое страшное.

- Отныне ты будешь находиться под нашим полным и всесторонним контролем, - жестко и бескомпромиссно говорил Колотунин, не испытывая ни малейшей жалости к своему бывшему другу. - Отсюда следует, что в нашу совместную работу мы внесем следующие изменения. Первое: любые денежные траты ты будешь согласовывать лично со мной. Тебе дано лишь одно право: одна тысяча рублей в месяц на хозяйственные расходы. Вот эту сумму ты можешь со мной не согласовывать. Ну, а уж все остальное... Это только после нашего утверждения! Второе: этот же принцип распространяется и на штатное расписание. Любые новые ставки ты будешь согласовывать со мной лично и вводить в действие только после моего личного утверждения. Кстати, отныне фонд генерального директора упраздняется, как класс: его больше не существует! Третье: все свои базы данных ты будешь ежедневно отправлять нам. Подчеркиваю: ежедневно! Дашь команду своим программистам, чтобы они с нами связались: мы согласуем формат и время отправки. Но отправлять ты их будешь ежедневно. И ежели не отправишь... Учти, Александр Леопольдович, мне даже подумать страшно, что мы тогда с тобой сделаем. Теперь четвертое. Вот тебе, Шура, диск.

Колотунин протянул Штерну компакт-диск.

- Что это? – машинально спросил Штерн.

- Это программа, которая позволит и тебе и нам анализировать твою работу, - криво усмехнувшись, ответил Колотунин. – Повторяю, теперь мы намерены полностью тебя контролировать. Эта программа содержит аналитические отчеты для проверки твоей деятельности. И, наконец, пятое, последнее. Отныне все указания о том, что делать, как делать, когда делать мы будем высылать тебе в письменном виде в форме директив. И упаси тебя Бог что-то сделать не так! Если вздумаешь самовольничать, то сегодняшний наш разговор тебе покажется невинной детской игрой в крысу!

- Виталий Иванович, да ты что же делаешь-то?! – с обидой спросил Штерн. Он был оскорблен до глубины души и поэтому сделал последнюю отчаянную попытку исправить ситуацию. – Зачем ты со мной так? Ведь мы знаем друг друга много лет! Я когда-нибудь тебя подводил? Ведь ты же знаешь, что я всегда был твоим человеком и за тебя глотку перегрызу кому

угодно! Зачем же ты сейчас меня с дерьмом мешаешь?! Ты же знаешь, что в этом инциденте я не виноват! На моем месте мог быть кто угодно, и даже ты! Может быть, мне лучше вообще сразу уволиться?

Штерн говорил исключительно эмоционально, скорее, автоматически, ибо должен был что-то сказать. Голова у него кружилась от обиды и возмущения.

- Ой, я тебя умоляю, вот только не надо валить с больной головы на здоровую! – жестко и высокомерно ответил Колотунин, не обращая никакого внимания ни на душевное состояние Штерна, ни, тем более, на его слова. – Со мной такого не может случиться хотя бы потому, что лично я всегда держу ситуацию под контролем. Ну, хорошо, допустим, я тебе верю: ты просто попал под раздачу и злые хакеры пополам с ворами тебя подставили! Ладно, допускаю. Но разве ты не виноват в том, что эти убийственные материалы оказались доступны еще кому-то, кроме тебя?! Что молчишь? Нечем крыть? Правильно, нечем: это только твоя вина – и ничья более! Поэтому хватит мне тут бабушку лохматить, втирать очки и заливать про свою невиновность! Короче говоря, эту тему мы закрываем. А теперь насчет твоего последнего замечания. Уволишься ты только тогда, когда я тебе это разрешу! Не забывай, что тот материал, который был у тебя на сайте, у меня тоже имеется в полном объеме. И ежели ты вздумаешь брыкаться – я передам этот материал кое-куда. И вдобавок еще и опубликую. Это, во-первых. А, во-вторых, ты не забывай, родимый, что про твои художества с откатами я уже знаю. И мы все проанализировали. И не только то, что творили твои заместители Корзинкин с Трофимовым – с этими клоунами можешь поступать так, как тебе угодно, я в это вмешиваться не стану, это не мое дело. Но мне известно и то, что вытворял лично ты! И про твои оффшорные компании на Кипре я тоже знаю! Мне всю известно. Вот что я тебе скажу, Александр Леопольдович: ты не по чину хапаешь! Так что, если ты мне решишь сейчас свой гонор показывать, то не просто вылетишь отсюда, как пробка из бутылки шампанского, а уйдешь отсюда голым: как Адам из райского сада уйдешь! Ты камнем на дно пойдешь: эти деньги тебя в омут утянут! Короче говоря, хватит об этом. Все, мое решение окончательное, бесповоротное и обжалованию не подлежит!

Было совершенно очевидно, что это свое решение Колотунин предварительно согласовал с Исаевым и Руденко.

Штерн опустил руки.

Нет, он был еще достаточно умен и силен, у него было много денег и формально в его статусе ничего не изменилось.

Но все события последних дней сломали Штерна, лишив его остатков некогда железной воли.

У него уже не было сил сопротивляться, что-то доказывать, отстаивать свою правоту, взывать к голосу разума собеседника. Одним жестоким ударом его из значительного человека, обладающего деньгами, властью, положением и связями превратили в полное ничтожество.

Фактически он становился «свадебным генералом»: без реальной власти, без какого бы то ни было влияния, без малейшего авторитета.

Это был конец.

Глава 23. Распилы и откаты

Завистники, на что ни взглянут,
Подымут вечно лай;
А ты себе своей дорогою ступай:
Полают, да отстанут.

И.А. Крылов. 1813-1814

- Вот, братцы, так и закончилась вся эта история, - закончил свой рассказ Сергей.

Ребята сидели на кухне Сергея, пили пиво и внимательно слушали его рассказ. После последних слов воцарилось молчание.

- Честно говоря, у меня просто в голове это не укладывается! – воскликнул Игорь Симаков. – Я вполне допускаю, что не только Стас, но и любой из нас может пойти работать куда-нибудь по совместительству: деньги ведь лишними никогда не бывают! Ну, ладно, я могу, в конце концов, понять, зачем Стасу понадобилось заниматься промышленным шпионажем! Но вот на кой ляд ему понадобилось еще и мошенничать в Интернете? Ведь есть же какой-то предел!

- Ты не прав, Игорек, - покачал головой Александр Толстов. – Я тебе так отвечу – хотя, несколько издалека. Ты слышал такое понятие: смертный грех?

- Ну, слышал, – недоуменно ответил Симаков. – А это ты к чему?

- А вот к чему, - сказал Толстов, чрезвычайно довольный реакцией Игоря. - Смертным грехом в христианстве именуют грехи, ведущие к смерти души. Кстати, большинство людей ошибочно считают, что под этим термином предполагается физическая смерть, однако на самом деле подразумевается духовная смерть. В Библии нет конкретного списка смертных грехов: там есть десять заповедей, через которые она предостерегает от их деяния. Впервые упоминание «смертных грехов» встречается у римского папы Григория Великого в седьмом веке. Вот перечень всем известных грехов: гордыня, жадность, зависть, злоба, похоть, лень, чревоугодие. Но мало кто знает, что он не опирается на библейские тексты. Этот «джентльменский набор» стали считать общепринятым только с тринадцатого века, когда крупнейший христианский теолог Фома Аквинский слегка его переписал. Причем конкретные пороки были выделены из всех прочих не потому, что они самые тяжкие, а потому, что они неизбежно влекут за собой другие грехи, которые уже исчисляются десятками. Так вот, друзья мои, обратите внимание на такой порок, как жадность. Или алчность, если хотите. Это мать всех пороков. Согласитесь, что мы все работаем за деньги, но ведь мы живем-то не ради денег! Нет ничего плохого в том, что ты не хочешь ни с кем делиться всем своим нажитым и заработанным. Но если у человека нет внутренних тормозов, то тогда страсть к богатству, рабство перед богатством уничтожает душу человека. И тогда человек, сам того не замечая, становится рабом богатства, а оно становится его богом. Богатство, деньги, земные блага – это ни хорошо, ни плохо. Сами по себе деньги нейтральны. Но если страсть к деньгам овладевает человеком, то тогда берегись! На самом деле такой человек становится глубоко несчастным, поскольку эта страсть не может быть утолена! Чем больше такой человек имеет, тем он больше хочет иметь. И Стас на самом деле – человек глубоко несчастный. Он потерял всякие ориентиры. Ему просто хотелось все больше и больше!

- Тогда я только одного не понимаю, - произнес Симаков. – Зачем Стасу понадобилось после всего этого размещать на сайте института компромат на Штерна и все высшее руководство института? Что он с этого имел? Ведь Серега уже уволился, он на тот момент был вне всяких подозрений. Единственно, кому это было выгодно – так это руководству «Град-Проджекта». Но ведь для Стаса это был огромный риск! Сколько же ему заплатили в «Град-Проджекте» за это? На мошенничестве в Интернете Стас «заработал» двести тысяч долларов! Не может такого быть, что за размещение – пусть даже такой убийственной информации! – Стасу заплатили даже десять процентов от этой суммы! Быть такого не может! Тогда на кой ляд он это делал? Вот ты, Саня, как опытный психолог и педагог, можешь мне объяснить этот феномен, а?

- На самом деле, Игорек, это не совсем Стас разместил эти материалы на сайте, - улыбнувшись, вмешался в разговор Сергей. – То есть, конечно, это формально сделал Стас. Но не совсем он.

- Не понял, - недоуменно протянул Симаков. – Как это так: он, но не совсем он? Ты растолкуй поподробнее.

- Просто Стас не знал, что он это делает, - весело ответил Сергей. – Он работал вслепую.

- Это как же? – растерянно промолвил Мамонтов.

- Ладно, не стану вас мучить, - произнес Сергей, на сей раз уже серьезно. – На самом деле это сделал я. Просто мною были написаны две маленькие программы. Первая программа автоматически копировала все эти файлы с компроматом на сайт организации. И размещена она была в автоматической загрузке операционной системы. Я сделал это в тот момент, когда приходил увольняться. Следовательно, никаких следов внешнего проникновения в систему не было, да и быть не могло. Как я и предполагал, Стасик подтвердил свою крайне низкую квалификацию, как специалиста: он даже не потрудился сменить пароль администратора. Впрочем, если бы он даже его и сменил, то не смог бы меня остановить. Но вот то, что он все оставил так, как есть – ну, братцы, это просто было подарком свыше! Таким образом, как только Стас просто включил компьютер и вошел в сеть под своей учетной записью, произошла подмена файлов на сайте. А вторая программа модифицировала первую таким образом, что любой антивирус указал бы на нее, как на носитель вируса. Но первая программа после модификации удалила вторую, а также все следы ее пребывания на компьютере в служебных папках и в системном реестре. Следовательно, уже при следующем включении компьютера антивирус определил, что на компьютере Стаса находится зараженная программа, и просто-напросто ее удалил, но не тронул следы ее пребывания и результаты ее действия. Таким образом, все системные журналы показали, что это злодейство сделал именно Стас. Вот почему эксперт сделал однозначный вывод о том, что виновник этого злодейства – именно Стас и никто кроме него. Учитывая то, что именно Стас воровал информацию в институте, я предположил, что эксперты будут либо из ФСБ, либо из МВД. А, значит, информация о том, что против Стасика возбуждено уголовное дело, у них была. Далее работала простая логика, основанная на особенностях человеческой психологии: если человек виновен в одном преступлении и есть следы его участия в другом аналогичном преступлении, то в этом случае глубоко копать никто дальше не станет: всех собак повесили именно на Стаса. Я же остался ни при чем. Вот и вся технология. Так сказать, обе программы были одноразового действия. Ну, а то, что Штерн придет в бешенство, узнав про художества Корзинкина и Трофимова, я несколько не сомневался. О том, что Штерн чрезвычайно мстителен и злопамятен, знал весь институт. Как он расправится с Корзинкиным, Трофимовым и Стасом, я, разумеется, не знал, но предполагал, что это будет нечто ужасное и чрезвычайно болезненное. Так что, подводя итог сказанному, могу сказать, что я сполна расквитался и отплатил Корзинкину его же оружием, но не своими руками, а руками Александра Леопольдовича Штерна.

После этих слов Сергея на кухне наступила тишина.

- Н-да, - протянул Кулагин после того, как Сергей замолчал. – Знаешь, Серега, теперь я начинаю тебя просто бояться. Ты, оказывается, опасный человек. Не хотел бы я оказаться в числе твоих врагов.

Все засмеялись.

- Но все-таки, несмотря на то, что Стас на поверку оказался порядочной сволочью, с моей точки зрения он не заслужил такой участи, – заметил Симаков. – Ведь я уверен, что это Штерн подсадил его на иглу! А ведь, как известно, бывших наркоманов не бывает! Неужели Штерну было мало того, что на тот момент Стас уже был «под колпаком у Мюллера»? Сколько он еще на свободе проходит? Ну, месяц, возможно два или три месяца... Но ведь, как говорится, сколько веревочке не виться... Его ведь скоро посадят. Насколько же надо ненавидеть человека, чтобы не удовлетвориться этим?!

- А что ты хочешь? – вопросом на вопрос ответил Сергей. – Я уже неоднократно говорил, что Штерн – это чрезвычайно мстительный человек. А подобные люди, как известно, не удовлетворяются судом Божьим. Ему было до смерти обидно, что в процессе наказания Стаса он не примет никакого участия и «отсидка» Стаса от него никак не зависит. И поэтому решил сам внести в это дело свою лепту. Ну, хорошо. Виталя, ответь мне: что грозит Стасу за его подвиги, если даже оставить за скобками промышленный шпионаж и размещение компрометирующей информации на сайте? Я имею в виду мошенничество.

- Ну, если рассматривать только мошенничество, то Стасу за это грозит срок от пяти до десяти лет, - пожав плечами, ответил Кулагин. – Вообще-то, парни, само по себе «мошенничество», то есть хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием, наказывается лишением свободы на срок до двух лет. Но это по минимуму. В этой статье уголовного кодекса есть некоторые тонкости. Все зависит от обстоятельств дела и от размера ущерба. Учитывая то обстоятельство, что в данном случае мы имеем мошенничество в особо крупном размере, то эта невинная шалость наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей. Только я, Серега, с тобой не согласен! А почему ты не рассматриваешь промышленный шпионаж? Это ведь тоже статья уголовного кодекса. И она имеет номер: статья сто восемьдесят три: незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну. То, что сделал Стас, также наказывается лишением свободы на срок до трех лет. Так что, господа гусары, за все свои подвиги Стас получит по максимуму. И я с Игорьком полностью согласен: это немало! Очень странно, что Штерн этим не удовлетворился.

- Так ведь, Виталя, даже через десять лет Стас бы все равно вышел на свободу, - заметил Толстов. – А если попадет под амнистию, то и еще раньше. А вот Штерн искалечил парню всю оставшуюся жизнь. Серега прав: Штерн хотел лично расправиться со Стасом. А что еще он мог ему в такой ситуации сделать? Уволить его? Для такого кренделя, как Стас, это весьма слабое наказание, если наказание вообще: Стасу всего-то двадцать лет. Он пока что в таком возрасте, что плевать хотел на свою трудовую книжку. Ему пока что на все плевать. Убить его? С точки зрения Штерна это тоже слабое наказание: раз – и все! Видимо, Штерн хотел сделать так, чтобы Стас мучился всю оставшуюся жизнь. И он это блестяще осуществил.

- Во всей этой истории меня больше всего поражает не Стас, - вставил Сергей. – А удивляют меня Корзинкин с Трофимовым. Ну, ладно, я ведь сам не святой: пробовал кое-что послаще варенья и имел кое-что и помимо зарплаты! Но ведь надо же меру знать! Казалось бы: ну, ладно, стал ты начальником, сел на теплое место – так успокойся! Остынь! Живи – и давай жить другим! Так нет ведь! Кажется, что теперь все позволено: мол, ну, как же, право имею! Это же просто беспредел какой-то! Я недавно где-то прочитал, что в администрации губернатора какого-то крупного города приобрели восемь мангалов для приготовления шашлыков. Так вот, господа гусары, там каждый мангал по документам обошелся области почти в миллион рублей! То есть по сорок тысяч долларов! Это же вообще трындец какой-то! Хапают и ртом и задницей одновременно! И другим жить не дают!

- Ну, судя по тому, что ты рассказал, Корзинкин с Трофимовым получили вполне по заслугам, – заметил Бочкарев. – Но, кстати, Виталя, а что стало с теми тремя клоунами, которые в Серегу стреляли и которых мы на квартире Санька взяли? Я имею в виду Философа, Беспалого и Татарина.

- Да я тебя понял, - проговорил Кулагин. – А что с ними станет? Пока еще ничего: сидят в камере предварительного заключения, суда ждут. Но скоро получают они за свои подвиги немалые сроки за милую душу.

- Теперь, когда все стало ясно, меня больше волнует чисто философский вопрос, - заметил Симаков. – Это даже не размер откатов, которые получали Корзинкин и Трофимов и, наверняка, получает и сам Штерн, и все остальное руководство института. Я думаю вообще об откатах.

- Расстраиваешься, что тебе откаты никто не дает? – ехидно спросил Кулагин.

- Нет, - засмеялся Симаков. – Я о другом подумал. Просто ребята, вы поймите, что взятка, или, как сейчас стало модно говорить «откат», или стыдливое «скидка» - это самая натуральная зараза! Это ржавчина, которая разъедает экономику страны! Это раковая опухоль, которая – если ее не вырезать! – уничтожит страну! Если представить себе утопическую ситуацию, при которой взятки неожиданно исчезли, то все розничные цены в стране снизятся минимум вдвое! А то и больше!

- Ты прав, - кивнул головой Бочкарев. – Я недавно услышал одну забавную фразу. Если какой-нибудь человек, назвавшийся бизнесменом, станет утверждать, что он понятия не имеет об откатах, никогда в этом не участвовал, то можно с уверенностью называть его лжецом. До тех пор, пока он не предъявит убедительные доказательства того, что говорит правду. Но если он такие неопровержимые доказательства предъявит, то в этом случае можно с уверенностью утверждать, что это не бизнесмен.

Все опять засмеялись.

- А вы, парни, зря смеетесь, - сказал Бочкарев серьезным тоном. - Откаты являются проблемой для собственников, и для руководителей коммерческих организаций. Получение отката снабженцем приводит к тому, что закупка товара или сырья идет далеко не на самых выгодных для компании-покупателя условиях. А это, как правильно заметил Игорек, в итоге приводит к росту себестоимости и, в конечном счете, к снижению рентабельности бизнеса. А платим за это мы все: потребители. До идиотизма доходит: в стране даже организуются семинары, на которых бизнесменов учат, как надо правильно давать взятки! Я балдею, дорогая редакция! Даже книги на эту тему выходят - полный абзац! Кстати, я лично не так давно такую книгу в продаже видел.

- О, как! - удивился Толстов. – И что, эту книгу того... покупают?

- Еще как! – воскликнул Бочкарев. – Можно сказать, бестселлер! Кстати, я однажды наблюдал за любопытной реакцией крупных государственных чиновников на эту книгу. Один такой «прыщ на ровном месте», скорее всего, имеющий отношение к закупкам, дергался, как червяк на крючке. Увидев эту книгу, на обложке которой крупными буквами было написано слово «Откат», он отдернул руку, словно увидел змею. Словно в Средневековье при виде еретической книги, честное слово! Не поручусь за истину, но в тот момент мне показалось, что он даже убрал руку за спину. А когда узнал от продавца, что эта книга содержит главу о том, как с этой заразой бороться, он наконец-то соизволил взять ее в руки. Но – парни, я тут чуть не свалился от смеха! – первое, что он посмотрел, была глава, посвященная не борьбе с откатами, а технике отката. То есть тому, как эти откаты надо правильно давать! Цирк – да и только!³²

- Только нам-то, простым гражданам, от этого не легче, - заметил Толстов. – Откаты предлагают только государственным чиновникам. А мы платим за это!

- На самом деле откаты предлагают не только чиновникам, - возразил Бочкарев. – Их предлагают очень многим. Практически всем, кто имеет отношение либо непосредственно к закупкам, либо к принятию решений о закупке. В той же самой книге об откатах, я прочитал, что существует даже классификация «откатополучателей»: «девочка», «женщина», «жена» и «проститутка».

После этого неожиданной классификации взяточников все ребята весело засмеялись.

- Ну, и что, спрашивается, вы ржете, как кони? – улыбаясь, спросил Бочкарев. – Это, кстати, очень метко подмечено. Первый из этих типов, «девочка» характеризуется полным отсутствием опыта в вопросах получения и дачи откатов, незнание схем и все такое прочее. Откаты такие «девочки» получают случайно и в очень малых размерах. Практического ущерба это не наносит,

³² Речь идет о книге Дмитрия Ткаченко, автор книги «О.Т.К.АТ.- Особая Техника Клиентской АТтракции» (Прим. Автора)

но беда вся в том, что в «девочках» закупщики засиживаются на весьма непродолжительное время и становятся «женщинами». А вот следующий тип, «женщина» - о, эти знают все об откатных схемах! Такие «женщины» прекрасно понимают намеки и двусмысленные фразы! И если они иногда делают вид, что не понимают, о чем идет речь, то только для подстраховки или для пользы дела. Такие никогда не рискуют понапрасну. Но и у «женщин» доходы от откатов, как правило, случайны. Закупщик типа «женщина» не делает из откатов основного источника своих доходов. Такая «женщина» может взять откат, а может и не взять. Но, как известно, рано или поздно женщина выходит замуж и становится женой. Но уж если закупщик стал «женой», то тогда для продавца понадобится весь его арсенал. Тут уже дело ставится на широкую ногу: ведь «жена» требует от «мужа» и деньги, и внимание, и хорошее отношение, и подарки. Но при этом имейте в виду, парни: обычно «жена» берет откаты только у проверенных людей. Как правило, если «жена» довольна текущей ситуацией, то она постарается отказать новым претендентам. Отказать любым удобным способом. Но вся беда в том, что рано или поздно в мире коррупции «жена» становится «проституткой». Для такой «проститутки» откаты – это основной источник существования. Такой закупщик зарабатывает на откатах. И с таким без отката дальнейшее сотрудничество просто становится невозможным. «Проститутке» не нужны подарки, букеты, неформальные отношения: только откат в чистом - то есть денежном! – виде.

- Честно говоря, Леша, от твоих слов мне становится как-то не по себе, - произнес Сергей. – Получается, что, несмотря на то, что мы все понимаем, что коррупция – страшное зло, это явление неистребимо. И бороться с ней бессмысленно: все равно, что воевать с цунами или землетрясениями...

- Ну, почему же, - усмехнулся Бочкарев. - На самом деле победить коррупцию можно. Просто необходим комплекс мер.

- Интересно, - Симаков всем телом подался к Бочкареву. – С этого момента подробнее, пожалуйста. И как же ты считаешь можно победить откаты, как явление?

- Я тебе скажу, - на этот раз Бочкарев был совершенно серьезен. – Для начала вспомни ситуацию, когда Серегу избili трое гоблинов. Вспомнил?

Симаков кивнул и вопросительно посмотрел на своего друга.

- Теперь проанализируй ситуацию, – продолжал Бочкарев. – Посмотри на нее с точки зрения закона. В данном случае закон совершенно однозначно трактует это преступление: Философ, Беспалый и Татарин виновны, а Серега – не виновен; он – лицо пострадавшее. Так сказать, потерпевший. Согласен?

Симаков снова кивнул.

- Теперь пойдем дальше, - довольным тоном продолжал Алексей. – Коль скоро это так, то Серега может идти в милицию с жалобой, совершенно не опасаясь уголовного преследования. А вот теперь, Игорек, давай доведем ситуацию до полнейшего абсурда: предположим, что по закону Серега точно так же виноват, как и те трое гоблинов. Чему ты улыбаешься? Смешно, да? Конечно, это глупость! Но если на одну секунду предположить, что это так, то в этом случае, как ты полагаешь: пойдет Серега жаловаться в милицию? Не смешите меня: разумеется, никуда он не пойдет! Повторяю еще раз: это пример из области абсурда. Но теперь подумайте сами: ведь наш закон ставит на одну доску и тех, кто берет взятки – и тех, кто дает взятки, верно? А вот теперь сами подумайте: кто в таком случае станет помогать следствию? Самый важный момент, на который необходимо обратить внимание: в раскрытии факта передачи отката должна быть заинтересована хотя бы одна из сторон, которая должна проинформировать правоохранительные органы о предложении коммерческого подкупа. Но на практике это происходит крайне редко! Ну не заинтересованы представители коммерческих организаций подставлять друг друга! Этим и объясняется практически полная латентность³³ данного преступления. И если бы наше

³³ Латентность – скрытность (Прим. Автора)

законодательство изменилось бы таким образом, что тот, кто дает взятку, освобождался бы от наказания – уверяю вас: в этом случае раскрывать подобные художества было бы намного легче. Вспомните: почему Серега не стал поднимать официальную шумиху по поводу отката, полученного Корзинкиным и Трофимовым? Потому что прекрасно знал, что это будет недоказуемо! Тот же Вадик Громадский насмерть будет стоять: мол, я не при делах, ничего не знаю: никому ничего не давал! Вот вам и первый шаг к искоренению откатов!

- Интересная мысль, - пробормотал Сергей. – Честно говоря, мне такое раньше никогда в голову не приходило.

- Ну, с этим тезисом я вряд ли соглашусь, - с сомнением покачал головой Кулагин. – Что же, по-твоему, тот, кто дает откаты, совсем не виноват? По твоей логике получается, что Корзинкин с Трофимовым – это какие-то самые настоящие монстры. А Вадик Громадский – он, напротив: белый и пушистый, так что ли?

- Виталя, есть одна старая поговорка, - возразил Бочкарев. – Сучка не захочет – кобель не вскочит. Что, грубо? Согласен, грубо! Но зато верно! Ты пойми, что, в первую очередь само руководство фирмы должно быть заинтересовано в том, чтобы пресечь откаты. А для этого необходим комплекс мер. Для эффективной борьбы с откатами нужна система действий, конечная цель которой исключение самой возможности – нет, не откатов! - возникновения факторов, которые делают допустимыми откаты! В этом случае исключается проявление мошенничества, пресекается его возникновение. А для этого нужно создать условия, при которых человек не только сможет, но даже не захочет украсть. Причем, сама схема действий борьбы с откатами достаточно проста: прежде всего, выявление и пресечение откатов, затем меры противодействия откатам, а в итоге - восстановление первоначального состояния, то есть безоткатной и честной работы.

Алексей замолчал, взял в руки бутылку пива и сделал большой глоток.

- Это полумеры и не о том вы говорите, ребята, - сказал Володя Мамонтов. – В мире уже давно выработан механизм по борьбе с коррупцией: это декларирование доходов. Для всех – без малейшего исключения. Причем, в декларации указываются не только доходы, но и расходы. При этом заметьте: если расходы превышают доходы, то это и есть сам факт доказательства их незаконности. Подумайте сами: если человек получил тысячу долларов за декларируемый период – как, каким таким фантастическим образом он может потратить даже на один доллар больше? Откуда ему взяться?

- Ну, эти примеры я могу легко привести, - хмыкнул Сергей. – Кредиты, подарки... К тому же, может быть жена у человека много получает. Вариантов много...

- Нет, - улыбнулся Мамонтов. – Насчет жены скажу сразу: есть такое понятие, как совокупный доход на семью. Просто те, кто ведет совместное хозяйство, подают совокупную декларацию о доходах (и, соответственно, расходах). Что касается кредита – это такой же доход – просто с него не выплачивается подоходный налог. Но в случае с кредитом заметь: ты должен предоставить график погашения кредита. А что касается подарков, то поверьте: в мире давно уже научились различать зажигалку с монограммой ко дню рожденья и подаренный автомобиль.

- Неудобно это, - недовольно поморщился Кулагин. – Что же мне: на каждую пачку сигарет брать товарный чек? Это сколько ж бумаг надо?

- Не так много, - возразил Мамонтов. – Во-первых, указывается общая сумма на питание. Причем, существуют разумные диапазоны: ты не можешь потратить на питание меньше минимальной суммы и не можешь потратить больше определенной суммы. Иными словами, если тратишь больше – тогда доказывай чеками. Во-вторых, ты просто указываешь статьи расходов. Такой механизм декларирования ставит заслон коррупции. Но для его внедрения нужна политическая воля, чего у нас нынче, к сожалению, не наблюдается.

- Но это еще не все, - продолжал Бочкарев. – Откаты будут побеждены тогда, когда в обществе будет не декларируемая гласность, а реальная. Когда любая фирма будет обязана публиковать свои актуальные цены и будет нести уголовную ответственность за завышение цен. Когда размер торговых наценок будет резко ограничен законодательно и будет исходить не из желания продавца, а из объективной реальности. Вот тогда разного рода Корзинкиным и Трофимовым поле для маневра будет существенно ограничено.

- Тебе бы, Леша, в президенты баллотироваться, - засмеялся Кулагин. – До чего же красиво излагает, шельма, я даже заслушался!

- Но вообще-то, Серега, я бы на твоём месте не радовался бы - сказал Симаков, - Ты ведь не выиграл во всей этой ситуации.

- То есть? – недоуменно спросил Сергей.

- А что тебе непонятно? – отозвался Кулагин. – Ты остался без работы, был вынужден уволиться. Это, брат ты мой, не победа.

- Ты считаешь, что мне надо было остаться работать под началом этого урода Корзинкина? – возмутился Сергей. – Виталя, я пока что еще себя уважаю! Ты пойми, что зарплата и отметка в трудовой книжке – это еще не все! А как же мое доброе имя? Или ты считаешь, что такие понятия, как честь и достоинство безвозвратно канули в Лету? По-твоему мне надо было продолжать унижаться перед этими ничтожествами?

- Ты, Виталя, не прав, - мягко сказал Толстов. – А вот Серега прав на все сто! Ну, хорошо, допустим, Серега остался бы работать – дальше что? Извини за «высокий штиль», но, как сказано в Священном Писании, «имеющие уши – да услышат». Если Серегу никто не хотел слушать – ну так флаг им в обе руки! Пускай работают сами и живут, как хотят!

- И что же ты теперь будешь делать? – спросил Бочкарев. – Как думаешь дальше жизнь строить?

-А, ерунда, - отмахнулся Сергей. – Найду что-нибудь! В конце концов, на этом институте клином свет не сошелся: в городе полным полно вакансий для системных администраторов в других, не менее крупных организациях.

- По-моему, Серый, ты сейчас неправильно рассуждаешь, - заметил Кулагин. – С твоей высочайшей квалификацией в области информационных технологий тебе пора завязывать работать «на дядю». И пора начинать работать на себя любимого.

- Что ты имеешь в виду? – не понял Сергей, с недоумением уставившись на своего друга.

- А то, - назидательно пояснил Кулагин. – Открывай-ка ты, друг ситный, свое собственное дело! Ведь ты, Серый, программист – от Бога! Поэтому, согласись: глупо, что такой талант пропадает зря!

В подтверждение слов Виталя, все ребята закивали головами в знак согласия.

- Слушайте, мужики, - неожиданно воскликнул Сергей. – А что если нам всем организовать детективное агентство с компьютерным уклоном, а? Будем расследовать компьютерные преступления, помогать руководителям выявлять откаты, недобросовестных сотрудников, незаконные проникновения в систему и тому подобное. Ведь сотрудничество с частным детективным агентством выгодно тем, что можно получить результаты расследования, не доводя дело до суда. Как вы на это смотрите?

- Ты это о чем? – удивленно спросил Толстов. – А мы-то здесь с какого боку проявились? Мы тут при чем?

- При том, что мы с вами, парни, – просто идеальная команда, - объяснил Сергей. – Мы с вами прекрасно можем распутывать преступления. Я убежден, что в подобные ситуации попадают тысячи ни в чем не повинных людей. А на сегодняшний день с помощью высоких технологий

можно творить очень многое – в том числе и разного рода криминальные дела. И потребность в том, чтобы распутывать компьютерные преступления, помогать людям – очень высока. Смотрите: ведь в нашей команде есть и системный администратор, и бизнесмен, и психолог, и милиционер, и инженер-конструктор. Да мы же с вами любое преступление сможем раскрутить! И заодно еще и денег заработаем! Ну, ладно: шут с ним, со Штерном: в конце концов, он получил по заслугам! Но ведь если рассуждать абстрактно: в такую передрагу мог попасть любой бизнесмен! Я прекрасно понимаю Штерна: он не был заинтересован в том, чтобы выносить сор из избы! Но если бы он с самого начала мог бы нанять таких, как мы, то вся эта информация легла бы ему на стол гораздо раньше и безо всяких побочных неприятных последствий!

После этих слов Сергея все замолчали и задумались.

- А что, - задумчиво и вполне серьезно отозвался Кулагин. – На первый взгляд идея неплохая! То, что мы сработаемся – не вопрос! А раскрутить мы можем практически любое компьютерное преступление! Я бы не возражал, Серега, войти с тобой в долю!

- Мне тоже эта идея нравится, - заметил Бочкарев. - Только все надо будет как следует подсчитать: сколько для этого денег понадобится? Ведь нам потребуется офис, разная техника, мебель... Все это ведь денег стоит.

- Были бы цели и желание, а все остальное найдем, - отмахнулся Сергей. – Компьютеры есть у каждого из нас. Офис можно организовать на первое время в любой каморке. Мебель – да неужели мы не найдем старую мебель для нашего офиса?! А потом купим новую – когда раскрутимся.

- Голова ты, Серега, - уважительно отозвался Симаков. – Только что такой, как я в этой фирме делать-то будет?

- Ну, ты сказал, – протянул Сергей. – Ты же инженер – от Бога! В фирме по раскручиванию компьютерных и технических преступлений такой как ты и такой, как Леша будете просто незаменимы!

- Только мы с Володей опять остаемся за бортом, - грустно улыбнулся Толстов. – Мне в этом коммерческом начинании делать совершенно нечего – да и Володе тоже. Эх, и угораздило же меня десять лет назад пойти в школьные учителя...

- Ты что, Санек, с дуба рухнул? – удивленно спросил Бочкарев. – Ты же разбираешься в психологии лучше, чем мы все вместе взятые! В таком деле без такого, как ты, без специалиста по практической психологии никак нельзя обойтись! А Володя – да он же идеальный аналитик!

- Саня, ты пойми, что техника, компьютеры, принтеры, мониторы – это просто бездушные железки, - поддержал друга Сергей. – Но все поступки совершают люди. Оперировать с этими железками тоже люди. А для того, чтобы все понять и распутать клубок преступлений, необходимо хорошо понимать человеческую психологию. Так что, это дело для всех нас!

- А как мы будем называться? – спросил Мамонтов.

- Предлагаю оригинальное название, - произнес Сергей. – Детективное агентство «Терабайт». Что скажете?

- Класс! – воскликнул Кулагин. – За это надо выпить!

Ребята сдвинули бутылки пива и чокнулись ими.

Низкие тучи плыли по небу. Закапал первый теплый осенний дождь.

Бабье лето кончилось.

Наступила осень.

Послесловие

12. Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки.

Евангелие от Матфея, Глава 7.

Я часто думаю: почему люди поступают именно так, а не иначе? Зачем мы поступаем с людьми так, как даже в самом кошмарном сне не хотели бы, чтобы они поступили с нами? Мы жаждем денег, власти, земных благ, сытости? Допустим... Но как же наши души? Не слишком ли дорогую цену мы платим за то, чтобы вкусно поесть, мягко поспать и затем помыкать и глумиться над себе подобными?!

О чем этот роман?

Конечно, о дружбе. О том, что сильнее денег, сильнее власти, сильнее любого правительства на Земле.

Это роман о том зле, которое делает нашу сегодняшнюю жизнь намного тяжелее. О неизменной черте современного бизнеса, о мерзком «обычае делового оборота»: об откатах и распилах. О том заразе, которая уничтожает нашу страну.

Но, прежде всего, это роман о человеческих отношениях.

Все, что с нами происходило в жизни, происходит сейчас, и будет происходить потом не ново. Как сказано в Книге Экклезиаста «что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем».

Возможно, кто-то узнает в моих героях своих знакомых. Не исключаю, что кто-то узнает и себя. Но дело не в том «похоже» или «не похоже». Дело совсем в другом.

Я хотел сказать, что не нужно делать другим людям гадости. Вспомните золотое правило: «во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними».

Зло никогда не породит добра. Зло порождает лишь зло – и ничего другого.

Зло всегда возвращается бумерангом.

А коррупция, распилы, откаты – это то Зло, которое может уничтожить Россию.

Нам с вами жить в нашей стране. Не чиновникам, не паразитам, а нам: тем, кто сеет хлеб, пишет программы, учит детей. Тем, кто создает и живет честно.

Конец